947
А-66

Изданіе В. И. Яковенко.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

КР47 — 104

№ 5.

Ник. Андреевъ.

ВѢЧЕВАЯ РУСЬ

или

Вольный городъ Новгородъ Великій.

Съ 15 рисунками и 2 картами.

Цѣна [redacted] коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.
1912.

1991
202-п

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТ... СКАЯ
БИБЛИОТЕКА

991817 М

Оглавленіе.

стр.

I. **Новгородская торговля.** Расположеніе Новгорода. Его военное устройство. Сословія. Иностранная торговля. Торговля съ Суздальскимъ краемъ. Купеческія артели. Новгородскіе пригороды. Ярмарки. Особенности новгородской торговли 5

II. **Экономическая жизнь новгородской области.** Волости и пятины. Скудность почвы, обиліе лѣсовъ и пушного звѣря. Завоеваніе и заселеніе Заволжья. Крупное землевладѣніе. Половники. Закладни. Своеземцы. Малое развитіе внутренней торговли. Деньги. Ремесла. 21

III. **Враги Великаго Новгорода.** Борьба съ суздальскими князьями. Возникновеніе Ливонскаго ордена и захватъ нѣмцами рижскаго побережья. Борьба Новгорода со шведами и нѣмцами. 30

IV. **Управленіе Новгорода и борьба партій.** Вѣче. Посадникъ, тысяцкій и другія власти. Господа. Князь. Политическая сила бояръ. Неравномѣрное распредѣленіе налоговъ. Партійная борьба. Новгородскій архіепископъ. Попытка пріобрѣсти церковную самостоятельность. Партійныя побоища. Побѣда боярской партіи и тяжелое положеніе простого народа. 38

V. **Паденіе Новгородской вольности.** Новгородъ и Тверь. Новгородъ и Москва. Приглашеніе литовскаго князя. Походы Ивана III на Новгородъ и уничтоженіе его свободы 51

VI. **Новгородскія ереси.** Невѣжество новгородскаго духовенства. Зарожденіе въ Новгородѣ свободомыслія. Причины этого. Ересь стригольниковъ. Ересь жидовствующихъ. 58

VII. **Сказанія и былины Новгородскія.** Былина о Садкѣ. Былина о Василіи Буслаевѣ. Повѣсть о посадникѣ Щилѣ. 64

При составленіи этой книги авторъ пользовался, между прочимъ, слѣдующими пособіями:

Н. И. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. 1 и 2 т.

А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода.

В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи.

— Боярская дума въ древней Руси.

Н. А. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть II, вып. I.

— Городъ и деревня въ русской исторіи.

— Политическія партіи въ Новгородѣ. Журн. М. Н. Просв. 1901, апр.

А. Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. Томъ I, ст. „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“.

Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. II.

I.

Новгородская торговля.

Тихъ и скроменъ теперь губернскій городъ Новгородъ.

Размѣрами онъ не великъ, ведетъ небольшую торговлю и мало чѣмъ отличается отъ большинства другихъ губернскихъ городовъ Россіи. Не такимъ былъ онъ въ древности, лѣтъ 500 — 700 тому назадъ. Тогда шла о немъ слава по всей Руси и даже иностранцы знали его больше и лучше, чѣмъ другіе русскіе города. Это былъ *державный* городъ, который жилъ «по всей своей волѣ», не признавая надъ собой никакой высшей власти и самъ повелѣвая обширной областью, тянувшейся отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ и отъ Волги до Бѣлаго моря. Новгородъ былъ *вольнымъ* городомъ, и гордые своей свободой новгородцы величали его «Господиномъ Великимъ Новгородомъ». Давно уже Новгородъ потерялъ свою свободу, давно угасла его слава, и лишь немногіе памятники старины слабо напоминаютъ намъ о дняхъ его былого величія.

Чѣмъ же былъ такъ славенъ Великій Новгородъ? На чемъ держались его вольности? Почему и какъ они исчезли? Вотъ вопросы, которые возникаютъ, когда мы смотримъ на древнія стѣны собора св. Софіи, на остатки

его древнихъ башенъ и стѣнъ, вспоминаемъ его прежнюю славу и видимъ его теперешній убогій видъ.

Древній Новгородъ, какъ и въ настоящее время, былъ расположенъ по обоимъ берегамъ р. Волхова, недалеко отъ истока его изъ оз. Ильменя. Вотъ какими словами описываетъ этотъ городъ фламандскій рыцарь Жильбертъ

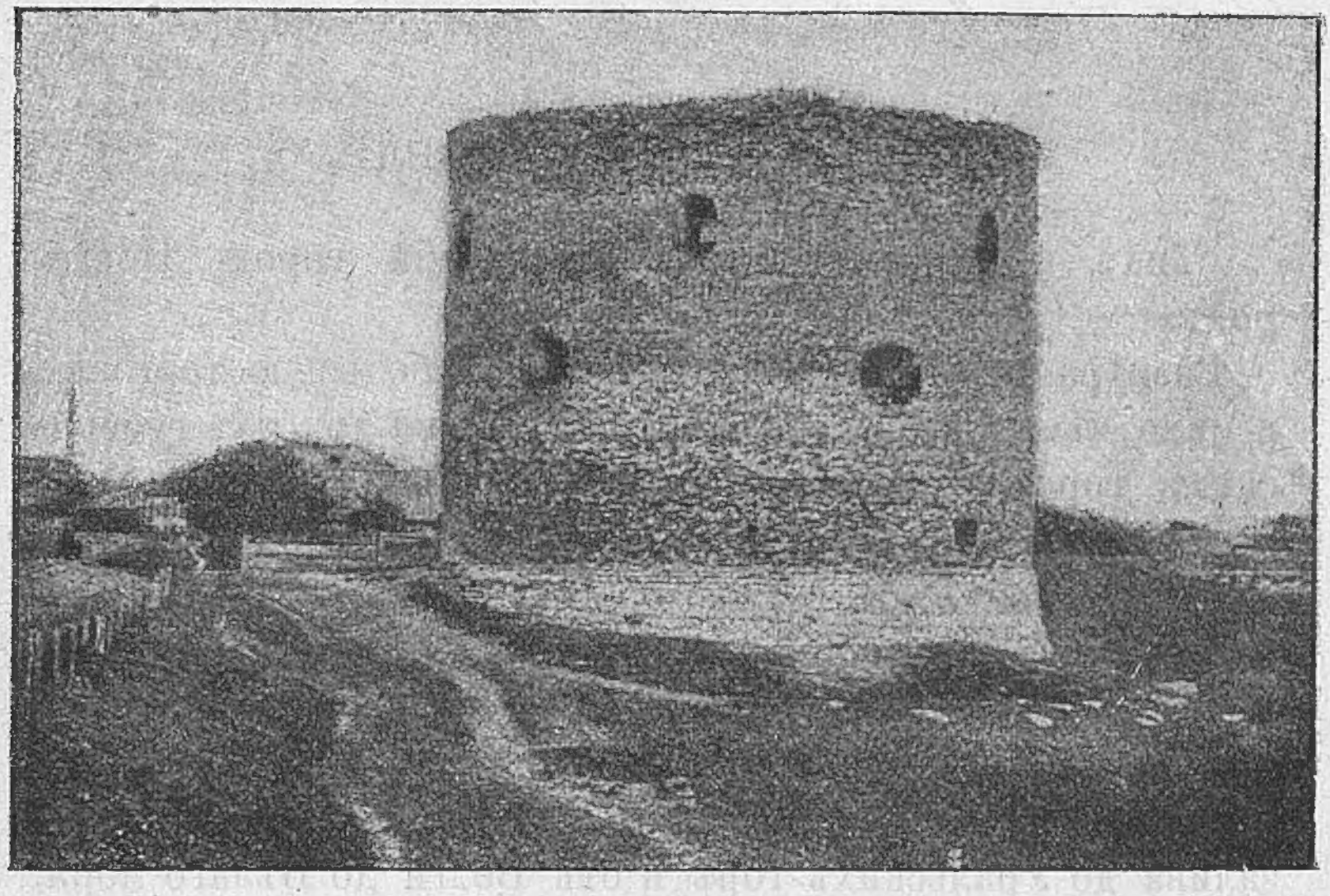


Рис. 1. Бѣлая башня въ Новгородѣ.

де Ланнуà, пробывшій 9 дней въ Новгородѣ въ ноябрѣ 1413 г.: «Великій Новгородъ удивительно большой городъ, расположенный на красивой равнинѣ, окруженный большими лѣсами, а лежитъ онъ въ низменной мѣстности, пересѣкаемой рѣчками и болотами, а по среди города протекаетъ очень широкая рѣка, называемая Волховомъ. Но городъ защищенъ плохими стѣнами, сдѣланными изъ плетня и земли, хотя башни и каменныя... Имѣютъ за-

мокъ, расположенный надъ упомянутой рѣкой, и въ замкѣ находится главный храмъ св. Софіи, которую почитаютъ». Рѣка дѣлила городъ на двѣ части, изъ которыхъ одна носила названіе Софійской (лѣвый берегъ), другая—Торговой стороны (правый берегъ). На торговой сторонѣ происходилъ торгъ; Софійская—получила свое названіе отъ собора св. Софіи, построеннаго въ половинѣ 11 столѣтія по образцу собора св. Софіи въ Кіевѣ. На торговой сторонѣ, на обширной площади, называвшейся Ярославовымъ дворомъ (здѣсь стоялъ дворецъ князя Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ), собирались новгородцы на вѣче. Соборъ св. Софіи стоялъ въ крѣпости, называвшейся дѣтинцемъ. Эту крѣпость Ланнуà и называетъ замкомъ. Отсюда шелъ большой каменный мостъ на Торговую сторону. Весь городъ дѣлился на пять частей, или «концовъ»: два на Торговой (Плотницкій и Словенскій) и три на Софійской сторонѣ (Наревскій, Загородскій и Гончарскій или Людинъ). Кругомъ шелъ крѣпкій земляной валъ съ башнями и глубокимъ рвомъ. За городской стѣной широко вокругъ раскинулись посады, монастыри, монастырскія деревни.

Подобно Кіеву и другимъ древне-русскимъ городамъ Новгородъ имѣлъ изстари военное устройство. Во главѣ его вооруженныхъ силъ стоялъ *тысяцкій*, весь городъ составлялъ тысячу и дѣлился на сотни, съ *сотскими* во главѣ. Двѣ сотни составляли конецъ съ *кончанскимъ* старостой во главѣ; конецъ дѣлился на улицы, во главѣ которыхъ находились *улицкіе* или *уличанскіе* старосты. Въ минуту опасности всѣ эти лица, выбранныя народомъ, принимали начальство надъ новгородскимъ войскомъ и его частями. Въ мирное время они заботились о порядкѣ, благоустройствѣ и судопроизводствѣ въ городѣ и его частяхъ.

Софійская часть была населена преимущественно ре-

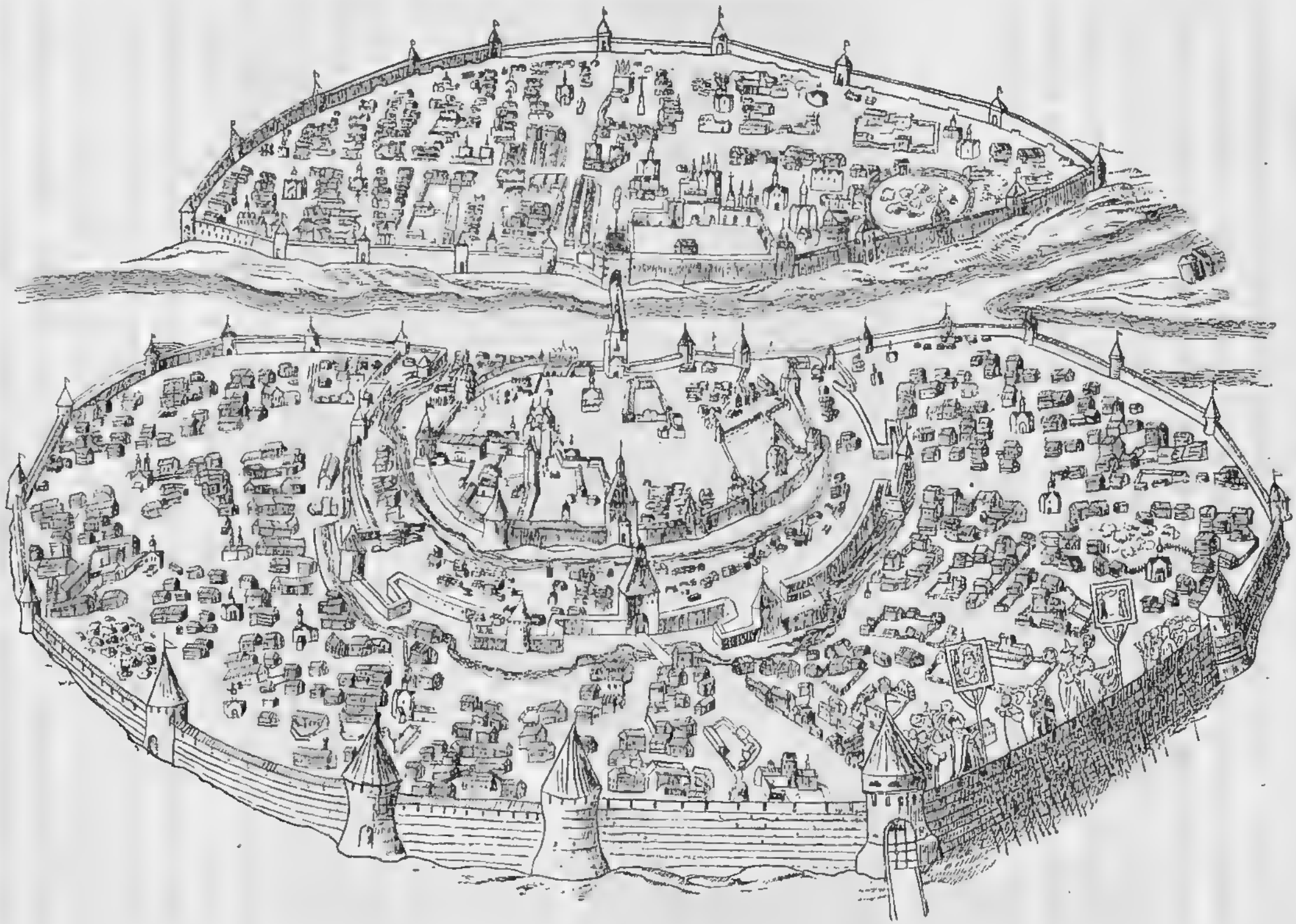


Рис. 2. Планъ Великаго Новгорода (сдѣланъ въ 16 вѣкѣ).

месленниками, чернорабочими и другимъ мелкимъ людомъ; богатые и знатные люди селились главнымъ образомъ на Торговой сторонѣ. Самыми вліятельными людьми

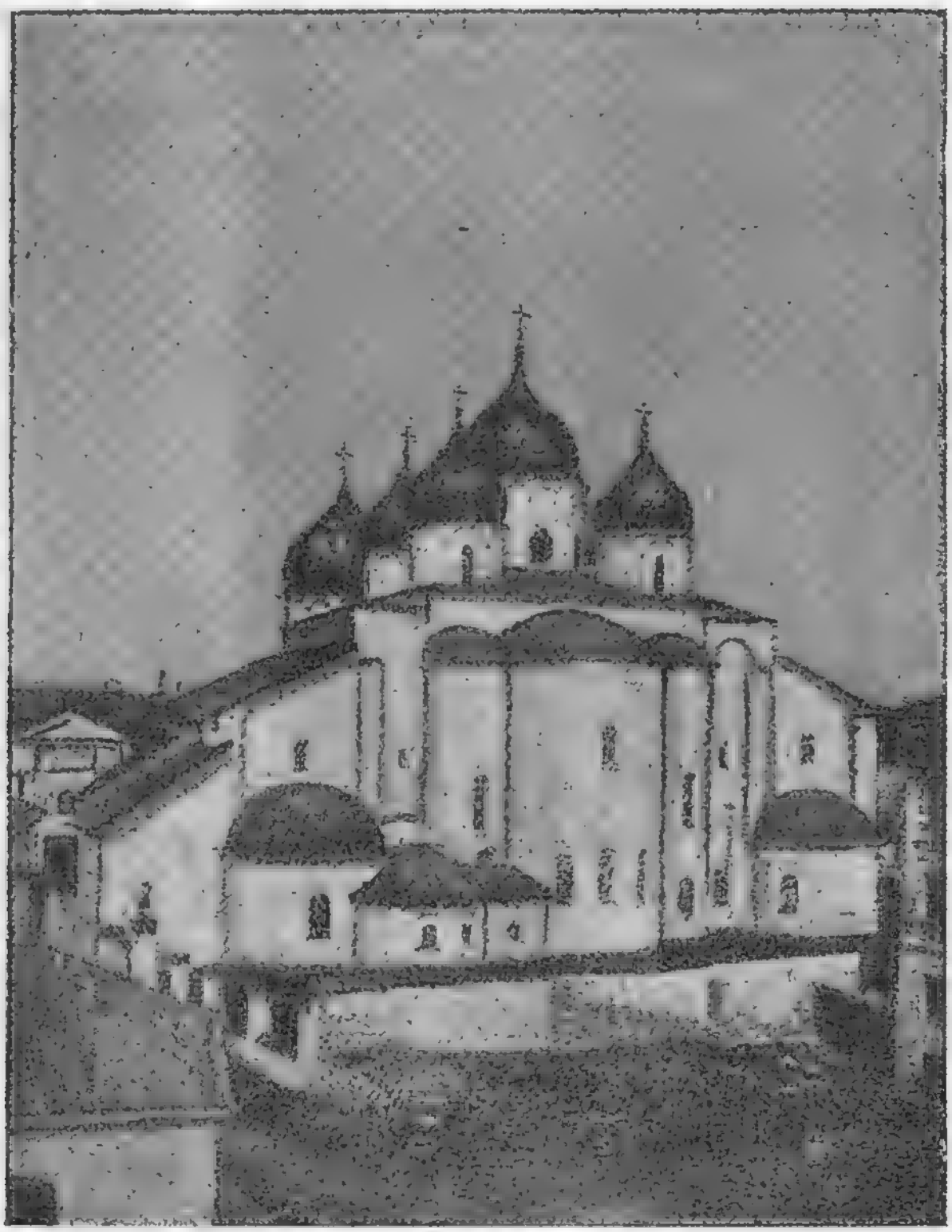


Рис. 3. Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ.

въ Новгородѣ были *бояре*. Они владѣли обширными земельными участками въ Новгородской области и имѣли огромные денежные капиталы. Имъ принадлежали самые красивые и обширные дома въ городѣ. Другое сословіе это

купцы, которые дѣлились на *житьихъ людей* и просто купцовъ; житьи люди—это наиболѣе богатые и родовитые купцы. Купцовъ было очень много въ Новгородѣ, такъ какъ городъ велъ весьма обширную по тому времени торговлю. Все остальное населеніе города называлось *черными*

Рис. 4. Церковь Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода (построена въ 1198 г.).

людьми; здѣсь были и ремесленники, и крестьяне, и всѣ вообще свободные люди, добывавшіе себѣ пропитаніе мелкой торговлей, ремесломъ, земледѣліемъ, охотой или работой на другихъ.

Среди многотысячнаго населенія Новгорода купцы не даромъ занимали очень видное положеніе. Они вели об-

ширную торговлю съ иностранцами и съ ростово-суздальскимъ краемъ. Торговля съ иностранцами началась еще съ 11 и даже 10 вѣкѣ, въ то время, когда варяги начали свои походы по Волхову, Днѣпру и Черному морю въ Царьградъ. Новгородъ возникъ какъ разъ на сѣверномъ концѣ пути «изъ Варягъ въ Греки», но

Рис. 5. Церковь Ѳедора Стратилата на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ.

пока процвѣталъ Кіевъ, онъ не выдавался еще особенно среди другихъ торговыхъ городовъ Руси. И только въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣка, когда Кіевъ бѣднѣлъ и разорялся все сильнѣе и сильнѣе, стала рости и шириться торговля Новгорода.

Южныя и юго-восточныя области Руси были опустошены татарами, и тамъ надолго замерла торговая и промышленная жизнь, но Новгорода татарскіе набѣги не коснулись. Въ то же время 12 — 13 вв.) въ западной Европѣ возникъ обширный союзъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ, носившій названіе Ганзы, или ганзейскаго союза. А раньше того новгородцы торговали со шведами и датчанами, потомками древнихъ варяговъ. Въ 11 и 12 вв. новгородцы ѣздили въ городъ Висби на о. Готландѣ, а готскіе купцы имѣли въ Новгородѣ даже свой постоянный дворъ и церковь. Во дворѣ находились жилища пріѣзжихъ купцовъ-иностранцевъ и товарные склады. Черезъ готскихъ купцовъ новгородцы познакомились и съ нѣмцами, которые уже въ 12 вѣкѣ тоже выстроили въ Новгородѣ свой дворъ. Но только въ половинѣ 13 в., когда ганзейскій союзъ окрѣпъ, торговля съ нѣмцами становится особенно оживленной. Во главѣ ганзейскаго союза сталъ городъ Любекъ, который держалъ не только торговый, но и военный флотъ для защиты интересовъ союза. Островъ Готландъ сдѣлался подвластнымъ союзу, и скоро нѣмецкіе купцы забрали въ свои руки всю торговлю Новгорода съ Европой.

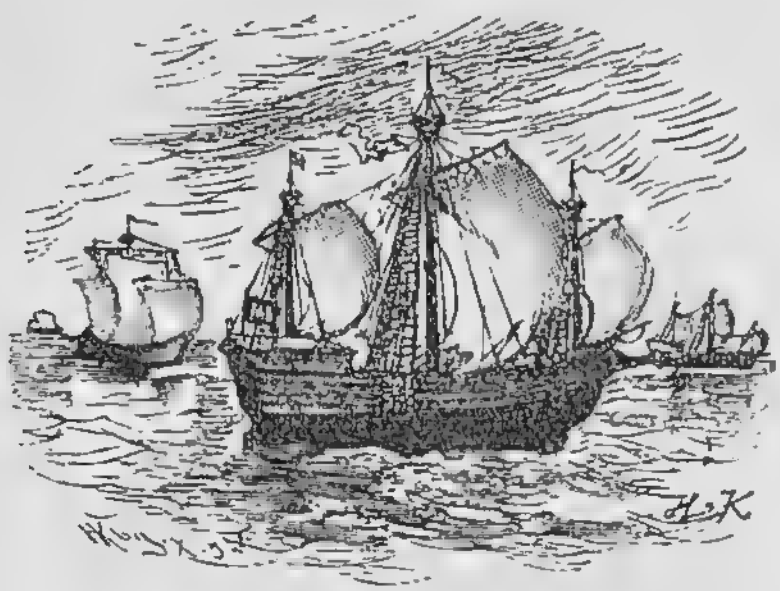


Рис. 6. Ганзейское торговое судно.

Сухимъ путемъ, обыкновенно зимою, новгородскіе купцы пробирались въ Нарву, Дерптъ, Ревель и Ригу, нѣмецкіе города, лежавшіе къ западу отъ Новгорода. Въ Данцигъ, въ Любекъ и на островъ Готландъ они ѣздили по

морю, иногда на своихъ, а больше на нѣмецкихъ корабляхъ. Бывали купцы Великаго Новгорода и въ шведскихъ городахъ Стокгольмѣ, Або и Выборгѣ. Но не особенно часто предпринимали новгородцы морскія путешествія; къ тому же нѣмецкіе товары можно было купить и въ самомъ Новгородѣ, куда ежегодно пріѣзжало много нѣмецкихъ купцовъ.

Народы Западной Европы и въ то время были гораздо образованнѣе русскихъ, и промышленность у нихъ стояла выше. Нѣмцы привозили въ Новгородъ заграничныя сукна и полотна (англійскія, фламандскія и нѣмецкія), оружіе, металлическія издѣлія, краски, южныя вина и фрукты, конфекты; кромѣ того, новгородцы покупали у нѣмцевъ соль, желѣзо, свинецъ, мѣдь, олово, серебро и золото, хлѣбъ, въ которомъ они часто нуждались. А нѣмцы покупали въ Новгородѣ главнымъ образомъ сырье и мѣха: кожи, ленъ, коноплю, свиное сало, ворвань, воскъ, медъ, шерсть, щетину, собольи, бобровыя, куньи, хорьковыя, лисьи, горностаевыя, волчьи, медвѣжьи шкуры.

Въ тѣ времена торговля была очень нелегкимъ и опаснымъ дѣломъ. Правильно устроенныхъ дорогъ не существовало вовсе. Въ пути купца могли ограбить и убить разбойники, шайки которыхъ бродили между селеніями и ѣздили по морямъ. Сами князья и другія владѣтельныя лица не брезгали при случаѣ разбоемъ и не хуже дорожныхъ разбойниковъ обирали купцовъ. Понятно, поэтому, что купцы не рѣшались ѣхать въ дальній путь въ одиночку; они отправлялись въ дорогу цѣлыми партіями, вооруженные съ ногъ до головы. Купецъ долженъ былъ быть не только хорошимъ торговцемъ, но и лихимъ воиномъ.

Такъ было и у насъ, на Руси, и за границей. Нѣмецкіе и готскіе купцы пріѣзжали въ Новгородъ большими

партіями на своихъ корабляхъ. Ѣхали они по Балтійскому морю и Финскому заливу до острова Котлина, который былъ границей Новгородской земли. Отсюда нѣмцы посылали передовыхъ до устья Невы, и вѣсть о прибытіи иностранныхъ гостей быстро доходила до Новгорода. Новгородцы отряжали пристава и нѣсколькихъ купцовъ для встрѣчи нѣмецкихъ гостей, которыхъ они и провожали до самаго Новгорода. До Ладоги (у устья Волхова) иноземцы ѣхали на своихъ судахъ, руководимые мѣстными лоцманами. Но по Волхову на морскихъ корабляхъ ѣхать уже нельзя было; товары перегружались на мелкія рѣчныя суда, и другая партія лоцмановъ проводила ихъ до Новгорода черезъ волховскіе пороги. Новгородцы брали на себя охрану и ручались за ихъ безопасность только въ томъ случаѣ, если гости давали знать о своемъ прибытіи. Невдалекѣ отъ Новгорода суда останавливались; новгородскіе служилые люди осматривали товары и облагали ихъ небольшой пошлиной. Съ пристани товаръ на извощикахъ довозился до Готскаго или Нѣмецкаго двора, смотря потому, куда онъ направлялся. Чтобы не было пререканій съ извощиками, была установлена точная плата за доставку товара съ пристани на оба двора.

Нѣмецкіе купцы хранили свои товары въ особыхъ помѣщеніяхъ на своемъ дворѣ, даже подвалы нѣмецкой церкви были завалены товаромъ. Огороженные высокой стѣной, съ часовыми у воротъ, нѣмцы жили на своемъ дворѣ совершенно обособлено отъ новгородцевъ. На основаніи договоровъ, новгородскія власти не вмѣшивались въ ихъ взаимныя отношенія. Всѣми дѣлами нѣмецкихъ купцовъ завѣдывалъ выбранный ими старшина, *ольдерменъ*; ольдермены же были и судьями надъ нѣмцами, и безъ ихъ разрѣшенія ни одинъ чиновникъ новгородскій не имѣлъ права войти въ нѣмецкій дворъ. Торговали

Рис. 7. Старо-Ладожская Рюриковская крѣпость.

нѣмцы не въ одиночку, не каждый въ отдѣльности на свой страхъ и рискъ, а всѣмъ дворомъ. Совѣтъ нѣмецкой компаніи точно устанавливалъ, что именно и по какой цѣнѣ надо купить у новгородцевъ и сколько каждый купецъ въ отдѣльности получаетъ на свою долю. Точно также устанавливалась цѣна и продаваемыхъ товаровъ. Такъ какъ нѣмцы захватили въ свои руки всю торговлю по Балтійскому морю, то они брали съ новгородцевъ очень высокую цѣну за свои и давали очень низкую цѣну за русскіе товары. И Новгородцы волей неволей должны были подчиняться такому порядку. Нерѣдко за очень дорогую цѣну они получали невозможную дрянь. Но въ свою очередь и они старались всучить иностранцамъ гнилое и содрать съ нихъ хорошія деньги. Нѣмцы часто жаловались на то, что новгородцы подмѣшиваютъ въ воскъ сало, смолу, песокъ и даже камни, продавали поддѣльные мѣха, красили ихъ, обрѣзывали шкурки и тому подобное. Много проявлялось тогда съ обѣихъ сторонъ смѣтливости, ловкости, осторожности и опытности, чтобы не дать себя въ обиду при покупкѣ чужихъ и продажѣ своихъ товаровъ.

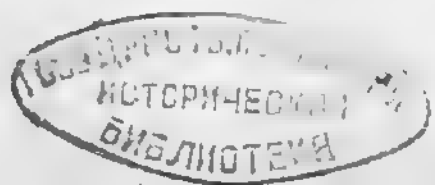
Кромѣ морского пути, нѣмцы привозили свои товары въ Новгородъ и сухимъ путемъ черезъ Псковъ и Нарву; это былъ преимущественно зимній, санный путь. Другими дорогами возить товары въ Новгородъ запрещалось. Точно также установлено было и время пріѣзда нѣмцевъ въ Новгородъ,—они имѣли право пріѣзжать сюда только два раза въ году: въ началѣ лѣта (лѣтніе гости) и въ началѣ зимы (зимніе гости). Первые уѣзжали обратно въ концѣ осени, вторые—весной. Постоянно нѣмцы въ Новгородѣ не жили.

Не только для себя, не только для новгородскаго населенія закупали новгородскіе гости (купцы) иноземные

товары. Они сбывали эти товары также и въ Суздальской землѣ, или въ Поволожьѣ. По притокамъ Ильменя, по Волгѣ и Окѣ и по многочисленнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ нихъ, пробирались новгородскіе купцы въ самую глубь Суздальской Руси, въ Ростовъ, въ Муромъ, во Владиміръ, въ Рязань, въ Тверь и другіе города.

Новгородцы входили съ суздальскими князьями въ соглашеніе о томъ, чтобы тѣ не брали съ нихъ высокихъ пошлинъ, чтобы не давали ихъ въ обиду своимъ людямъ и не обижали ихъ сами. Не всегда, конечно, князья исполняли свои обѣщанія. Нерѣдко бывало, что въ случаѣ неладовъ съ Новгородомъ новгородскіе купцы, бывшіе въ то время въ Суздальской землѣ, забирались въ плѣнъ и теряли все, что имѣли. Конечно торговля сильно страдала отъ того, что купцы никогда не имѣли полной увѣренности въ своей безопасности. Въ обмѣнъ на иноземные товары новгородцы доставали въ Поволожьѣ разное сырье и хлѣбъ. Сырье они сбывали за границу, а хлѣбъ продавали въ Новгородѣ, который всегда въ немъ сильно нуждался.

Подобно нѣмцамъ, новгородскіе купцы совершали свои торговыя поѣздки артелями, а не въ одиночку. Совмѣстныя поѣздки положили начало купеческимъ товариществамъ, или артелямъ. Такихъ артелей въ Новгородѣ было много. Купцы, ѣздившіе въ Висби и нѣмецкіе города по Балтійскому морю, составляли артель *поморскихъ* купцовъ. Купцы, торговавшіе съ суздальскимъ краемъ, который называли въ Новгородѣ Низовой землей, были членами артели *низовскихъ* купцовъ. Существовала артель купцовъ-прасоловъ, торговцевъ скотомъ и продуктами скотоводства; извѣстны артели побережская, лубяницкая, данславская, гудинцевская. Наиболѣе богатой и вліятельной артелью было товарищество купцовъ, соединившихся



около церкви Ивана Великаго на Опокахъ. Опоки — это мѣстность около Ярославова двора. Только очень богатые купцы вступали въ «Иванову сотню», какъ именовалась эта артель. Для этого необходимо было внести 50 гривенъ (5000 руб. на наши деньги) въ казну артели и пожертвовать въ пользу церкви $29^1/_2$ гривенъ (около 3000 рубл.). Купецъ, сдѣлавшій такіе вклады, получалъ званіе «пошлаго», т. е. настоящаго, почтеннаго, именитаго купца и оставлялъ это званіе въ своемъ потомствѣ. Артель помогала купцу въ затруднительныхъ случаяхъ, а «пошлые» купцы во время своихъ торговыхъ поѣздокъ получали отъ города военный отрядъ для охраны.

Церковь Ивана Великаго на Опокахъ стояла на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ Новгородѣ. Здѣсь находился гостинный дворъ, гдѣ всѣ купцы безъ различія могли складывать свои товары. Купцы же «Ивановой сотни», кромѣ того, наполняли своими товарами подвалы церкви, а казну свою хранили въ самой церкви. Тутъ же былъ и рынокъ, гдѣ торговали съѣстными припасами и разной мелочью. Около церкви помѣщались и вѣсы, на которыхъ вѣшали товары; при вѣсахъ стояли особые выборные надсмотрщики, наблюдавшіе за правильностью вѣса и взимавшіе за взвѣшиваніе особую пошлину съ покупателя. А рядомъ стояли маленькіе вѣсы для взвѣшиванія слитковъ золота и серебра, которыми платили вмѣсто чеканеныхъ денегъ. При церкви Ивана Великаго собирался и торговый судъ для разбора разныхъ ссоръ и несогласій между купцами.

Новгородъ былъ самымъ значительнымъ городомъ во всей Новгородской области. Въ 1545 г., когда его торговля уже упала, въ немъ насчитывалось около 25 тысячъ населенія. Въ 13 и 14 вв. оно было, вѣроятно, вдвое больше. По тому времени такой городъ считался

огромнымъ. По своимъ размѣрамъ къ Новгороду приближался Псковъ, который сначала считался пригородомъ Великаго Новгорода, а затѣмъ отдѣлился отъ него и сталъ такимъ же вольнымъ городомъ, какъ и его «старшій братъ» [1]). Наиболѣе значительными пригородами Великаго Новгорода были Руса и Торжокъ. Въ этихъ трехъ городахъ и сосредоточивалась вся торговля Новгородской области. Что же касается другихъ пригородовъ, то это были очень незначительныя селенія, которыя даже и городами-то считать трудно. Въ одномъ изъ крупныхъ Новгородскихъ пригородовъ — Корелѣ — въ въ 1500 г. насчитывалось 267 дворовъ и около 1500 человѣкъ жителей; въ томъ же году въ Ямѣ было около 1200, въ Ладогѣ—600 человѣкъ. Кромѣ этихъ пригородовъ въ Новгородской области находились еще: Ржевъ, Великія Луки, Бѣжичи, Копорье, Орѣшекъ, Демань, Курскъ, Холмъ и Высокій. Пригороды возникали либо какъ укрѣпленія къ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала опасность отъ вторженія непріятелей въ страну, либо какъ торговыя мѣста на судоходной рѣкѣ или озерѣ. Такъ Ладога лежала при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, Орѣшекъ—у истоковъ Невы, Яма—по Лужскому (по р. Лугѣ) торговому пути и т. д.

Торговля во всѣхъ этихъ городахъ происходила главнымъ образомъ во время ярмарокъ. Ярмарки устраивались такъ, что купцы въ теченіе цѣлаго года могли переѣзжать изъ одной мѣстности въ другую. «На всѣхъ этихъ торгахъ толпились купцы не только новгородскіе и новгородскихъ пригородовъ и волостей, новоторжцы, ржевичи, бѣжичане, шелонцы, вожане, деревцы, но и другихъ земель: псковичи, москвичи, рязанцы, тверичане,

---

[1]) Его называли «младшимъ братомъ» Великаго Новгорода.

бѣлозерцы, торопчане, смольняне и литвины. Торжища собирались близъ разныхъ монастырей, на ихъ храмовые праздники, поѣздки туда совершались вмѣстѣ и для торговли и для богомолья. Всѣ эти торжки были въ тѣ времена сборнымъ мѣстомъ сношеній; туда пріѣзжали не только закупщики товаровъ и продавцы, но и хозяева для закупки домашняго обихода. Эти торжки были и мѣстомъ развлеченія,—тутъ заводились корчмы съ пьяными напитками и веселыми женщинами, тамъ скоморохи потѣшали народъ зрѣлищами» (Костомаровъ).

Такова была торговля Великаго Новгорода. По нашимъ временамъ она не считалась бы особенно обширной и оживленной. Кромѣ того, она была обставлена строгими и сложными правилами и велась, какъ видимъ, совсѣмъ инымъ способомъ, чѣмъ ведется торговля въ наши дни. И еще одной особенностью отличалась новгородская торговля: она была *передаточной*, посреднической. Въ самомъ дѣлѣ, новгородскіе купцы занимались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что иноземные товары сбывали на Руси, а русское сырье продавали иностранцамъ. Новгородъ былъ какъ бы передаточнымъ пунктомъ (мѣстомъ), посредникомъ между чужеземцами и Русью. Собственной промышленности, разсчитанной на сбытъ, въ Новгородѣ не было.

Торговля обогащала лишь купцовъ, да бояръ, которые пускали свои капиталы въ оборотъ. Чѣмъ же и какъ промышляло остальное населеніе Новгорода и Новгородской области? Торговля была дѣломъ меньшинства; чѣмъ же жило огромное большинство народа?

II.

Экономическая [1]) жизнь Новгородской области.

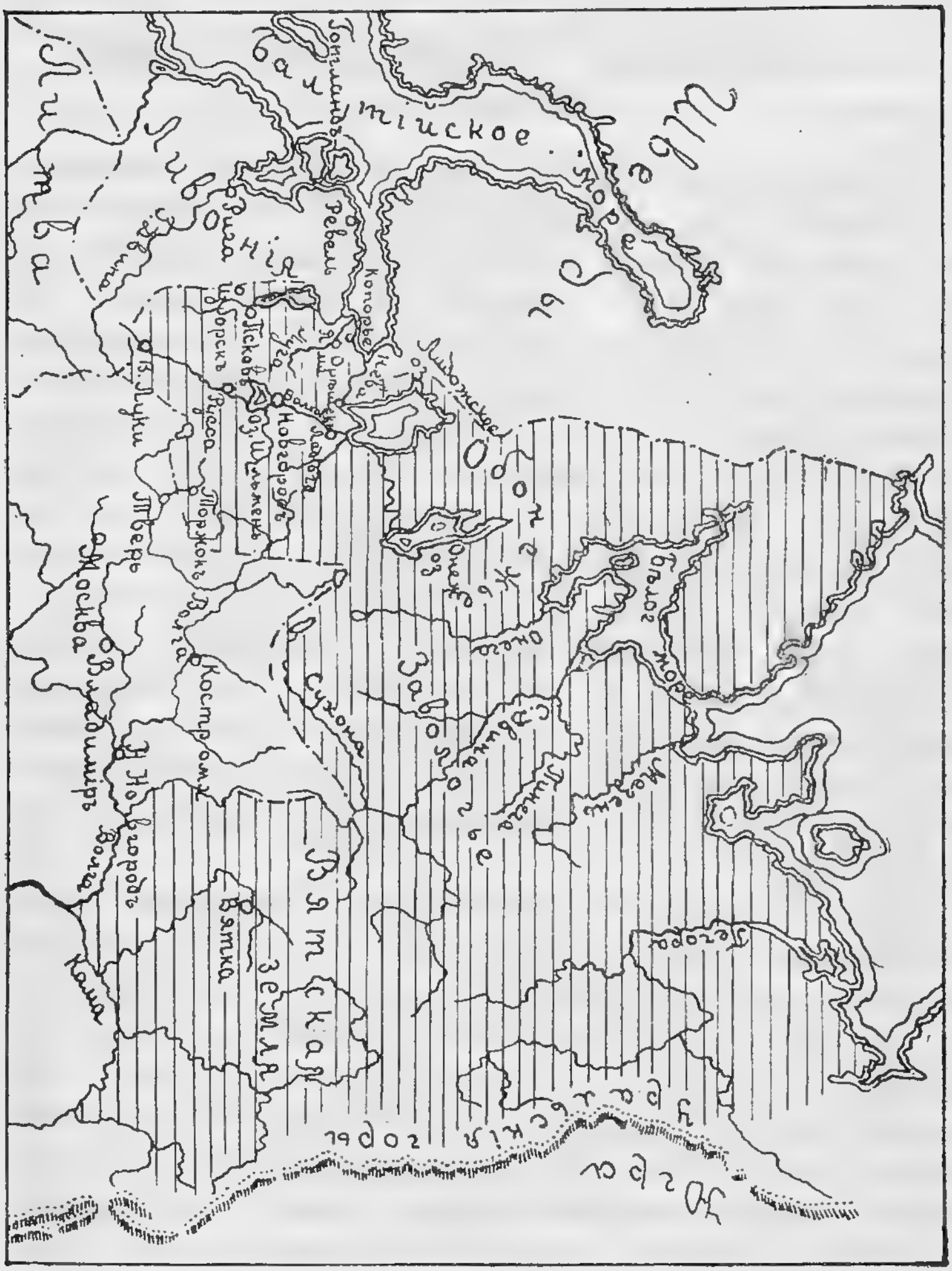
Обширная новгородская земля дѣлилась на «пятины» и «волости». Мы уже знаемъ, что въ Новгородѣ было пять концовъ; пятиной называлась область, приписанная къ одному изъ этихъ концовъ. Къ сѣверу-западу отъ Новгорода до финскаго залива и рѣки Луги тянулась *Вотская* пятина (по имени обитавшаго тамъ финскаго племени Вотъ); на сѣверо-востокъ, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера расположилась *Обонежская* пятина, или *Обонежье*; на юго-востокъ между рѣками Мстою и Ловатью шла пятина *Деревская*; къ югу-западу между рѣками Лугой и Ловатью по р. Шелони тянулась *Шелонь-ская* пятина; между Обонежской и Деревской лежала *Бѣжецкая* пятина. Болѣе отдаленныя отъ Новгорода земли носили названіе волостей. По р. Сѣверной Двинѣ шла Двинская волость, или Заволочье, далѣе Пермская и волость Печоры, за Ураломъ лежала Югорская земля или волость Югры.

Огромные дремучіе лѣса покрывали большую часть новгородскихъ пятинъ и областей. Хорошей, годной для земледѣлія земли было мало; только къ юго-западу и югу отъ Новгорода можно было заниматься обработкой земли съ нѣкоторымъ успѣхомъ. За то этотъ суровый и холодный край съ болотистой почвой, покрытый дремучими лѣсами, изобиловалъ неизмѣримымъ множествомъ всякаго пушного звѣря. Недаромъ главной статьей Новгородской торговли съ нѣмцами были мѣха. Звѣрей въ лѣсахъ во-

---

[1]) Т. е. хозяйственная.

дилось такъ много, что въ народѣ ходили на этотъ счетъ



Карта 1. Новгородскія области.

всякіе фантастическіе разсказы (небылицы). Такъ гово-

рили, что на востокъ отъ Югры есть полуночныя страны, въ которыхъ звѣри валятся изъ тучъ. Находитъ одна туча и изъ нея во множествѣ падаютъ на землю молодыя виверицы, бѣлки и, выросши, распространяются по окрестностямъ. Собирается другая туча, и по землѣ разбѣгаются олени, выпавшіе изъ облаковъ. Чѣмъ дальше на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Новгорода, тѣмъ дремучѣе шли лѣса, тѣмъ больше водилось въ нихъ пушного звѣря.

Еще до прихода славянъ въ Новгородской странѣ жили разныя финскія племена, кототорыя получили отъ славянъ одно общее названіе чуди. Ильменскіе славяне, основавшіе Новгородъ, силой оттѣснили Чудь отъ озера и постепенно захватывали въ свое владѣніе одну мѣстность за другой, дѣлая финновъ данниками Великаго Новгорода. Съ развитіемъ торговли увеличивалась и потребность въ мѣхахъ; поэтому все дальше и дальше на востокъ проникали новгородцы. Бояре и купцы—вотъ кто первые проникли въ Заволочье. Уже въ 11 и 12 вв. сбираютъ новгородцы здѣсь дань.

Предпріимчивыя ватаги смѣльчаковъ-купцовъ, вооружившись съ ногъ до головы и захвативъ съ собой всякихъ иноземныхъ товаровъ, пускались въ далекій путь. И чѣмъ дальше на востокъ они подвигались, тѣмъ больше получали собольихъ, куничьихъ, горностаевыхъ и другихъ дорогихъ мѣховъ въ обмѣнъ на свои товары. Возвратившись домой изъ своего прибыльнаго путешествія, купцы своими разсказами возбуждали и въ другихъ желаніе быстрой и легкой наживы. Какой-нибудь богатый бояринъ или купецъ собиралъ толпу молодыхъ людей, жадныхъ до новыхъ странъ и богатства, и, вооруживъ, посылалъ ее на добычу. Дружина шла по проложеннымъ слѣдамъ, и инородческія селенія, встрѣчавшіяся на пути,

становились жертвой ея жадности. Основательно ограбивъ инородцевъ, дружинники объявляли ихъ новгородскими данниками и обкладывали ихъ въ пользу Новгорода данями, мѣхомъ и серебромъ. Такимъ путемъ въ рукахъ новгородскихъ купцовъ собиралось множество всякихъ мѣховъ.

Среди жителей Новгорода было не мало людей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, не приписанныхъ ни къ какому сословію и не принимавшихъ участіе въ управленіи городомъ. Это—вольные люди. Они-то главнымъ образомъ и участвовали въ такихъ походахъ: терять имъ было нечего, а пріобрѣсти они могли много. Соединившись вокругъ какого-нибудь богача, эти *повольники*, какъ ихъ звали, составляли большіе отряды и предпринимали набѣги на *чудь*. «Народныя преданія, чрезвычайно распространенныя по крайнему сѣверу вездѣ говорятъ объ упорной борьбѣ. Вамъ покажутъ чудскіе могильники и кладбища, городища и городки, которые строила чудь для своей защиты. Въ одномъ мѣстѣ покажутъ гору, на вершинѣ которой защищалась чудь, сбрасывая внизъ каменья; въ другомъ плёссъ, гдѣ тонула чудь, загнанная новгородцами въ прорубь: въ третьемъ—лѣсъ, гдѣ она скрыла отъ враговъ свои сокровища и т. д., и т. д. Разсказываютъ, какъ бѣжала гонимая чудь въ лѣса, какъ умерщвляла себя копьями и луками, какъ погребалась добровольно со всѣмъ имуществомъ въ глубокихъ рвахъ и ямахъ, подрубая нарочно устроенныя на столбахъ крыши съ наваленными на нихъ камнями и землей» (Ефименко). Конечно, трудно узнать, сколько въ этихъ сказаніяхъ правды и сколько вымысла, но все же они свидѣтельствуютъ о томъ, что инородцы стойко защищали свою землю отъ новгородцевъ и сдавались только послѣ упорной и долгой борьбы.

Въ теченіе многихъ десятилѣтій ходили такимъ образомъ дружины повольниковъ за Заволочье, грабили инородческое населеніе, облагали его данью въ пользу Новгорода и даже основывали города. Такъ одна изъ такихъ дружинъ по Волгѣ проникла на р. Каму, а оттуда на ея притокъ Вятку, и на берегу этой рѣки заложила укрѣпленный городъ Хлыновъ, впослѣдствіи получившій названіе Вятки. Повольники или, какъ ихъ еще звали, ушкуйники (отъ слова *ушкуй*, особаго вида лодка, которою пользовались повольники во время рѣчныхъ своихъ путешествій) грабили и разоряли не только инородческія племена; нерѣдко нападали они и на русскіе города и селенія на Волгѣ, грабили и раззоряли ихъ не хуже татаръ. Не дешево обходились Новгороду эти подвиги ушкуйниковъ. Суздальскіе князья въ отмѣстку громили новгородскія земли, и нерѣдко новгородцы уплачивали огромный выкупъ, что бы спасти городъ отъ гнѣва сильныхъ понизовыхъ князей.

Вслѣдъ за лихими ватагами повольниковъ двигался на востокъ и простой черный людъ, который медленно, но неуклонно заселялъ завоеванный край и, вступая въ мирныя сношенія съ чудью, передавалъ ей свой языкъ и обычаи. Среди лѣсовъ возникали монастыри, а вблизи ихъ выростали русскія селенія.

Но земля досталась не простому люду. При помощи повольниковъ ее захватывали бояре; десятки и сотни тысячъ десятинъ лѣсного пространства попадали въ руки боярина—купца; цѣлый Важскій уѣздъ, напр., составлялъ вотчину бояръ Своеземцевыхъ [1]). Пріобрѣтали бояре землю и иными путями. Во первыхъ, они скупали участки

---

[1]) Такимъ же способомъ возникало и росло также и землевладѣніе монастырей и архіепископа.

мелкихъ владѣльцевъ. Во вторыхъ, отбирали ихъ за долги. Въ третьихъ, многіе мелкіе землевладѣльцы сами отдавались со всей землей боярину. Не будучи въ состояніи вести хозяйство собственными силами, либо желая избавить себя отъ насилія другихъ бояръ, такіе владѣльцы передавали свою землю какому-нибудь могущественному боярину, «закладывались» за него, какъ говорили тогда, а за это получали отъ него помощь и покровительство. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, владѣнія крупнаго земельнаго собственника были нерѣдко разбросаны въ десяти или даже двадцати разныхъ мѣстахъ.

Однако, крупные вотчинники не вели крупнаго хозяйства. Во первыхъ, земля была такъ плоха, что разрабатывать ее подъ пашню не имѣло смысла; во вторыхъ, они находили способы инымъ образомъ извлекать пользу изъ своихъ владѣній. Бояре и архіепископъ владѣли обширными пространствами земли на подобіе того, какъ удѣльный князь владѣлъ своимъ удѣломъ: имъ принадлежало лишь высшее право на землю; въ силу этого права они облагали оброкомъ живущее въ ихъ владѣніяхъ населеніе, но обрабатывали землю и распоряжались отдѣльными ея участками сами земледѣльцы. Крестьяне, жившіе на боярской и монастырской землѣ, назывались *половникамъ*, такъ какъ половину (иногда третью часть) своихъ доходовъ отдавали собственнику земли. Они равно, какъ и закладчики, были какъ бы вѣчными, наслѣдственными арендаторами боярской земли, владѣли своими участками изъ рода въ родъ. Крестьянское землевладѣніе Новгородской области такъ же, какъ и въ Суздальской землѣ, было складническимъ, или сябриннымъ [1]).

---

[1]) См. объ этой формѣ землевладѣнія въ книжкѣ «Удѣльная или Княжеская Русь».

Крестьяне рѣдко селились большими деревнями; обычно же они располагались однодворными, семейными поселками. Обработка пашни не имѣла большого значенія въ хозяйствѣ крестьянина. Только около Пскова, гдѣ почва была лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Новгородской области, земледѣліе отнимало у крестьянина много силъ и времени. Вообще же крестьяне занимались охотой, звѣроловствомъ, рыболовствомъ, скотоводствомъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, солевареніемъ. Хлѣба едва хватало на себя, и частенько крестьянская семья должна была покупать его на сторонѣ. Поэтому-то новгородцы и закупали хлѣбъ въ Поволжьѣ и даже у нѣмцевъ. Нерѣдко случалось, что ростово-суздальскіе князья не пропускали хлѣбъ въ Новгородъ, и тогда тамъ вспыхивалъ голодъ. Много страданій приносили съ собой голодные годы для новгородцевъ. Чтобы купить хлѣба родители продавали иногда своихъ дѣтей нѣмцамъ, а смерть немилосердно косила тѣхъ, которые нигдѣ ничего не могли получить.

Однако, крестьяне не всегда находились въ зависимости отъ крупныхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ. Въ 12 в. въ Новгородской области было много *своеземцевъ*. Такъ назывались крестьяне, владѣвшіе *собственной* землей. Правда, владѣнія своеземцевъ были невелики, но за то свободны отъ боярскаго, архіерейскаго или монастырскаго оброка. Въ 12 в. большая часть земель Новгородской области находилась тогда въ собственномъ владѣніи черныхъ людей. Въ 13 в. начинаетъ рости боярская собственность. Бояре, нажившіе при помощи торговли огромные капиталы, скупали или захватывали въ свои руки земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и число своеземцевъ и увеличивается число крестьянъ, зависимыхъ отъ крупныхъ собственниковъ земли. Въ 15 вѣкѣ уже большая часть земельныхъ угодій сосредоточилась во владѣніи бояръ,

новгородскаго владыки и монастырей, и своеземцы составляли лишь малочисленную кучку мелкихъ землевладѣльцевъ.

Черный людъ добывалъ себѣ пропитаніе и все, что нужно въ жизни, собственнымъ трудомъ. Покупали очень мало, лишь то, чего уже совсѣмъ нельзя было приготовить въ собственномъ хозяйствѣ: соль, желѣзныя издѣлія. Большинство товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы, были предметами роскоши; ихъ покупали лишь богатые люди. Такимъ образомъ, большинство народа не участвовало въ новгородской торговлѣ. Она затрагивала лишь немногочисленные круги новгородцевъ, наиболѣе состоятельные и, преимущественно, городскіе. Поэтому и деньги не въ ходу были среди жителей Новгородской области.

Рис. 8. Новогородскія (1) и Псковскія (2) монеты.

Впрочемъ, и во всей Руси въ то время деньги представляли большую рѣдкость. До начала 15 в. новгородцы не имѣли чеканеной монеты. Главной денежной мѣрой у нихъ была гривна серебра въ фунтъ вѣсомъ. Ее дѣлили на части и получали такимъ образомъ нѣчто въ родѣ мелкой монеты. Кромѣ того ходила еще гривна кунъ, сдѣланная изъ низкопробнаго серебра. Въ началѣ 15 в. вмѣсто гривны серебра и гривны кунъ новгородцы стали употреблять нѣмецкія и литовскія монеты, а нѣсколько лѣтъ спустя завели свою собственную монету. Старая гривна серебра была разрублена пополамъ, получился рубль; причемъ рубли стали чеканиться. Рубль того времени равняется приблизительно 100 руб. нашего времени. Дороговизна денегъ, ихъ небольшое количество и

отсутствіе долгое время чеканеной монеты неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что торговля, не смотря на то, что ею жилъ Новгородъ, имѣла весьма небольшое вліяніе на складъ народной жизни.

Помимо охоты, рыболовства, скотоводства и земледѣлія, новгородцы занимались и другими промыслами, но въ очень малой степени. Въ псковской области крестьяне

Рис. 9. Башня архіепископа Евфимія съ древнѣйшими въ Россіи часами (15 вѣкъ)

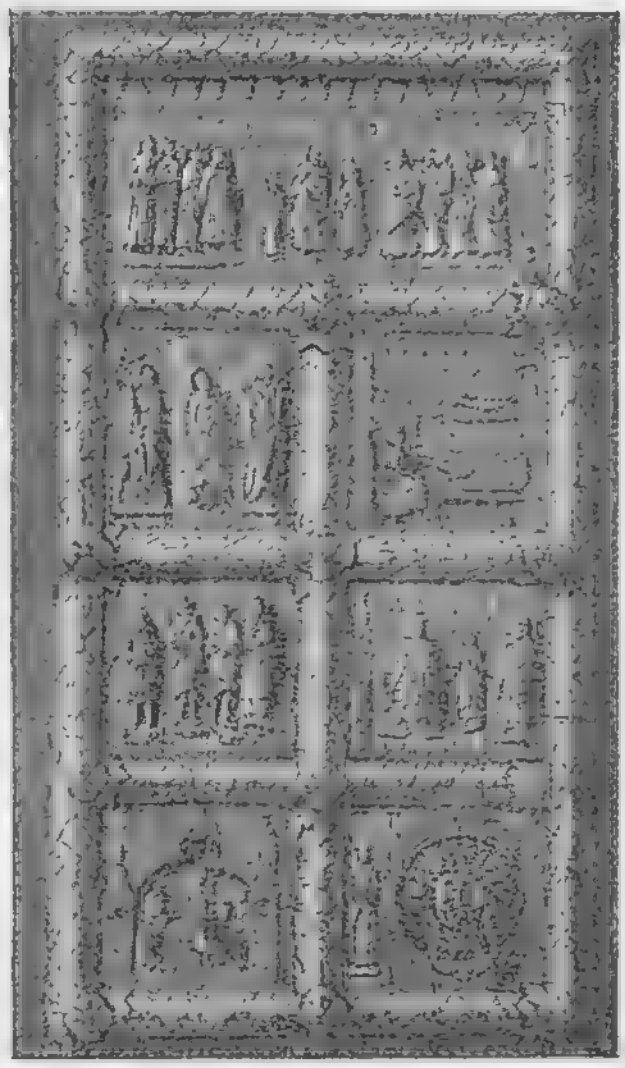


Рис. 10 Корсунскія ворота въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ.

занимались пчеловодствомъ. Кое-гдѣ вываривали соль и добывали желѣзо. На Уралѣ они могли бы получать серебро, но не умѣли добывать его; вообще они не отличались искусствомъ разрабатывать минеральныя богатства своей области, уступали въ этомъ отношеніи даже

финнамъ. Именно поэтому покупали они у нѣмцевъ въ большомъ количествѣ желѣзо, свинецъ, олово, мѣдь и металлическія издѣлія. При постройкѣ и отдѣлкѣ своихъ храмовъ новгородцы не умѣли обойтись безъ помощи иностранныхъ и суздальскихъ мастеровъ. Такъ, мѣдныя двери Софійскаго собора были сдѣланы нѣмецкими мастерами и привезены изъ Германіи. Только плотничье ремесло процвѣтало въ Новгородѣ, и новгородскіе плотники пользовались большей и заслуженной славой по всей Руси.

III.

Враги Великаго Новгорода.

Богатства Великаго Новгорода постоянно возбуждали въ удѣльныхъ князьяхъ желаніе овладѣть этимъ городомъ. Со времени Ярослава Мудраго, княжившаго когда-то въ Новгородѣ, городъ этотъ пріобрѣлъ большія вольности, и князья выбирались народнымъ собраніемъ на вѣчѣ. И чѣмъ сильнѣе разгорались княжескія усобицы, потрясавшія Кіевскую Русь, тѣмъ выше поднимало голову новгородское вѣче, тѣмъ прочнѣе становилась новгородская вольность. Но первые же суздальскіе князья, укрѣпившіе свою власть въ Поволжьѣ, стали сильно тѣснить Великій Новгородъ, желая прибрать и его къ своимъ рукамъ. Во второй половинѣ 12 столѣтія Новгороду пришлось отстаивать свои вольности отъ Андрея Боголюбскаго, который хотѣлъ распоряжаться въ Новгородѣ такъ же самовластно, какъ и въ своемъ Владимірѣ на Клязьмѣ. И хотя новгородцы нанесли войскамъ Андрея два сильныхъ пораженія (1169 г.), имъ не удалось воспользоваться своими побѣдами. Андрей пріостановилъ подвозъ хлѣба

въ Новгородъ, и голодъ заставилъ новгородцевъ пойти на уступки.

Преемникъ Андрея Боголюбскаго, Всеволодъ Большое Гнѣздо и послѣдующіе владимірскіе князья то и дѣло вмѣшивались въ дѣла Новгорода, и новгородцамъ не разъ приходилось силой отстаивать свои вольности. Но когда нельзя было сломить новгородцевъ оружіемъ, ихъ смиряли голодомъ. Хлѣбъ съ низовыхъ странъ шелъ въ Новгородъ черезъ Торжокъ. Достаточно было овладѣть этимъ городомъ, чтобы преградить подвозъ хлѣба къ Новгороду. И только вѣчные раздоры между удѣльными князьями спасали новгородцевъ. Они зорко слѣдили за ихъ взаимной борьбой и, въ случаѣ опасности со стороны одного князя, призывали къ себѣ на помощь другого, врага перваго. Труднѣе всего пришлось новгородцамъ тогда, когда они столкнулись съ Москвой.

Были у Новгорода и еще грозные и страшные враги—шведы и нѣмцы. Въ 12 в. вся западная Европа была католической, и надъ всѣми королями и князьями возвышался всесильный архіепископъ римско-католической церкви, римскій папа. По его почину и съ его благословенія европейцы разныхъ странъ устраивали походы въ Палестину, ради освобожденія гроба Господня отъ турокъ, которые владѣли тогда этой страной. Походы эти извѣстны подъ именемъ крестовыхъ. Но если такіе походы угодны Богу, когда они устраиваются противъ «невѣрныхъ», мусульманъ, то они будутъ угодны Богу и тогда, когда будутъ направлены вообще противъ язычниковъ и иновѣрцевъ, чтобы привести ихъ на лоно истинной, католической вѣры. Такъ возникла мысль о крестовыхъ походахъ въ страну финновъ, латышей и русскихъ. За это дѣло взялся «орденъ Меченосцевъ», — такъ называло себя общество нѣмецкихъ рыцарей, посвя-

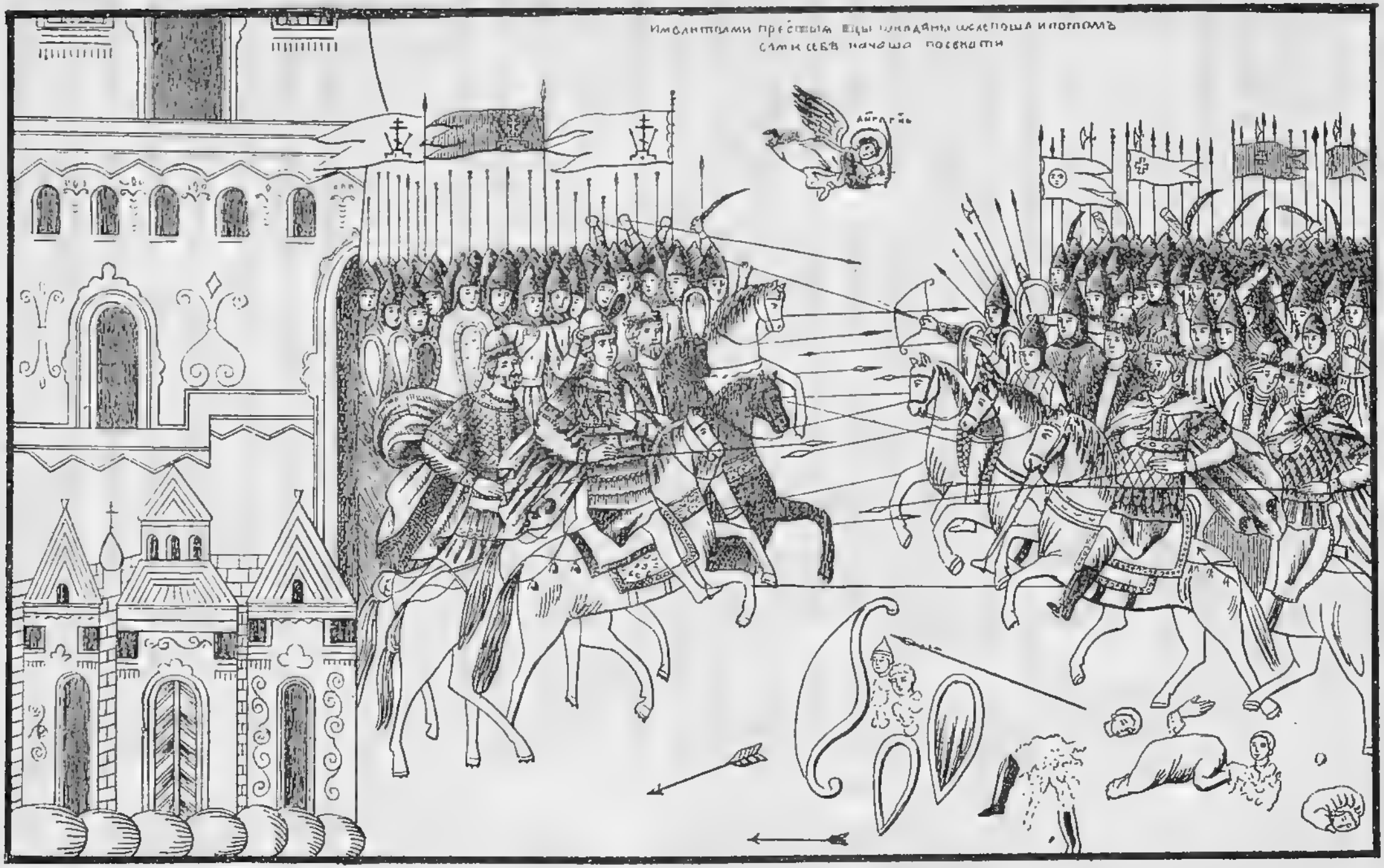


Рис. 11. Осада Новгорода Андреемъ Боголюбскимъ.

тившихъ себя распространенію католичества на востокѣ Европы. Распространяя католичество, благородные рыцари становились господами завоеванныхъ ими земель и покореннаго населенія. Жажда власти и богатства не въ меньшей (если не въ большей) мѣрѣ влекла нѣмецкихъ рыцарей на восточные берега Балтійскаго моря. Эсты, ливы, вотъ, латыши, жмудь—вотъ какіе народы сдѣлались жертвой этого благочестиваго рвенія.

Сначала сюда стали ежегодно пріѣзжать нѣмецкіе принцы (изъ Бремена, Любека и другихъ городовъ Ганзейскаго союза), которые по рѣкѣ Западной Двинѣ проникали далеко вглубь страны. Вслѣдъ за ними явился нѣмецкій проповѣдникъ *Мейнгардтъ* (въ 1187 г.), который сначала построилъ церковь въ селеніи Икесхола (гдѣ теперь стоитъ городъ Рига), а затѣмъ воздвигъ здѣсь крѣпкій замокъ. Съ благословенія папы, который поставилъ его епископомъ надъ будущими католиками, онъ сталъ распространять христіанство среди ливовъ и латышей. До поры до времени проповѣдь шла довольно успѣшно. Но когда дѣло доходило до уплаты налога въ пользу церквей и духовенства, обращаемые стали проявлять упорство. Преемникъ Мейнгардта былъ даже убитъ. Тогда сюда явился новый епископъ *Альбертъ Буксгевденъ* (въ 1169 г.) съ большимъ нѣмецкимъ войскомъ. Не желавшихъ креститься добромъ принуждали къ тому силой. Въ 1200 г. нѣмцы построили городъ *Ригу*, и епископъ сдѣлалъ его своимъ мѣстопребываніемъ. По его почину здѣсь и возникъ духовный *Ливонскій Орденъ Меченосцевъ* для болѣе успѣшной проповѣди христіанства. Члены Ордена были одновременно и монахами, и воинами (рыцарями). Какъ монахи, они проповѣдывали ученіе Христа словомъ, какъ воины—мечомъ; но къ мечу они прибѣгали чаще и охотнѣе, чѣмъ къ слову. Вслѣдъ

за рыцарями явились сюда и другіе нѣмцы, торговцы и земледѣльцы. Возникли укрѣпленные города и замки; коренное населеніе, силой крещеное, обращено было въ крѣпостное состояніе. Благочестивое занятіе оказалось и очень выгоднымъ: рыцари стали владѣльцами земли и даровогo труда.

Финны скоро смирились, но литовцы чѣмъ дольше, тѣмъ ожесточеннѣе боролись за свою независимость, и нѣмцамъ такъ и не удалось покорить ихъ. Зато нѣмцы отняли много земель у полоцкаго князя и у новгородцевъ—городъ Юрьевъ, который назвали Дерптомъ.

Въ 1225 г. по сосѣдству съ Ливоніей, въ Пруссіи, населенной литовскимъ племенемъ пруссовъ, возникъ другой рыцарскій духовный орденъ — *Тевтонцевъ*, который поработилъ мѣстное населеніе и силою меча пріобщилъ его къ христіанской вѣрѣ. Въ 1237 г. оба ордена слились въ одинъ и образовали сильное рыцарское государство, извѣстное подъ именемъ *Ливоніи*. Рыцари обратили свои взоры на Русь и задумали и ее превратить въ свое достояніе; особенно привлекали ихъ богатства торговыхъ городовъ Пскова и Новгорода. Опасность была велика. Нѣмцы, какъ и всѣ вообще народы западной Европы, были образованнѣе, лучше вооружены и болѣе опытны въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ русскіе. Новгородцамъ приходилось глубоко задуматься надъ своей судьбой. Къ счастью, въ это время у нихъ княжилъ талантливый полководецъ, князь Александръ Ярославичъ, прозванный Невскимъ. Главнымъ образомъ благодаря ему, новгородцы избавились отъ иноземнаго ига.

Прежде всего Александру пришлось выступить противъ шведовъ. Подобно нѣмцамъ, шведы, побуждаемые римскимъ папой, стали посылать проповѣдниковъ (миссіонеровъ) къ финнамъ, затѣмъ рѣшили завоевать Новго-

родъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя финскія племена (корелы) приняли православіе и находились подъ покровительствомъ Новгорода и платили ему дань. Разумѣется,

Карта 2. Западные сосѣди Великаго Новгорода.

въ случаѣ удачи, шведы сдѣлали бы попытку обратить новгородцевъ въ католичество. Но, конечно, ими руководила не только ревность къ вѣрѣ; богатства Великаго Новгорода тоже служили не малой приманкой имъ. 15 іюля 1240 г. шведы и русскіе встрѣтились на Невѣ;

Рис. 12. Изборскъ, бывшій Псковскій пригородъ (построенъ въ 13 в.).

Александръ стремительно и неожиданно напалъ на непріятеля и нанесъ ему полное пораженіе. Эта побѣда спасла Новгородъ отъ шведовъ.

За свою побѣду Александръ получилъ прозвище Невскаго и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Александра Невскаго.

Но только что новгородцы отразили одного врага, какъ имъ сталъ угрожать другой, не менѣе опасный — нѣмцы. Уже въ слѣдующемъ году, пользуясь внутренними неурядицами въ Новгородѣ, они захватили Псковъ и предприняли походъ на рядъ другихъ новгородскихъ пригородовъ. Въ Копорьѣ они даже выстроили свое укрѣпленіе. Опасность заставила новгородцевъ опять пригласить къ себѣ Александра, съ которымъ они было разсорились. Въ 1242 г. Александръ Невскій выгналъ нѣмцевъ изъ Пскова, а затѣмъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду на льду Чудскаго озера. Но этимъ борьба не кончилась. Долго еще нѣмцы не переставали безпокоить Псковъ и Новгородъ своими набѣгами. Эти два города, въ особенности Псковъ, служили оплотомъ Руси противъ нѣмцевъ. Внутренніе раздоры среди рыцарей облегчали борьбу съ ними, и, несмотря на свое военное превосходство, они не могли овладѣть ни Псковомъ, ни Новгородомъ.

Самыми опасными врагами вольнаго города Новгорода оказались великіе князья московскіе. Съ конца 14 вѣка они стали сильно тѣснить новгородцевъ, а въ концѣ 15 столѣтія окончательно овладѣли Новгородомъ и покончили со всѣми его вольностями. Однако, о томъ, какъ и почему это случилось, разсказано будетъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

IV.

Управленіе Новгорода и борьба партій.

Въ Удѣльное время всѣ русскія области управлялись князьями, которымъ помогали бояре и дружина. Народъ не имѣлъ голоса въ дѣлахъ управленія. Но вотъ что писалъ объ управленіи Новгородомъ уже извѣстный намъ Ж. де Ланнуà: «Городъ свободный и управленіе общинное. Имѣютъ епископа, который у нихъ, какъ бы государь... Не имѣютъ иныхъ властей, какъ только выборныхъ, которыхъ община пожелаетъ».

На обширномъ Ярославовомъ дворѣ, что на Торговой сторонѣ, стоялъ помостъ, а рядомъ башня, гдѣ висѣлъ звонкій вѣчевой колоколъ. По звуку колокола жители Новгорода сходились со всѣхъ сторонъ на площадь, и начиналось собраніе. На помостъ или, какъ его называли, *степени* усаживались власти, и отсюда ораторы обращались къ народу съ рѣчами. Внизу башни помѣщалась вѣчевая канцелярія, гдѣ подъ наблюденіемъ вѣчевого дьяка писцы писали разныя грамоты о постановленіяхъ вѣча.

Вѣче рѣшало всѣ вопросы, которые касались Великаго Новгорода. Начинать ли войну, заключить миръ, ввести ли новый налогъ или пошлину, установить ли съ нѣмцами или удѣльнымъ княземъ какой-нибудь договоръ— все это рѣшало народное собраніе. Оно же выбирало всѣ городскія власти, судило ихъ, требовало отъ нихъ отчета, приглашало въ Новгородъ князя и изгоняло его. Словомъ, народное собраніе, вѣче, распоряжалось въ Новгородѣ, какъ верховная власть. Въ грамотѣ, гдѣ излагалось рѣшеніе вѣча, всегда указывалось, что она пишется «отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ».

Однако, далеко не все населеніе Новгородской области принимало участіе въ вѣчѣ. Достаточно было, если на немъ собирались только жители самого Новгорода. Придерживались стариннаго русскаго правила: «на чемъ старшіе (города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ».

Рис. 13. Дворъ Ярослава. Вѣчевая башня.

Постановленіе, сдѣланное только жителями Новгорода, считалось обязательнымъ для всей новгородской земли, т. е. для всѣхъ городовъ и селеній, находившихся подъ властью Великаго Новгорода. Правда, жители пригородовъ имѣли право тоже участвовать на вѣчѣ. Но развѣ можно было, напр., псковичамъ ѣздить въ Новгородъ и отстаивать тамъ свои интересы. Нерѣдко бывало, что Новгородъ

силою принуждалъ пригороды исполнять рѣшенія своего вѣча. Понятно, поэтому, что когда Псковъ выросъ, разбогатѣлъ и окрѣпъ, онъ потребовалъ себѣ самостоятельности, а когда новгородцы заупрямились, то силою оружія пріобрѣлъ онъ свободу,—въ началѣ 14 вѣка Псковъ отдѣлился отъ Новгорода. Жизнь и управленіе Пскова, въ общемъ, были очень похожи на то, что знаемъ мы о Новгородѣ.

Не существовало никакихъ правилъ ни о времени созыва вѣча, ни о его численности. Созывалось оно по мѣрѣ надобности: разъ, два, три и чаще въ мѣсяцъ. Постановленіе, принятое большинствомъ, считалось единогласнымъ.

На вѣчѣ избирались высшія должностныя лица города. Самымъ важнымъ былъ *посадникъ*. Онъ предсѣдательствовалъ на вѣчѣ, почему и назывался *степеннымъ* посадникомъ (такъ какъ во время собранія находился на степени, на помостѣ), въ отличіе отъ старыхъ, бывшихъ посадниковъ. Вмѣстѣ съ княземъ онъ судилъ, ходилъ на войну и распоряжался всѣми дѣлами города.

Ниже посадника стоялъ *тысяцкій*. Это былъ начальникъ городского ополченія, *тысячи*. Онъ предсѣдательствовалъ на торговомъ судѣ, находившемся при церкви Ивана Великаго на Опокахъ, разбиралъ судебныя тяжбы между чернымъ людомъ, а также разныя несогласія между новгородцами и нѣмецкими купцами.

Каждый конецъ на кончанской сходкѣ выбиралъ своего старосту, который наблюдалъ за дѣлами конца и приписанной къ нему пятины. То же было и въ сотнѣ и на каждой улицѣ: сотскіе и уличанскіе старосты пеклись о нуждахъ своей части города. Сотскіе кромѣ того были, какъ мы уже знаемъ, начальниками сотенъ, отрядовъ городского ополченія. Пятины дѣлились на *погосты*, во

главѣ которыхъ стояли старосты; главная обязанность послѣднихъ заключалась въ томъ, чтобы раскладывать и собирать налоги, лежавшіе на черномъ людѣ, и вѣдать сельскую полицію. Кромѣ этихъ въ Новгородѣ были еще рядъ и другихъ должностныхъ лицъ, какъ, напр., бирючи, подвойскіе, пристава и т. д.

Всякое дѣло, подлежавшее рѣшенію на вѣчѣ, проходило предварительно черезъ *господу*. Такъ назывался правительственный совѣтъ, который обсуждалъ всѣ вопросы раньше, чѣмъ они доходили до вѣча. Господа состояла изъ посадника, тысяцкаго, сотскихъ, кончанскихъ, старостъ и бирючей. Кромѣ того, въ его составъ входили бывшіе посадники и тысяцкіе. Совѣтъ собирался либо у князя, либо въ отсутствіе послѣдняго, у архіепископа, который и предсѣдательствовалъ на немъ. Опытные въ государственныхъ дѣлахъ члены господы въ такомъ видѣ преподносили вѣчу вопросъ, что вѣче часто разрѣшало его такъ, какъ хотѣлъ совѣтъ. Но у совѣта были и другія обязанности. Онъ наблюдалъ за дѣятельностью всѣхъ должностныхъ лицъ, велъ переговоры съ нѣмцами и русскими областями, иногда даже выступалъ вмѣсто вѣча и дѣйствовалъ отъ имени Новгорода. Такъ, однажды преподобный Зосима, основатель Соловецкаго монастыря (дѣло было въ началѣ 15 в.), жаловался новгородскому владыкѣ на то, что монастырская братія терпитъ непріятности отъ холоповъ и крестьянъ, «насельниковъ» (т. е. жителей) боярскихъ земель. Владыка обѣщалъ повѣдать обо всемъ господѣ. Онъ собралъ совѣтъ и разсказалъ ему о насельникахъ, «пакости дѣющихъ преподобному». Совѣтъ выдалъ монастырю грамоту на владѣніе Соловецкими островами, скрѣпленную восемью оловянными печатями архіепископа, посадника, тысяцкаго и кончанскихъ старостъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, со-

вѣтъ поступалъ вполнѣ самостоятельно, какъ верховная власть Новгорода.

Какое же мѣсто въ управленіи Новгородомъ занималъ князь? До 13 вѣка власть новгородскаго князя была почти такъ же велика, какъ власть и другихъ удѣльныхъ князей. Но уже въ теченіе 12 в. она подверглась сильнымъ ограниченіямъ, а начиная съ 13 в. князь становится служилымъ человѣкомъ Великаго Новгорода. На его обязанности лежала прежде всего и главнымъ образомъ защита Новгорода отъ враговъ. Что же касается суда и управленія, то права князя, какъ судьи и правителя, были сильно ограничены. Въ другихъ областяхъ русской земли князья занимали удѣлы либо по наслѣдству, либо по праву старшинства. Въ Новгородѣ князей приглашало вѣче, которое брало съ нихъ обѣщаніе, что они будутъ соблюдать обычаи новгородскіе. Права князя и его обязанности часто перечислялись въ особой грамотѣ, и обѣ стороны давали клятвенное обѣщаніе не нарушать договора. Въ такихъ грамотахъ обыкновенно говорится: «Безъ посадника тебѣ, княже, волостей не раздавать и грамотъ не давать», «безъ посадника судъ не судить», «безъ новгородскаго слова войны не замышлять» и т. п. Князь, его бояре и дворяне не имѣли права пріобрѣтать въ Новгородской области селъ, слободъ, холоповъ и закладней. Новгородцы правильно разсудили, что если князь и его бояре пріобрѣтутъ себѣ въ ихъ области обширныя имѣнія, власть князя значительно усилится, а именно этого-то они и не хотѣли. Въ вознагражденіе за свою службу князь получалъ опредѣленный «кормъ». Его такъ и называли: «князь нашъ кормленый», т. е., состоящій у насъ на жалованіи. Онъ получалъ «княжчины», имѣнія, съ которыхъ онъ могъ брать доходъ на себя и свою дружину. Кромѣ того, ему позволяли охотиться въ Русѣ и на 60 верстъ

вокругъ Новгорода, но не дальше. Но и въ этихъ предѣлахъ охота его крайне стѣснялась. Ловля звѣрей была выгоднымъ дѣломъ и новгородцы опасались, что князь слишкомъ разбогатѣетъ на ихъ счетъ. По этой же причинѣ новгородцы не давали князю торговать съ иноземными купцами безъ посредства новгородскихъ купцовъ. Если князь нарушалъ договоръ или свой «рядъ» съ Новгородомъ, вѣче поднимало противъ него страшный шумъ и нерѣдко дѣло кончалось тѣмъ, что князя изгоняли изъ Новгорода. Такъ въ 1270 году новгородцы заявили своему князю Ярославу: «Почему ты, князь, завладѣлъ всѣмъ Волховомъ и полями, всюду разставилъ своихъ ловцовъ? Зачѣмъ отнялъ дворъ у Алексы Мартыныча? Зачѣмъ взялъ лишнія деньги съ Никифора Манускинича? Зачѣмъ гонишь изъ города иноземцевъ, которые у насъ живутъ? Не можемъ больше, князь, терпѣть твоего насильства; уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ промыслимъ другого князя»! Это называлось указать князю путь.

Таково было устройство управленія въ Великомъ Новгородѣ. Мы видимъ, что управлялся Новгородъ совсѣмъ не такъ, какъ остальная Русь, гдѣ властителями были князья, а народъ платилъ подати и исполнялъ приказанія начальства. Въ Новгородѣ верховной властью была власть вѣча, а князь считался служилымъ человѣкомъ, а не господиномъ.

Между народомъ и княземъ происходили частыя ссоры. Князья никакъ не могли помириться съ своимъ приниженнымъ положеніемъ; они пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить свою власть. Но вѣче зорко смотрѣло за ними и подымало шумъ всякій разъ, когда князь дѣйствовалъ вопреки договору. Вѣче и князь были какъ бы два врага, которые однако не могли обойтись другъ безъ друга. Не сразу потерялъ князь свое

первенствующее положеніе въ новгородскомъ управленіи. Упорной борьбой добились новгородцы своихъ вольностей. Но новгородцы боролись не только съ самовластіемъ князей. среди ихъ самихъ не было единства, взаимная вражда дѣлила ихъ на партіи. На вѣчѣ всѣ были равны— и знатный, богатый бояринъ и простой, бѣдный смердъ, а въ жизни смердъ работалъ на боярина, а бояринъ держалъ его въ кулакѣ. У нихъ были разные интересы, и эта разница интересовъ порождала непрерывную борьбу, которая наполняетъ собою всю исторію Великаго Новгорода.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, эту борьбу, надо присмотрѣться къ взаимнымъ отношеніямъ бояръ, житьихъ людей, купцовъ и черныхъ людей. Бояре имѣли большіе капиталы и много земли. «Въ городѣ много большихъ господъ, называемыхъ боярами, — говоритъ де Ланнуа. Есть такой горожанинъ, который владѣетъ землею въ 200 миль протяженія; богаты и могущественны на диво». Еще до призванія князей бояре, которые тогда назывались «нарочитыми» или лучшими, «вятшими» мужами, усердно занимались торговлей. Когда же въ Новгородѣ появились князья, нарочитые мужи стали ближайшими ихъ помощниками и получили званіе бояръ. Мало по малу политическія дѣла (т. е. дѣла по управленію государствомъ), такъ захватили бояръ, что у нихъ не осталось времени на торговлю. Постепенно они перестали заниматься торговлей, а пріобрѣтенные раньше капиталы стали пускать въ ростъ, ссужая деньгами купцовъ и черныхъ людей. Такимъ путемъ тѣ и другіе попали въ денежную зависимость отъ бояръ. Кромѣ того, бояре пріобрѣтали все больше и больше земельныхъ владѣній, а вмѣстѣ съ этимъ росло и число зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ.

Пользуясь своимъ богатствомъ и вліяніемъ, «богатые

и могущественные на диво» бояре овладѣли всѣми важными должностями Новгорода. Посадники, тысяцкіе, старосты (кончанскіе и улицкіе), сотенскіе, бирючи и др.— все это были бояре. Госпóда, или правительственный совѣтъ, состоялъ изъ бояръ, такъ какъ въ него входили какъ степенные, такъ и бывшіе посадники, тысяцкіе, сотскіе и старосты, т. е. должностныя лица, выбиравшіяся изъ бояръ. Вслѣдствіе этого политическая сила боярства была велика, и прежде всего оно воспользовалось этой силой для того, чтобы снять съ себя и возложить на купцовъ и черныхъ людей бремя налоговъ.

Бояре (и то съ 13 вѣка) платили только татарскую дань, но и ее они очень ловко сваливали на зависимыхъ отъ себя людей. На купцовъ наложены были всякаго рода торговыя и проѣзжія пошлины. Но больше всего налоговъ и повинностей несли черные люди. Во 1-хъ, они платили «черный боръ», дань въ пользу новгородскаго князя; во 2-хъ, «поралье посадниче и тысяцкаго». или «поральскую бѣлку», налогъ въ пользу посадника и тысяцкаго; въ 3-хъ, на нихъ лежала обязанность доставлять кормы и подвозы должностнымъ лицамъ, ѣздившимъ по волости; въ 4-хъ—«городовое дѣло», т. е. постройка и поправка укрѣпленій.

Итакъ, народъ правилъ въ Новгородѣ только по видимости, на дѣлѣ всѣмъ ворочали бояре, и госпóда была, въ сущности, боярскимъ совѣтомъ; черезъ него бояре вліяли на вѣче и правили Новгородомъ. Однако такого первенствующаго значенія бояре достигли не сразу. Сила и значеніе ихъ выростала по мѣрѣ скопленія въ ихъ рукахъ денежныхъ капиталовъ и земельныхъ богатствъ.

Двѣ партіи боролись постоянно на вѣчѣ. Одна изъ нихъ была народная партія, которая отстаивала интересы всего народа; другая—боярская партія, которая хлопотала

о томъ, чтобы вся власть въ Новгородѣ сосредоточилась въ рукахъ бояръ. Въ первую партію входили купцы и черный людъ, во вторую бояре; впрочемъ и въ народной партіи были бояре, преимущественно землевладѣльцы, не занимавшіеся торговлей и отдачей своихъ капиталовъ въ ростъ.

Въ теченіи 12 в. и значительной части 13 вѣка борьба вращалась вокругъ вопроса о князѣ. Народная партія желала имѣть князя не сильнаго, податливаго; бояре, опасаясь могущества вѣча, напротивъ. хотѣли заполучить князя сильнаго и властнаго, который могъ бы служить имъ опорой противъ народа, Но долгое время перевѣсъ былъ на сторонѣ народной партіи, и къ началу 13 в. своеволіе князя было значительно ограничено. Это ограниченіе княжеской власти было всецѣло дѣломъ народной партіи. Когда въ 1218 г. князь Святославъ Мстиславичъ, недовольный посадникомъ Твердиславомъ Михалковичемъ, хотѣлъ его смѣстить, то на вѣчѣ спросили князя: «А какая вина его?»—«А такъ, неугоденъ онъ мнѣ»—отвѣчалъ князь.—«Князь!—заявили ему тогда,—ты намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа власти не лишать. Твердиславъ нашъ посадникъ и не хотимъ его мѣнять». Князь уступилъ. И народная партія всегда такъ поступала. Но не всегда была она у власти. Нерѣдко власть попадала въ руки боярской партіи. Во второй половинѣ 12 в. въ Новгородѣ княжилъ ставленникъ Андрея Боголюбскаго, Рюрикъ Ростиславичъ. У власти находилась боярская партія. Въ 1171 г. князь лишилъ посадника Жирослава власти и выгналъ его изъ Новгорода. И хотя Жирослава поставили сами бояре, они не возмутились, не потребовали его возвращенія, а поставили на его мѣсто другого. И вообще боярская партія проявляла большое смиреніе передъ княземъ.

Но начиная съ первой четверти 13 в. обѣ партіи постепенно измѣняютъ свое отношеніе къ князю. Народная партія начинаетъ склоняться въ сторону сильнаго, а боярская въ сторону слабаго князя. Что же случилось? Число мелкихъ землевладѣльцевъ и свободныхъ смердовъ все уменьшалось, торговля расширялась, боярскіе капиталы росли, увеличивалось и боярское землевладѣніе, все большее и большее число людей попадало въ зависимость отъ бояръ—капиталистовъ. И всѣ тѣ вольности, которыхъ добилась для Новгорода народная партія, оказались въ рукахъ бояръ. Однихъ подкупая, другихъ устрашая, они заставляли вѣче избирать должностныхъ лицъ изъ своей партіи. А главное, бояре дѣйствовали черезъ боярскій совѣтъ, *господу*. Теперь они уже не такъ нуждались въ сильномъ князѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Напротивъ, народная партія все больше и больше убѣждалась, что у народа мало средствъ бороться съ притѣсненіями бояръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе укрѣплялась мысль, что только сильный князь можетъ справиться съ самовластіемъ бояръ. И вотъ мы видимъ, что уже въ половинѣ 14 вѣка народная партія крѣпко стоитъ за то, чтобы на новгородскомъ столѣ сидѣли московскіе князья, какъ самые сильные на Руси, а боярская партія, напротивъ, стремится къ еще большему расширенію новгородской самостоятельности.

Во второй половинѣ 14 вѣка боярская партія попыталась отдѣлиться отъ всей Руси и въ церковномъ отношеніи. Русская церковь имѣла тогда во главѣ московскаго митрополита, а московскій митрополитъ очень много содѣйствовалъ усиленію власти московскаго князя [1]).

Архіепископъ новгородскій, какъ и всѣ другіе рус-

---

[1]) См. объ этомъ въ кн. «Удѣльная или княжеская Русь».

скіе архіереи, былъ подчиненъ митрополиту, и то самъ ѣздилъ въ Москву, то принималъ у себя въ Новгородѣ своего начальника. Въ случаѣ распри московскихъ князей съ Новгородомъ, митрополиты заставляли и новгородскаго владыку дѣйствовать въ интересахъ Москвы. Но новгородскій архіепископъ не склоненъ былъ поступать по чужой указкѣ. Съ половины 12 в. новгородцы стали сами на вѣчѣ избирать себѣ архіерея. И въ силу этого новгородскій владыка чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ въ Новгородѣ и по мѣрѣ возможности служилъ его славѣ и процвѣтанію. А возможности къ тому у него было много. Собственно церковными дѣлами онъ занимался мало, но зато принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ политическихъ. Владыка скрѣплялъ своей печатью постановленія вѣча, примирялъ враждующія партіи, велъ переговоры отъ имени Новгорода съ тверскими, московскими и др. князьями, былъ посредникомъ между новгородцами и иностранцами. Вотъ почему новгородскій владыка могъ показаться иностранцу «какъ бы государемъ» новгородскимъ, защищалъ послѣднихъ отъ обидъ и оскорбленій первыхъ, предсѣдательствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ, часто разбиралъ судебныя дѣла и пр.; словомъ обязанности у него были обширныя и многообразныя. Владыка содержалъ свой дворъ и отрядъ войска, владыченъ стягъ; у него были свои бояре (владычни бояре) и вообще масса служилаго люда. Земельныя богатства его были огромны; на его земляхъ сидѣло болѣе двухъ тысячъ крестьянъ.

Немудрено, что владыка пользовался въ Новгородѣ большимъ вліяніемъ, и новгородцамъ невыгодна была его зависимость отъ московскаго митрополита. И вотъ они стараются избавить своего епископа отъ этой невыгодной зависимости. Митрополитъ, разумѣется, сталъ про-

тивиться притязаніямъ Новгорода, и тогда новгородцы объявили свою церковь независимой отъ Москвы, совершенно самостоятельной. Въ отвѣтъ высшій глава русской церкви, константинопольскій патріархъ, прислалъ грозную грамоту, а митрополитъ московскій отлучилъ новгородцевъ отъ церкви (въ 1391 г.). Ни грамота, ни отлученіе не подѣйствовало, новгородцы продолжали стоять на своемъ. Тогда великій князь Василій Дмитріевичъ московскій занялъ Торжокъ, самый ближній къ Москвѣ изъ новгородскихъ пригородовъ, и опустошилъ новгородскую область. Новгородцы не могли больше сопротивляться и возстановили старый церковный порядокъ. Все это происходило при самомъ дѣятельномъ участіи боярской партіи, которая была въ то время у власти.

Партійная борьба на вѣчѣ нерѣдко кончалась жестокой потасовкой. Вообще на вѣчѣ не было порядка, и оно сильно напоминало теперешнія сходки нашихъ крестьянъ: шумъ, гамъ, споры, крикъ. Когда выяснялось, что обѣ стороны равны и ни одна не имѣетъ за собой большинства, а страсти, между тѣмъ, ужъ разгорѣлись, споръ переходилъ въ свалку. Бывало и такъ, что противныя партіи созывали каждая свое особое вѣче,—народная—на Софійской, а боярская обычно—на торговой сторонѣ. Послѣ бурныхъ преній оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту, соединявшемъ обѣ стороны, и вступали въ настоящую битву. Бились на смерть съ страшнымъ ожесточеніемъ, а мертвыхъ и раненыхъ безъ жалости сбрасывали въ рѣку. Битва продолжалась до тѣхъ поръ, пока одна сторона не побѣжитъ, или пока не явится архіепископъ съ крестомъ въ рукѣ во главѣ крестнаго хода и не утишитъ расходившіяся страсти. Вслѣдствіе частыхъ столкновеній Волховскій мостъ пріобрѣлъ печальную славу; не даромъ о немъ сложилась такая ле-

генда (сказаніе): когда при Владимірѣ Святомъ новгородцы сбросили идола Перуна въ Волховъ, то, доплывъ до моста, идолъ выкинулъ на него палку со словами: «вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память». Съ тѣхъ поръ, будто бы, и пошли эти страшныя побоища на мосту.

Народныя возстанія были нерѣдкимъ явленіемъ въ Новгородѣ. Во время княженія князя Всеволода Мстиславича, ставленника боярской партіи, простой людъ терпѣлъ сильныя притѣсненія. Въ 1135 г. выведенный изъ терпѣнія народъ возсталъ; бросились на бояръ, разграбили ихъ дома и имущества, но добро взяли не себѣ, а отдали купцамъ, чтобы помочь имъ собрать воиновъ. Вскорѣ изгнанъ былъ и самъ князь за то, что «не блюлъ смердовъ».

Рознь между богатыми и знатными, съ одной стороны, и между бѣдными и простыми, съ другой, порождала страшную взаимную злобу. По поводу всякой мелочи вспыхивали иногда кровавыя стычки. Такъ въ 1418 г. какой-то простой человѣкъ Степанко схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ: «Братцы, пособите мнѣ на этого злодѣя». Сейчасъ же собралась толпа такихъ же простыхъ людей и, схвативъ боярина, притащила его на вѣче; тамъ его избили до полусмерти и затѣмъ сбросили съ Волховскаго моста въ рѣку. Такъ поступали обыкновенно съ тяжкими преступниками. Но проѣзжавшій въ это время рыбакъ вытащилъ боярина изъ воды въ свой челнокъ и спасъ его. За это народъ разгромилъ домъ рыбака. Черезъ нѣкоторое время боярину удалось схватить своего обидчика. Быстро разнеслась молва объ этомъ по городу, зазвонилъ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ дворѣ, и вскорѣ вооруженныя партіи уже стояли на готовѣ другъ противъ друга. Между тѣмъ другая толпа разграбила домъ боярина и всю улицу, гдѣ онъ

жилъ. Бояре хотѣли было уже освободить Степанко, но разгоряченная толпа не слушала ничего и начала разгромъ другихъ боярскихъ улицъ. Тогда бояре дали отпоръ. Подняли звонъ по всему городу. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди, и на Волховскомъ мосту открылось настоящее сраженіе. Съ большимъ трудомъ усмирилъ владыка разсвирѣпѣвшихъ противниковъ, съ крестомъ въ рукѣ въ полномъ облаченіи и въ сопровожденіи крестнаго хода пришедшій къ мѣсту побоища.

Но чѣмъ больше росла сила бояръ, тѣмъ рѣже и рѣже поднималась бѣднота на защиту попранныхъ своихъ правъ и интересовъ. На вѣчѣ горланили люди, подкупленные боярами; многіе не имѣли мужества противиться, такъ какъ кругомъ были въ долгу у бояръ. Простому народу становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Въ 1446 г. лѣтописецъ пишетъ такія горькія строки: «А въ то время не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, и возстали ябедники и снарядили геты и обѣты и цѣлованія на неправду (т. е. прибѣгали къ ложнымъ клятвамъ) и начали грабить по селамъ и по волостямъ и по городу, и были на поруганіе сосѣдямъ нашимъ, насъ окружающимъ; и были по волостямъ частые поборы, крикъ и рыданія, вопли и проклятіе всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на градъ нашъ, ибо не было у насъ милости и суда праваго». И такія жалобы на злоупотребленія «безправдивыхъ бояръ» съ каждымъ годомъ слышались все чаще и чаще.

V.

Паденіе новгородской вольности.

Въ 15 вѣкѣ бояре сдѣлались безграничными владыками Новгорода и его волостей. Они господство-

вали на вѣчѣ, въ ихъ рукахъ находился совѣтъ, они выбирали своего архіерея и по своему управляли всей новгородской землей. Они заботились о дальнѣйшемъ расширеніи волостей новгородскихъ, но дѣлали это не ради интересовъ всего народа, а ради собственныхъ своихъ выгодъ. Народъ все больше и больше убѣждался, что никакія вольности не спасутъ его отъ жадности и своекорыстія бояръ, и поэтому онъ все болѣе и болѣе охладѣвалъ и къ вѣчу, и къ выбору властей. Непримиримый разладъ между низшими и высшими, злоупотребленія бояръ и притѣсненія народа подломили силу Великаго Новгорода и привели его къ гибели.

Во второй половинѣ 13 вѣка новгородцы стали приглашать къ себѣ тверскихъ князей. Но своенравные тверскіе князья не очень-то церемонились съ новгородскими вольностями, и новгородцы обратили свои взоры на все усиливавшуюся тогда Москву. Тверь и Москва были врагами другъ другу, такъ какъ обѣ добивались владимірскаго великокняжескаго стола. Эта вражда была на руку новгородцамъ, — поддерживая одного князя, они ослабляли другого и въ благодарность получали охрану своихъ вольностей. Но вотъ Москва одолѣла Тверь и возвысилась надъ всѣми княжествами, и Новгороду уже негдѣ стало выбирать князей. Только одинъ великій князь Московскій и могъ занимать новгородскій столъ. Но самовластные московскіе князья не терпѣли надъ собой никакихъ ограниченій. Они хотѣли распоряжаться въ Новгородѣ такъ же свободно, какъ и въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ.

Совсѣмъ безъ князя новгородцы не могли жить: имъ нуженъ былъ опытный полководецъ, искусный воинъ и защитникъ отъ многочисленныхъ враговъ. Поэтому Новгороду пришлось смириться и терпѣливо переносить

обидныя притѣсненія московскаго князя. Иванъ III, правившій тогда въ Москвѣ, искусно пользовался раздорами между новгородцами; у него было множество приверженцевъ среди людей, недовольныхъ боярскимъ самоуправствомъ, и къ нему все чаще и чаще обращались съ жалобами на бояръ. Иногда онъ самъ пріѣзжалъ, иногда присылалъ своихъ довѣренныхъ для разбора жалобъ. Такъ пріучалъ онъ новгородцевъ къ мысли о томъ, что только у московскаго князя могутъ и должны они искать себѣ правды и суда.

Но боярская партія не хотѣла полнаго подчиненія Москвѣ. Раньше можно было въ противовѣсъ одному князю обращаться къ другому. Но теперь на Руси не было ни кого, кто могъ бы противиться московскому князю. Соперниковъ ему можно было найти только за границей. И вотъ среди бояръ стала зрѣть мысль о томъ, чтобы обратиться за помощью къ Литвѣ, этому давнему врагу московскихъ князей. Въ это время въ боярской партіи огромное вліяніе имѣла вдова посадника Борецкаго, Марѳа, женщина очень богатая, умная и съ сильной волей. Она пріобрѣла многочисленныхъ сторонниковъ не только среди бояръ, но и простого народа, щедро раздавая золото, подарки, оказывая покровительство и услуги. Мысль о соединеніи съ Литвой была особенно дорога Марфѣ Посадской и ея друзьямъ. Начались переговоры съ княземъ литовскимъ Казиміромъ, который былъ въ то же время и королемъ польскимъ. Но Казиміръ былъ католикъ, а къ иновѣрцамъ въ народѣ относились съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ. Иванъ III зналъ объ этихъ замыслахъ и черезъ своихъ людей увеличивалъ въ Новгородѣ число своихъ приверженцевъ. Архіепископъ новгородскій Ѳеофилъ, большая часть духовенства, народъ и часть бояръ была на его сторонѣ.

Къ несчастью для Марфы Борецкой и ея друзей, Казиміръ увлекался нѣмецкими дѣлами и не оказалъ ей поддержки. Онъ послалъ какого-то маленькаго литовскаго князька править въ Новгородъ, но самъ и не думалъ оказать ему помощь, когда пришла бѣда. Для Ивана III приглашеніе литовскаго князя въ Новгородъ было достаточнымъ предлогомъ къ войнѣ, и лѣтомъ 1471 г. онъ во главѣ большого войска направился въ Новгородъ. Псковъ, у котораго были постоянные споры съ Новгородомъ, сталъ на сторону московскаго князя.

Самъ Иванъ III остановился въ Торжкѣ, послалъ впередъ воеводу Дмитрія Холмскаго. Въ Новгородѣ въ это время происходила горячая борьба между сторонниками и противниками Марѳы и ея партіи. Одни кричали, что нужно идти съ повинной къ князю Ивану; другіе, что нужно выслать навстрѣчу ему сильное войско. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, и 40,000 новгородцевъ выступило противъ московскаго войска. Враги встрѣтились на рѣкѣ Шелони. Произошла битва, и новгородцы потерпѣли страшное пораженіе, несмотря на то, что въ нѣсколько разъ превосходили числомъ непріятеля. Сынъ Марѳы, посадникъ Дмитрій и много другихъ бояръ попали въ плѣнъ. Дмитрій и трое бояръ были казнены: другіе посажены въ тюрьму и посланы въ ссылку. Пораженіе на Шелони было слѣдствіемъ измѣны; въ битву шли неохотно, и бѣжали при первой же возможности. На этотъ разъ Новгородъ отдѣлался только огромнымъ выкупомъ; Иванъ III оставилъ въ неприкосновенности прежнее его устройство. Только Заволочье частью отошло къ владѣніямъ Москвы (1472 г.).

Черезъ нѣсколько лѣтъ отношенія Москвы съ Новгородомъ опять испортились, и Иванъ III рѣшилъ, что пора совсѣмъ покончить съ Новгородомъ. Въ 1476 г.

съ сильной ратью направился онъ въ Новгородъ. О сопротивленіи и думать было нечего. Безъ всякой борьбы князь вошелъ въ Новгородъ, схватилъ своихъ противниковъ и отослалъ ихъ въ Москву; девять недѣль пробылъ онъ въ городѣ, управляя дѣлами. На слѣдующій годъ самъ посадникъ поѣхалъ въ Москву держать отчетъ въ дѣлахъ новгородскихъ передъ великимъ княземъ, а жалобщики то и дѣло осаждали его.

Наконецъ, Иванъ III потребовалъ, чтобы новгородцы признали его своимъ полновластнымъ государемъ; епископъ Ѳеофилъ и другіе приверженцы Москвы уговаривали всѣхъ не противиться князю, подчиниться ему, но большинство и слушать не хотѣло. Вспомнили старинныя вольности, крикъ и шумъ поднялся на вѣчѣ, много сторонниковъ Москвы пали здѣсь жертвою народной ярости. Ивану дали такой отвѣтъ: хотимъ жить по старинѣ, пусть намѣстники твои судятъ насъ, но государемъ тебя называть не хотимъ. Въ 1478 г. Иванъ III съ огромнымъ войскомъ, въ союзѣ съ тверскимъ княземъ, псковичами и татарами двинулся къ Новгороду. Долго, медленно подвигалась эта рать впередъ. Епископъ Ѳеофилъ и посадники то и дѣло выѣзжали на встрѣчу московскому князю, уговаривая его не быть строгимъ къ «своей отчинѣ». Но переговоры не привели ни къ чему. Въ ноябрѣ войска Ивана окружили Новгородъ со всѣхъ сторонъ. Два мѣсяца стоялъ такъ Иванъ, не рѣшаясь на приступъ и все еще надѣясь, что новгородцы и безъ боя принесутъ ему повинную. Десять разъ послы новгородскіе ѣздили къ Ивану, предлагая ему всяческія уступки, но только не признаніе его полновластнымъ государемъ новгородской земли. Но Иванъ настаивалъ на своемъ: «Вѣчевому колоколу не быть, посадникамъ не быть; вся земля новгородская наша; Новгородомъ, всѣми городами и селами мы

владѣемъ, какъ Москвою». Новгородцы, наконецъ, поняли, что сопротивленіе напрасно и согласились на всѣ условія великаго князя Москвы. Въ декабрѣ уничтожено было вѣче, а въ январѣ слѣдующаго года князь увезъ съ собой въ Москву вѣчевой колоколъ. Марфу Борецкую съ внукомъ и нѣкоторыхъ бояръ онъ также отправилъ въ Москву. Такъ пала новгородская вольность.

Но новгородцы не могли такъ скоро разстаться съ своей «стариной». «Плакали сильно новгородцы по своей волѣ—пишетъ лѣтописецъ,—но не смѣли сказать ничего». Самъ епископъ Ѳеофилъ отпалъ отъ Москвы и сталъ въ ряды ея противниковъ. Начались опять тайныя сношенія съ Литвой. Но Иванъ круто расправился съ заговорщиками. Много бояръ было казнено, имѣнія ихъ разграблены, земли отобраны.

Въ 1485 г. было вывезено изъ Новгорода въ Москву болѣе 7000 житьихъ людей. Черезъ два года 50 купеческихъ семей высланы во Владиміръ. Еще черезъ два года—въ 1489 г. — болѣе тысячи боярскихъ семей и житьихъ людей отправлены были на жительство въ разные города. Въ Москву было перевезено, по свидѣтельству иностранцевъ, множество всякихъ богатствъ: болѣе 300 повозокъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ и другими драгоцѣнностями переправилъ Иванъ III изъ Новгорода въ Москву, какъ свою добычу.

Все это отразилось на торговлѣ,—она стала все уменьшаться и уменьшаться. Въ 1495 г. ей былъ нанесенъ послѣдній и непоправимый ударъ. По приказу московскаго князя былъ закрытъ нѣмецкій дворъ, арестовано 43 нѣмецкихъ купца и захвачено на 50000 рублей серебра.

Вслѣдъ за Новгородомъ палъ и другой вольный городъ Псковъ. Это случилось въ 1510 г., при преемникѣ Ивана III, Василіи III.

Рис. 14. Уничтоженіе Новгородскаго вѣча.

Замолкли навсегда вѣчевые колокола, и вольныя земли стали московскими волостями. Въ нихъ водворились Московскіе порядки. Но простой людъ ничего не выигралъ отъ того, что пала вольная старина.

VI.

Новгородскія ереси.

Новгородскій архіепископъ Геннадій, управлявшій Новгородской епархіей во второй половинѣ 15 в., былъ не очень высокаго мнѣнія о новгородскихъ священникахъ. «Приведутъ ко мнѣ мужика (для посвященія въ попы или діаконы)—говоритъ онъ,—«я ему велю Апостола дать читать, а онъ ступить не умѣетъ; велю псалтырь дать,—и по тому еле бредетъ... Я велю хоть ектеніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются, такова земля, господине,—не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ». Огромное множество священниковъ было, такимъ образомъ, либо полуграмотно, либо и совсѣмъ неграмотно. Новгородъ, однако, не составлялъ исключенія: такъ было и во всей Руси. Но за то Новгородъ составилъ исключеніе въ другомъ отношеніи: здѣсь впервые на Руси зародилась церковная ересь.

Русь приняла христіанство въ 10 в.; въ 12 в. язычество почти совсѣмъ исчезло среди русскихъ. Но люди безъ различія положенія и состоянія—богатые и бѣдные, князья и смерды, бояре и купцы—усвоили *не духъ*, а

внѣшность христіанства, его обрядность. Были увѣрены, что посты и молитвы, поклоны и хожденія въ церковь, молебны и обѣдни сами по себѣ даютъ спасеніе человѣку, усердно ихъ исполняющему. О полномъ душевномъ перерожденіи, о новой жизни въ духѣ Евангелія при этомъ не думали. Въ то же время въ церковномъ управленіи укоренилось взяточничество и произволъ. Сильный князь самовольно смѣщалъ однихъ и назначалъ другихъ епископовъ; архіереи за взятку часто награждали саномъ священника и діакона людей недостойныхъ.

Темные, невѣжественные люди не замѣчали всего того зла, которое укоренилось въ области вѣры и церкви. Но какъ только мысль пробудилась отъ сна, какъ только она освободилась хоть немного отъ оковъ привычки, это зло не могло уже укрыться отъ нея. Въ Новгородѣ шла болѣе бойкая жизнь, чѣмъ въ остальной Руси; сюда пріѣзжали иностранцы, сами новгородцы ѣздили иногда въ чужіе края; здѣсь происходила оживленная партійная борьба, и голова новгородца работала живѣе и быстрѣе, чѣмъ голова москвича или нижегородца. Поэтому-то именно въ Новгородѣ впервые и зародились новыя мысли, и отсюда уже они проникли въ остальную Русь.

Но почему новыя мысли зародились въ области вѣры, а не знанія? По той простой причинѣ, что все образованіе того времени было пропитано церковнымъ духомъ и всѣ знанія старались согласовать со св. Писаніемъ. Но эти новыя мысли были такъ далеки отъ старыхъ, привычныхъ, принятыхъ церковью, что церковь объявила ихъ ересью, а людей, ихъ проповѣдывавшихъ, еретиками.

Впервые ересь появилась въ Псковѣ, гдѣ жизнь, какъ указано было, протекала по образцу новгородской, это была ересь стригольниковъ. Стригольникомъ въ древней Руси

звали цирульника или парикмахера, а такъ какъ основателемъ ереси считаютъ цирульника Карпа изъ Пскова, то она и получила отъ него свое наименованіе. Но, разумѣется, по существу эта ересь ничего общаго не имѣетъ съ ремесломъ цирульника.

Къ сожалѣнію, объ ученіи стригольниковъ извѣстно далеко не все, что надо было бы знать. Извѣстно, что стригольники строго осуждали мздолюбіе и стяжаніе, укоренившіяся въ православной церкви того времени. Попы—говорили они—«пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами, и взимаютъ отъ нихъ злато и серебро и порты, съ живыхъ и мертвыхъ». Но пока дѣло ограничивалось подобными обличеніями, тутъ еще не было никакой ереси: наиболѣе просвѣщенные и вѣрующіе пастыри церкви тоже боролись съ ея пороками. Стригольники не ограничивались, однако, обличеніемъ пороковъ; они отрицали многія церковныя установленія. Они не признавали храмовъ: «молитися Христосъ втайнѣ повелѣлъ, всякаго тщеславія и высокоумія убѣжати, не молитися на распутіяхъ и на ширинахъ градныхъ»; они не признавали многихъ таинствъ (напр., причащенія и покаянія), не поклонялись иконамъ, не воздавали мертвымъ принятыхъ почестей, отрицали монашество. Именно въ отрицаніи всѣхъ этихъ установленій церкви и заключалась ересь.

Карпъ началъ проповѣдывать свое ученіе въ Псковѣ. Неизвѣстно, какъ успѣшно шла его проповѣдь, извѣстно только, что онъ съ двумя учениками своими былъ изгнанъ оттуда и переселился въ Новгородъ. Здѣсь, по постановленію владыки, проповѣдниковъ жестоко избили и сбросили съ моста въ Волховъ (1375 г.). Но эта жестокая расправа съ новаторами не уничтожила ереси. Она стала быстро распространяться среди новгородскаго населенія. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ происходила соблаз-

нительная для вѣрующихъ борьба за митрополичій столъ. Старый митрополитъ умеръ и константинопольскій патріархъ назначилъ въ Москву митрополитомъ нѣкоего Кипріана. Но Дмитрій Донской, княжившій въ то время въ Москвѣ, прогналъ Кипріана и потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ назначилъ митрополитомъ княжескаго любимца Митяя. По дорогѣ въ Царьградъ Митяй умеръ; деньгами и документами воспользовался его спутникъ, архимандритъ Пименъ, котораго патріархъ и благословилъ на митрополичій столъ. Но Дмитрій Донской не пустилъ въ Москву Пимена, и призвалъ Кипріана, но затѣмъ передумалъ, опять прогналъ Кипріана и пригласилъ Пимена. Епископъ новгородскій внимательно слѣдилъ за этой борьбой, а тѣмъ временемъ ересь все шире и шире разливалась въ народѣ. Борьба за митрополичій столъ очень облегчала стригольникамъ обличеніе господствующей церкви и распространеніе ихъ ученія. Наконецъ, когда борьба стихла, обратили вниманіе и на ересь. Два раза константинопольскій патріархъ присылалъ новгородцамъ грамоты съ обличеніемъ еретиковъ и съ требованіемъ бороться съ ними. Затѣмъ за дѣло взялся московскій митрополитъ Фотій, и тогда началась рѣшительная борьба съ стригольниками. Нравы того времени были таковы, что къ слову убѣжденія прибѣгали рѣдко и неохотно. Гораздо вѣрнѣе казалось не переубѣдить, а искоренить еретиковъ, и вотъ начались казни, изгнанія, заточенія въ тюрьмы, и ересь заглохла около 1428 года совсѣмъ.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ Новгородѣ возникла другая ересь. Основателемъ ея считаютъ еврея Схарію. Схарія прибылъ въ Новгородъ въ 1471 г. вмѣстѣ съ приглашеннымъ туда литовскимъ князькомъ, изъ-за котораго возгорѣлась война съ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ III. Схарія былъ очень образованнымъ

по тому времени человѣкомъ. Онъ зналъ не только св. писаніе, но и многія не церковныя книги, почти совсѣмъ неизвѣстныя тогда на Руси. Онъ былъ по происхожденію еврей, но не признавалъ іудейской вѣры, не признавалъ и христіанской, на все имѣлъ свой собственный взглядъ. Въ Новгородѣ оказалось много любознательныхъ людей, которые съ удовольствіемъ встрѣчались съ Схаріей и бесѣдовали съ нимъ о вѣрѣ и другихъ вещахъ. Среди этихъ людей были священники и бояре. Бесѣды о вѣрѣ зародили сомнѣніе въ правильности православія, а сомнѣнія въ свою очередь породили новыя мысли о Богѣ и церкви. Такъ возникла ересь, которую ея противники назвали *жидовской*, а еретиковъ *жидовствующими*.

Здѣсь, какъ и въ стригольнической ереси, названіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ сути дѣла. Какъ называли себя еретики сами, неизвѣстно. Неизвѣстно и многое въ ихъ ученіи. Но извѣстно, что жидовствующіе учили, что Богъ одинъ, но не въ трехъ лицахъ; что Духъ Святой— просто слово Божіе, исходящее изъ его устъ и разливающееся по воздуху; что Сынъ Божій, Христосъ, простой человѣкъ, не Богъ, а пророкъ. Подобно стригольникамъ, они отрицали храмы, иконы, мощи, посты, монашество. Нѣкоторые изъ нихъ признавали только Евангеліе и говорили, что надо слѣдовать въ жизни примѣру Христа, другіе признавали только Ветхій завѣтъ.

Большинство наиболѣе образованныхъ людей въ Новгородѣ восприняло это ученіе. Замѣчательно, что ересь привилась главнымъ образомъ среди приверженцевъ Москвы. И, можетъ быть, именно потому Иванъ III такъ благосклонно относился къ еретикамъ. Въ 1479 г. онъ перевелъ многихъ изъ нихъ въ Москву. Друзья Схаріи, священники Алексѣй и Денисъ, заняли въ Москвѣ мѣста протопоповъ Успенскаго и Архангельскаго собо-

ровъ. Ересь быстро привилась въ Москвѣ, проникнувъ даже во дворецъ великаго князя. Много священниковъ и княжескихъ сановниковъ, всѣ наиболѣе образованные люди, обратились въ ересь. Еретики настолько усилились, что даже митрополитомъ сдѣлали одного изъ близкихъ къ себѣ лицъ, архимандрита Зосиму. Такое усиленіе ереси не могло не обратить на себя вниманія, и въ 1488 г. новгородскій владыка Геннадій, поближе ознакомившись съ ученіемъ еретиковъ, ужаснулся той опасности, которую она представляла для церкви, и разослалъ всѣмъ епископамъ и митрополиту посланіе о ереси. Въ посланіи говорилось, что еретиковъ надо жечь и вѣшать, а въ разговоры съ ними не вступать: одинъ соблазнъ, а толку никакого. Геннадій понималъ, что образованный еретикъ быстро собьетъ съ толку невѣжественнаго православнаго священника, потому-то и призывалъ къ казнямъ. Ему удалось добиться созванія въ 1490 г. собора, на которомъ одинъ протоіерей, два священника, два дьякона, два дьяка и одинъ мірянинъ были преданы анаѳемѣ и осуждены на заточеніе. Геннадій велѣлъ надѣть на осужденныхъ вывороченныя на изнанку одежды, посадить на лошадей лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ провезти ихъ по улицамъ Новгорода. Встрѣчнымъ приказывали плевать на нихъ и говорить: «вотъ враги Божіи и хулители Христовой вѣры». Но эта расправа не коснулась главныхъ еретиковъ, которые оставались невредимы, такъ какъ близко стояли къ великому князю. Геннадій однако не удовольствовался этой частичной побѣдой. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь Іосифа, игумена Волоколамскаго монастыря. Іосифъ былъ стойкимъ и ловкимъ защитникомъ православія и пользовался громкой славой;—онъ написалъ рѣзкое обличеніе ереси и призывалъ придти на помощь православію, которому

угрожаетъ опасность. Совмѣстными усиліями этихъ двухъ лицъ митрополитъ Зосима былъ удаленъ (1494 г.), а въ 1504 г. созванъ вторично церковный соборъ, который осудилъ ересь жидовствующихъ. Главные еретики, которые и безъ того потеряли опору при дворѣ великаго князя, были схвачены и преданы сожженію. Менѣе важныхъ еретиковъ заточили въ монастыри. Такъ печально окончила свое существованіе и эта ересь.

Народная масса однако была глуха къ еретической проповѣди. Въ ересь впадали только тѣ, которыхъ хоть немного коснулось образованіе, у которыхъ зашевелилась самостоятельная мысль и которые не находили отвѣтовъ на свои запросы въ вѣрѣ своихъ отцовъ и своихъ ближнихъ. Такихъ людей было немного, поэтому висѣлица, костеръ и тюрьма живо отправили на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ вольнодумцами и ихъ вольныя мысли.

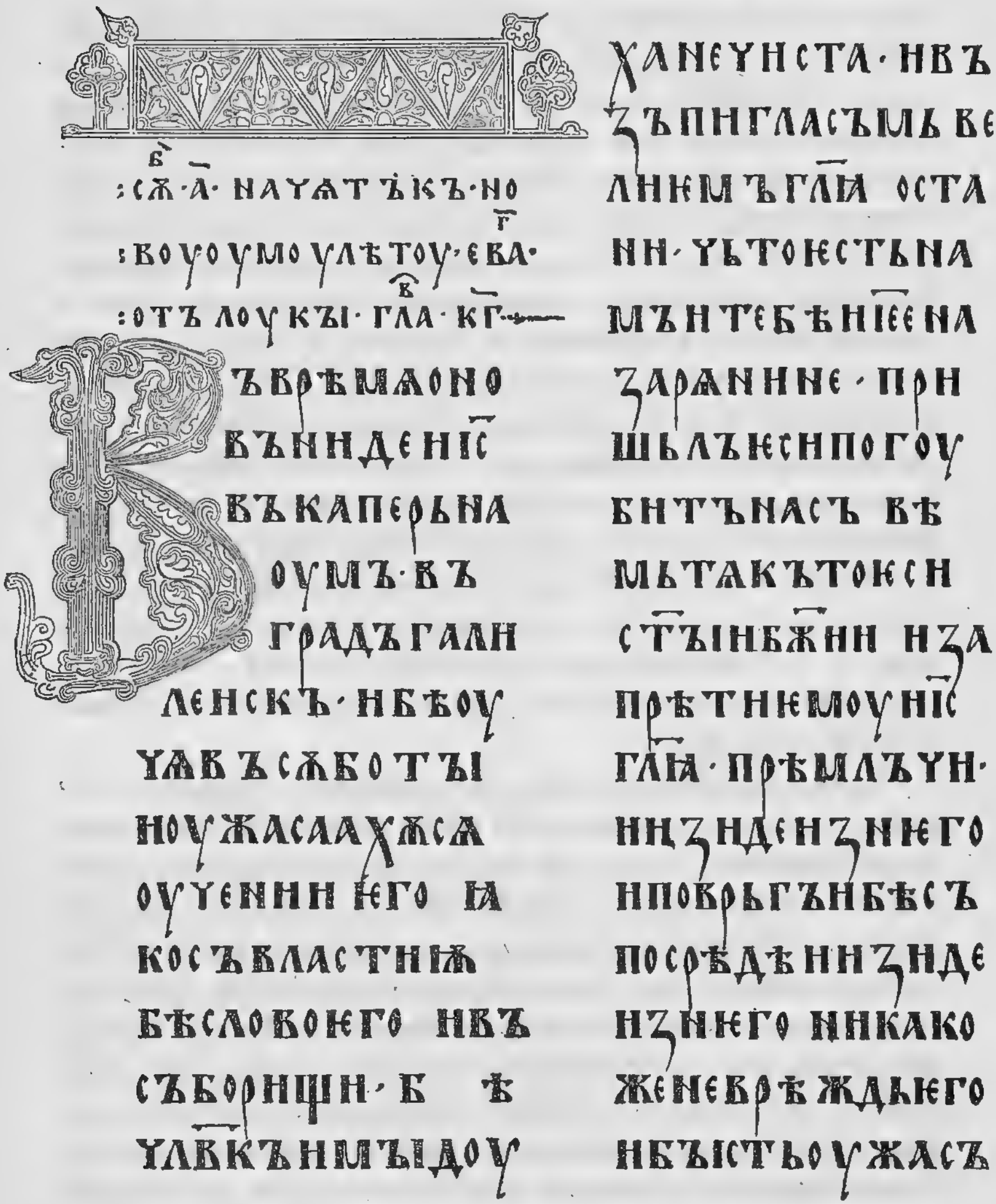
VII.

Сказанія и былины новгородскія.

Не только вопросами вѣры занята была мысль новгородскихъ «умственныхъ» людей. Путешествія въ чужія страны, встрѣчи съ иностранцами, борьба съ инородцами, шумная, крикливая жизнь въ самомъ Новгородѣ— все это давало богатую пищу уму и воображенію, все это побуждало къ художественному творчеству. Не только ереси создалъ Новгородъ,—многочисленныя лѣтописи, посланія, сказанія и были, составленныя въ Новгородѣ, свидѣтельствуютъ о живой, бодрой и разнообразной умственной дѣятельности новгродцевъ. Грамотность издавна была распространена въ Новгородѣ, а также и въ

Псковѣ. Да оно и понятно! Торговыя занятія и сношенія съ иностранцами заставляли новгородцевъ чаще прибѣгать къ письму, чѣмъ жителей другихъ городовъ русскихъ. А вмѣстѣ съ грамотностью распространена была и начитанность. Всѣ тѣ книги, которыя извѣстны были въ то время на Руси, читались усердно и въ Новгородѣ. Начитанность новгородцевъ въ св. писаніи признавалась всѣми. Такъ, въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ въ своей грамотѣ новгородцамъ говоритъ, что писалъ бы имъ и пространнѣе отъ священнаго писанія, но знаетъ, что они и сами разумны въ книжной мудрости. Уже въ началѣ 11 вѣка въ Новгородѣ стали составляться лѣтописи. Въ этомъ же вѣкѣ появилось на Руси первое Евангеліе на славянскомъ языкѣ; оно было написано въ Новгородѣ дьякономъ Григоріемъ для посадника Остроміра, почему и извѣстно подъ именемъ Остромірова Евангелія (въ 1056—1057 гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у частныхъ лицъ и въ монастыряхъ составлялись цѣлыя библіотеки. Особенно большое собраніе книгъ находилось въ Соловецкомъ монастырѣ.

Среди простого народа, не знавшаго грамоты, особенной любовью пользовались различныя были и сказанія, то распѣваемыя, какъ пѣсни, то разсказываемыя, какъ сказки. Вотъ, напр., былина о Садко, богатомъ купцѣ. Жилъ въ Новгородѣ гость (т. е. купецъ) Садко. Онъ былъ великимъ мастеромъ играть на гусляхъ. Разъ пошелъ онъ къ озеру Ильменю, сѣлъ на берегу и заигралъ. Его игра такъ понравилась водяному царю, что онъ вышелъ изъ озера и сказалъ: «Чѣмъ тебя жаловать за игру твою нѣжную? Бейся объ закладъ съ купцами новгородскими, что выловишь изъ Ильменя три рыбы золотыхъ». Садко такъ и сдѣлалъ; на одномъ пиру онъ заявилъ: «Ай-же вы, купцы новгородскіе! Бьюсь я о вели-



:сж·а· начѧтъкъ·но
:воуоумоулѣтоу·ева·
:отъ лоукъі· гла· кг·

Въ времѧ оно
въниде ніс
въ капєрьна
оумъ·въ
градъ галн
ленскъ·нбѣоу
уѧвъ сѧботъі
ноужасаахѧсѧ
оучєнніи єго ꙗ
косъ властніѧ
бѣсовоєго нвъ
съборищи·б ѣ
улвкъ нмъідоу

хаєуиста·нвъ
зъпиглаасъмь ве
ликмъгла оста
нн·уьтоєстьна
мъ тебѣніеєна
зарання·при
шьлъєсипогоу
битъ нас въ бѣ
мьтакъ тоєси
стъінбжии из
прѣтнємоуніс
гла·прѣмлъуи·
низ ниденз нєго
ниповрьгъ нбѣсъ
посѣдѣ низ иде
из нєго никако
жєнєвръ ждьєго
нбъістьоужасъ

Рис. 15. Остромірово Евангеліе.

кій закладъ, что въ Ильменѣ-озерѣ есть рыба-золотыя перья. Я заложу свою буйную голову, а вы давайте въ залогъ три лавки товару краснаго». И сдѣлалось такъ, какъ обѣщалъ водяной царь. Садко выигралъ закладъ, сталъ шибко торговать и разбогатѣлъ. Двѣнадцать лѣтъ торговалъ онъ, много разъ ѣздилъ по Волгѣ, и вотъ устраиваетъ онъ однажды пиръ на весь честной Новгородъ. И расхвастался на этомъ пиру Садко-купецъ: «На свою безсчетную казну повыкуплю я всѣ товары новгородскіе, худые и добрые». Но ошибся на этотъ разъ Садко: скупилъ всѣ товары, смотритъ, а ужъ на другой день ихъ вдвое больше понавезено; скупилъ и эти товары, а на третій день ихъ втрое больше привезли. «Нѣтъ,—рѣшилъ Садко,—я богатъ, но богаче меня славный Новгородъ». Построилъ онъ тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами и поѣхалъ въ синее море. Продалъ все и съ бочками серебра и золота возвращается домой. Но расходилась на синемъ морѣ сильная буря, волны бѣшено хлещутъ, вѣтеръ паруса рветъ, а корабли ни съ мѣста. Говоритъ Садко своей дружинѣ: «Много мы по морю хаживали, а царю морскому дани еще не плачивали: видно морской царь дани требуетъ». Бросили бочку серебра—не помогаетъ; бросили бочку золота—тоже не помогаетъ. Порѣшили бросить жребій между собой: кому идти въ сине море, морскому царю на добычу. Жребій палъ на Садко-купца. Отписалъ онъ все свое имущество церквамъ Божіимъ, нищей братіи, молодой женѣ, своей дружинѣ и сказалъ: «Дайте-ка гусли; ужъ поиграю въ послѣдній разъ: больше вѣдь мнѣ не игрывать. Али взять гусли съ собой въ сине море?» Спустили на море дубовую доску и сѣлъ на нее Садко, взявъ съ собой гусли, а корабли его прочь поплыли. Погода сразу стихла. Уснулъ Садко, а проснулся уже

на днѣ морскомъ. Видитъ онъ палаты бѣлокаменныя, а въ нихъ пируетъ Водяникъ со своей Водяницей. Увидалъ Водяникъ Садко и говоритъ:

«А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, то далъ мнѣ Богъ,
И ждалъ я Садко двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй Садко въ гусли звончаты».

И такъ вееело заигралъ Садко, что и царь, и царица и вся ихъ дворня пустилась въ плясъ. Зашумѣло, заволновалось море отъ той пляски, и вотъ ночью, когда Садко уснулъ, явился къ нему во снѣ старецъ и говоритъ:

Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя царь морской
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народа православнаго».

Изорвалъ Садко свои струны звончаты, изломалъ и бросилъ ихъ въ море. Пересталъ царь морской скакать и плясать, утихло море синее. Поутру предлагаетъ царь Садкѣ жениться, Садко выбираетъ, по совѣту старца, дѣву-чернаву и просыпается отъ сна на берегу рѣки Волхова, невдалекѣ отъ церкви Николы Можайскаго и видитъ: бѣгутъ его корабли по Волхову прямо къ Новгороду. Выгрузилъ Садко золотую казну, пересталъ больше ѣздить по морю и зажилъ въ Новгородѣ.

Такова былина о Садко, богатомъ купцѣ. Много въ ней вымыслу, но и въ фантазіи отразились особенности новгородской жизни: торговля, дальнія морскія путе-

шествія, иногда опасныя, всегда выгодныя. Ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ не могла сложиться такая былина.

Буйно жили новгородцы. Вѣчевыя собранія нерѣдко превращались въ кровавыя побоища. Толпы ушкуйниковъ грабили и опустошали чужія области. По малѣйшему поводу возникали драки; улица шла на улицу, кулачная расправа была въ большомъ ходу, и физическая сила пользовалась почетомъ. Такая буйная жизнь хорошо отразилась въ былинѣ о Василіѣ Буслаевичѣ.

Жилъ въ Новгородѣ, разсказывается въ былинѣ, Буслаюшка, жилъ и померъ. Остался у него молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

Сталъ Васенька на улицу похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ—нога прочь,
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится».

Стали говорить жители новгородскіе: «не сдобровать тебѣ, Василій Буслаевичъ; быть тебѣ, за эти твои шутки, въ Волховѣ. Закручинился Василій, и посовѣтовала ему мать:

«Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую,
Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ».

Послушался Василій совѣта своей матери, набралъ небольшую, но храбрую дружину.

Завелся у князя новгородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей да бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей,
А молодца Василія не почествовали.

Обидѣлся Василій Буслаевичъ и рѣшилъ пойти на

пиръ незванымъ. Отговаривала его мать, но не послушался Василій,

А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ,
У воротъ не спрашивалъ привротниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую.

На пиру ударилъ онъ съ новгородцами объ закладъ, что никто не сможетъ остановить его, когда онъ пойдетъ черезъ волховскій мостъ. Рѣшили, что пробу своей силы сдѣлаетъ Василій на слѣдующее утро, и если не сумѣетъ устоять, то вести его на смертную казнь. Испугалась мать за сына и заперла его въ глубокій погребъ. На утро пришло къ его дому много народу и кричатъ:

«Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
Рушай-ка завѣты великіе!»

Выскочили на этотъ зовъ дружинники Василія и стали бить народъ. Но велика была сила народная, и плохо пришлось бы дружинникамъ, да служанка Буслаевыхъ выпустила Василія изъ погреба. Схватилъ тотъ свою дубину вязовую и бросился на выручку. Добрался до мосту, и нѣтъ отъ него никому проходу. Много народу перебилъ,—погибъ тутъ и братъ его крестовый, и батюшка крестовый, и монастырскій силачъ Старчище-Пилигримище. Видятъ новгородцы, что не справиться имъ съ Василіемъ и просятъ они его матушку унять своего сына. Бѣгомъ побѣжала старушка на Волховъ мостъ, ухватила сзади Василія за плечи и кричитъ: «Укроти свое сердце богатырское, укроти свою силу великую». «Никого бы не послухалъ, а тебя послушать законъ велитъ»—отвѣтилъ Василій и прекратилъ по-

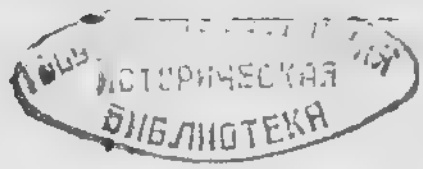
боище. Собралъ потомъ онъ свою дружину и пошелъ съ нею въ Іерусалимъ замаливать свои тяжкіе грѣхи. Гдѣ-то на чужбинѣ и умеръ онъ, ударившись объ «алатырь-камень».

И еще сохранилось до нашихъ дней одно новгородское сказаніе, изъ котораго мы видимъ, что оно могло появиться только въ торговомъ городѣ. Это—повѣсть о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ.

Жилъ въ Новгородѣ посадникъ Щилъ. Былъ онъ очень богатъ и давалъ деньги въ ростъ. Такимъ путемъ скопилъ онъ много денегъ и задумалъ построить на нихъ церковь Покрова. Съ благословенія владыки приступилъ онъ къ постройкѣ, но когда все уже было готово и оставалось только освятить новый храмъ, Щилъ признался владыкѣ, что деньги, потраченныя на постройку, нажиты имъ съ процентовъ. Разсердился владыка: «обманулъ ты меня, не далъ бы тебѣ я благословенія на это дѣло; ступай назадъ и вели сдѣлать въ церковной стѣнѣ гробъ, исполни все по обычаю похоронному, лягъ въ гробъ и вели пѣть по себѣ панихиду: быть можетъ, Богъ и проститъ тебя». Заплакалъ Щилъ и сдѣлалъ все, какъ приказалъ архіепископъ. Во время отпѣванія гробъ вдругъ провалился. Владыка велѣлъ въ память этого чуда нарисовать на той стѣнѣ Щила во гробу посреди ада, а церковь запечатать. У Щила былъ сынъ. Сильно горевалъ онъ объ отцѣ и спросилъ архіепископа, что ему дѣлать, чтобы отцу выйти изъ ада. «Молись и постись сорокъ дней,—сказалъ ему владыка—раздавай милостыню и въ сорока церквахъ, не жалѣя денегъ, закажи сорокъ панихидъ». Все было исполнено, какъ сказалъ архіепископъ. Посмотрѣли картину, а тамъ перемѣна: Щилъ по прежнему въ гробу, но головой уже вышелъ изъ ада. Снова отпѣли сорокъ панихидъ: Щилъ

вышелъ изъ ада по поясъ. Послѣ третьяго сорокоуста Щилъ весь вышелъ изъ ада. Такъ усердіемъ сына избавился Щилъ отъ вѣчныхъ мученій въ аду.

Навѣрное, не только эти повѣсти и былины созданы были въ Новгородѣ во дни его вольностей; но мало что сохранилось до нашихъ дней. Да и то, что сохранилось, записано было гораздо позднѣе того времени, когда оно возникло.



Изданіе В. И. Яковенко.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

№ 4.

Ник. Андреевъ.

УДѢЛЬНАЯ ИЛИ КНЯЖЕСКАЯ РУСЬ.

Съ 18-ью рисунками
и 2 картами.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1910.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
991818

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Заселеніе Ростово-Суздальскаго края** 5

Природа Ростово-Суздальской земли. Первые славянскіе поселенцы. Дѣятельность по заселенію края Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго. Образованіе великорусскаго племени.

II. **Экономическій или хозяйственный укладъ жизни въ Суздальскомъ краѣ** 10

Охота. Земледѣліе. Складничество, его возникновеніе и распаденіе (въ земледѣліи). Укрѣпленіе земледѣльческаго хозяйства. Возникновеніе зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ. Хозяйство князя, боярина и монастыря. Промыслы и торговля.

III. **Общественный и политическій строй Удѣльной Руси** 20

Удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія. Дробленіе удѣловъ. Вражда между удѣльными князьями. Бояре и ихъ отношеніе къ князю. Зависимое положеніе крестьянъ. Подати, пошлины и повинности населенія. Княжескіе намѣстники и волостели. Тяглыя общины. Бояринъ—правитель въ своей вотчинѣ и помѣстьѣ. Боярская дума удѣльнаго князя. Упадокъ вѣча. Удѣльный порядокъ и феодализмъ.

IV. **Татарское нашествіе** 39

Родина татаръ. Образованіе монгольской державы. Первая встрѣча русскихъ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ. Нашествіе Батыя и разгромъ Руси. Поселеніе татаръ на нижней Волгѣ. Нравы и обычаи татаръ. Русь послѣ разгрома. Татарская дань. Баскаки. Отношеніе князей къ Ордѣ.

V. **Собираніе Руси Москвою** 54

Причина возвышенія Московскаго княжества. „Примыслы“ Ивана Калиты и другихъ князей. Борьба съ Тверью. Дружба съ Ордой. Усиленіе Москвы. Переѣздъ митрополита изъ Владиміра въ Москву. Первая побѣда надъ татарами. Нашествіе Тахтамыша. Москов-

Стр.

ское княжество не дробится на удѣлы. Ограниченіе самостоятельности удѣльныхъ князей и права боярскаго отъѣзда. Нашествіе Тимура и набѣгъ Эдигея. Послѣдняя попытка ослабить власть Московскихъ князей и ея неудача. Паденіе Византіи и вліяніе этого событія на возвеличеніе власти Московскаго князя.

VI. **Церковь въ Удѣльной Руси** 70

Число епархій. Церковное хозяйство. Татары и духовенство. Выборъ священниковъ. Симонія. Зависимость высшаго духовенства отъ великихъ князей. Поддержка духовенствомъ стремленія московскихъ князей къ единовластію, причины этого. Москва становится церковной столицей Руси. Ростъ монастырей. Распространеніе христіанства среди инородцевъ.

VII. **Нравы и просвѣщеніе** 77

Условія жизни. Невѣжество и отсутствіе грамотности въ народѣ. Нелѣпыя понятія о татарахъ, сказка о Гогѣ и Магогѣ. Безсиліе въ борьбѣ съ голодовками и повальными болѣзнями. Суевѣрія и борьба съ ними лучшихъ представителей духовенства. Удаленіе „въ пустыню“. Грубость и жестокость нравовъ. Раболѣпіе и хитрость—какъ добродѣтели. Литература. Искусство.

Главнѣйшія пособія, которыми пользовался авторъ при составленіи книги:

Ключевскій. Курсъ русской исторіи.
— Боярская дума древней Руси.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, I и II.
Рожковъ. Обзоръ русск. ист. съ соціолог. точки зрѣнія I.
— Городъ и деревня въ русской исторіи.
Аристовъ. Промышленность древней Руси.
Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.
Соловьевъ. Исторія Россіи, III и IV.
Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія.
Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ Удѣльной Руси.
Пыпинъ. Исторія русской литературы. II.

I.

Заселеніе Ростово-Суздальскаго края.

Въ концѣ 12 вѣка звѣзда «стольнаго града Кіева» закатилась. Половецкіе набѣги, междуусобія князей и гнетъ богачей раззоряли населеніе приднѣпровскихъ областей. И оно стало уходить туда, гдѣ просторнѣе и вольготнѣе жилось простому трудовому люду. Такимъ мѣстомъ въ то время была обширная область, лежавшая по верхнему теченію Волги и ея многочисленнымъ притокамъ. Здѣсь-то, въ верхне-волжской землѣ, переселенцы съ юго-запада и нашли свою вторую родину. Что же это за страна и чѣмъ привлекала она къ себѣ поселенцевъ съ юга? Климатъ болѣе суровый, почва менѣе плодородная, больше дичи и глуши, — что тутъ хорошаго по сравненію съ благодатными приднѣпровскими землями? Здѣсь жило мало народу; на сотни и тысячи верстъ тянулись тутъ никому не принадлежавшія земельныя пространства; вотъ эти-то просторъ и ширь и привлекали сюда поселенцевъ. Но, главное, не было здѣсь еще богатыхъ купцовъ и бояръ, князья еще не усѣлись здѣсь прочно и дикія половецкія полчища не добѣгали до этихъ мѣстъ,—есть гдѣ развернуться трудовому люду, а суровость климата и скудость почвы мало смущали этотъ людъ. И широкимъ потокомъ двинулись сюда переселенцы съ юга.

Не легко было устроиться на новыхъ мѣстахъ. Обширныя болота покрывали низменности; всюду тянулись обшир-

ные, иногда непроходимые лѣса. До чего затрудняли лѣса и болота передвиженіе, видно изъ разсказа лѣтописца о походѣ тверского князя Михаила Ярославича на Новгородъ въ 1316 г., т. е. въ началѣ 14 вѣка. Лѣтописецъ пишетъ: «и пойде къ Новугороду рать и увернуся на Ловати изъ Устьянъ и заблудися въ озерѣхъ и болотахъ, и начаша воины его мерети голодомъ, ядяху конину и съ щитовъ кожу сдираша, а снасть (обозъ) свою всю позгоша». Такъ было въ Поволжьѣ въ началѣ 14 вѣка, въ 12 в. непроходимыя топи болотныя и дебри лѣсныя встрѣчались гораздо чаще. Но не вездѣ же была топь и лѣсная глушь. Нерѣдко попадались сухія возвышенныя мѣста, гдѣ и лѣсъ росъ не густо, и обширныя поляны встрѣчались. Такія свободныя отъ лѣса пространства въ то время называли «полями», и здѣсь-то и устраивались переселенцы изъ южной Руси. Вся верхне-волжская земля пересѣчена цѣлой сѣтью рѣкъ и рѣчекъ. Волга, болѣе широкая и многоводная, чѣмъ теперь, пересѣкаетъ ее съ запада на востокъ. Ея притоки, большіе и малые, текутъ по всѣмъ направленіямъ и соединяютъ съ ней всѣ концы обширнаго Поволжья. По рѣкамъ и пробирались люди въ глубь страны, вдоль рѣкъ построили они свои селенія, рѣки служили единственными удобными путями изъ одной мѣстности въ другую.

Страна эта издавна заселена была финнами [1]). Ихъ небольшія селенія и одинокіе дворы ютились вдоль рѣкъ, на опушкѣ лѣсовъ, далеко другъ отъ друга. Старожилы вовсе не враждебно относились къ пришельцамъ, если только тѣ сами не трогали ихъ. Но и у переселенцевъ не было причинъ затѣвать ссоры съ туземцами. Во-первыхъ, земли на всѣхъ хватало; во-вторыхъ, до 12 вѣка

---

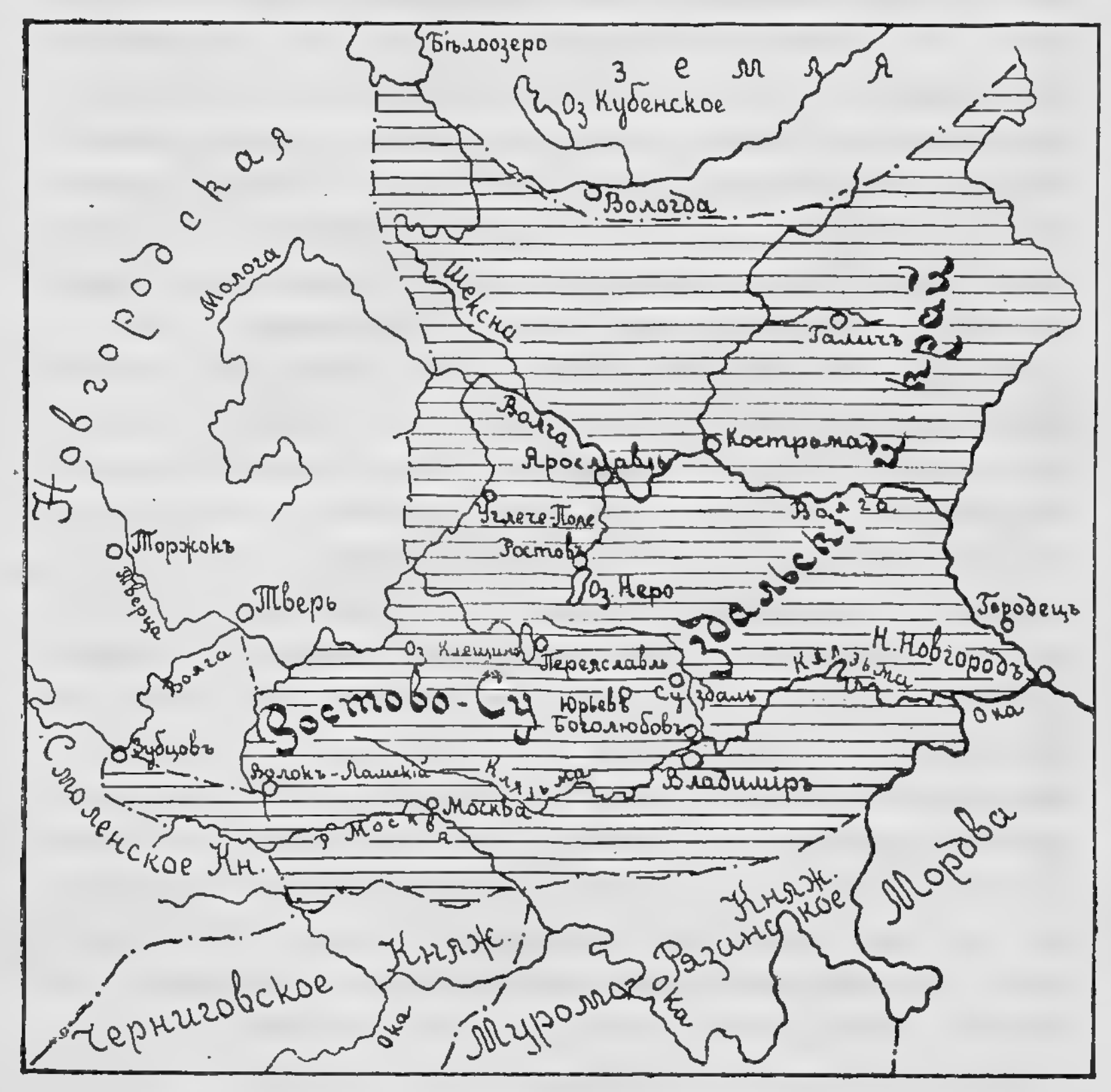
[1]) См. о нихъ кн. № 1 „Доисторическая и древнѣйшая Русь“.

поселенцы являлись сюда небольшими группами, иногда одной семьей. Это были вначалѣ по преимуществу славяне ильменскіе, кривичи изъ смоленской земли, вятичи и сѣверяне. Селились они на окраинѣ лѣса, въ «поляхъ», на озерахъ, на высокомъ берегу рѣки. Пришельцы и старожилы дружили другъ съ другомъ и даже селились вмѣстѣ. Такъ возникли города съ полурусскимъ, полуфинскимъ населеніямъ: Ростовъ на оз. Неро, Муромъ на Окѣ, Суздаль на одномъ изъ притоковъ р. Клязьмы. И по имени двухъ послѣднихъ городовъ весь этотъ край получилъ названіе ростово-суздальской земли.

Дикій и почти безлюдный край долго не привлекалъ вниманія князей, и сюда посылались обыкновенно лишь младшіе члены княжеской семьи. Такъ при Владимірѣ Святомъ въ Муромѣ княжилъ Глѣбъ, а въ Ростовѣ — Борисъ. Въ тѣ времена еще не знали прямого пути въ Кіевъ. Изъ Мурома ѣхали внизъ по Окѣ, затѣмъ вверхъ по Волгѣ и волоками доходили до верховьевъ Днѣпра, по которому уже спускались внизъ до Кіева. Это огромный обходъ. И только въ 12 в. начинаетъ прокладываться прямой путь черезъ Брянскіе лѣса. Далекій и суровый ростово-суздальскій край отдѣленъ былъ отъ кіевской области огромными лѣсами, и потому его нерѣдко называли Залѣсскимъ краемъ. Прямой путь сюда былъ проложенъ тѣми колонистами (переселенцами), которые бѣжали изъ приднѣпровскихъ странъ.

Переселенческій потокъ съ юга достигъ особенной силы въ то время, когда въ ростово-суздальской землѣ княжилъ одинъ изъ сыновей Владимира Мономаха, Юрій Долгорукій (съ 1096 года). Этотъ князь, а также и его сынъ, Андрей Боголюбскій, поняли, что переселенцы оживятъ ихъ суровый край и стали усиленно покровительствовать новоселамъ. Они освобождали ихъ на многіе

годы отъ повинностей, подбирали для нихъ подходящія мѣста, и во время ихъ княженія въ малолюдной суздальской землѣ выросло много новыхъ городовъ. Въ 1134 г.



I. Карта Ростово-суздальскаго края.

Юрій построилъ городъ Конятинъ на Волгѣ, въ 1147 г. впервые упоминается Москва, въ 1152 г. выростаетъ г. Юрьевъ Польскій (т.-е. «въ полѣ») и Переяславль Залѣсскій, въ 1154 г. на рѣкѣ Яхромѣ Юрій основалъ

г. Дмитровъ, въ 1158 г. Андрей Боголюбскій построилъ Боголюбовъ на р. Клязьмѣ пониже Владиміра, который возникъ еще при его отцѣ. При жизни этихъ-же князей возникло много и другихъ городовъ въ Поволжьѣ: Тверь, Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ на Клязьмѣ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ и др. Большинство этихъ городовъ построены южно-русскими переселенцами, которые даже и назвали ихъ именами тѣхъ городовъ, которые существовали на ихъ старой родинѣ, въ Приднѣпровьѣ: Стародубъ, Галичъ, Вышгородъ, Звенигородъ— все это южныя названія.

Такъ заселялся ростово-суздальскій край. Одновременно происходила важная и огромная перемѣна въ составѣ населенія этого края. Пришлые люди изъ Кіевской, Черниговской и Переяславской земли, чистокровные славяне, встрѣтили здѣсь, какъ сказано, старожиловъ-финновъ. По нижней Окѣ жило племя Мурома, около озеръ ростовскаго и переяславскаго раскинулись селенія Мери, а по Бѣлоозеру жила Весь. Между старожилами и пришлыми установились мирныя отношенія. Нерѣдко русская дѣвушка выходила замужъ за финна, а финская женщина становилась женою русскаго. Часто финны и русскіе жили въ одномъ мѣстѣ; такъ населеніе Мурома и Ростова было полурусскимъ, полуфинскимъ. Русскіе были культурнѣе (развитѣе, образованнѣе) финновъ, и поэтому многому могли научить этихъ послѣднихъ. Мало-по-малу, въ теченіе 12—15 вѣковъ финны переняли русскій языкъ, одежду и обычаи, обрусѣли. Но и русскіе измѣнились. Отъ смѣшанныхъ браковъ получались дѣти съ чертами обоихъ родителей. По своей внѣшности (черты лица, цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ) они уже не похожи были на чистокровныхъ славянъ и чистокровныхъ финновъ, но имѣли особенности тѣхъ и дру-

гихъ вмѣстѣ. И языкъ русскій отчасти измѣнился: въ немъ появилось много финскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Изъ такого сліянія финновъ и русскихъ произошло великорусское племя. Въ настоящее время въ тѣхъ губерніяхъ, которыя расположены на мѣстѣ бывшаго ростово-суздальскаго края, нѣтъ финновъ совсѣмъ, но слѣды ихъ сохранились въ названіяхъ рѣкъ, деревень и городовъ. По фински вода называется ва, а сколько попадается рѣкъ съ такимъ окончаніемъ: Москва, Протва, Салва, Косва и проч.! Самое названіе Оки финское, передѣланное на русскій ладъ. Не мало рѣкъ и рѣчекъ въ центральной Великороссіи носятъ имена Мери и Веси, бывшихъ финскихъ племенъ. Уѣздный городъ Тверской губерніи Весьегонскъ напоминаетъ то, что здѣсь жила когда-то Весь, которую русскіе звали Весь егонская. Городъ Муромъ на Окѣ возникъ въ землѣ племени Муромы.

II.

Экономическій, или хозяйственный укладъ жизни въ Суздальскомъ краѣ.

Съ трудомъ отыскавъ среди лѣсовъ и болотъ сухой пригорокъ, поселенецъ ставилъ здѣсь свою избу. Одна,— двѣ, рѣдко три избы—вотъ первоначальныя селенія пришельцевъ. Чѣмъ же и какъ добывалъ онъ себѣ пропитаніе? Болотистая, заросшая лѣсомъ почва съ чрезвычайнымъ трудомъ поддавалась обработкѣ. Да и не очень привыкъ поселенецъ къ земледѣлію. На старой своей родинѣ онъ занимался охотой, пчеловодствомъ и немного скотоводствомъ. И зачѣмъ ему было мѣнять обычныя свои занятія на другія, когда и въ новой сторонѣ много водилось всякаго звѣря и птицы? По словамъ одного

«житія», здѣсь «біяху звѣри много, лоси и елени (олени) и зубре же и буйволы и лисицы и серны, волцы же и медвѣди». Охотнику и звѣролову открывался широкій просторъ для дѣятельности. И дѣйствительно, въ 12 и въ теченіи бо́льшей части 13 вѣка въ Ростово-Суздальскомъ краѣ населеніе занималось, главнымъ образомъ, охотой, ловлей птицъ и звѣрей и лишь немного земледѣліемъ, т.-е. оно продолжало вести то же хозяйство, что и на прежней своей родинѣ.

Трудно было выбрать удобное мѣсто для поселенія, еще труднѣе было расчистить мѣсто для пашни. Поэтому человѣкъ неохотно покидалъ разъ занятое мѣсто. Семья крестьянина разросталась, рядомъ съ старой избой строилась еще одна или нѣсколько, возникало цѣлое селеніе, состоящее изъ близкихъ родственниковъ. Земля обрабатывалась ими сообща. Трудная была эта работа. Рубили лѣсъ, выкорчевывали пни и сжигали все это; потомъ распахивали удобренное золой поле и нѣсколько лѣтъ подрядъ засѣвали его хлѣбомъ. Когда же замѣчали, что земля начинаетъ плохо родить, продѣлывали то же съ сосѣднимъ участкомъ, оставляя прежній «отдыхать»; нѣсколько лѣтъ спустя вновь переходили къ первому. Охотились, ловили рыбу, звѣря и птицу тоже сообща. Пока семья была невелика, весь продуктъ общаго труда: зерно, мясо животныхъ и птицъ, рыба, шкуры и кожи, все это становилось общей собственностью и расходовалось по надобности. Но когда семья разросталась, то возникалъ дѣлежъ, причемъ родственникамъ старшимъ приходилось больше, чѣмъ младшимъ. Умиралъ, напр., крестьянинъ и оставлялъ послѣ себя двухъ сыновей. Ясно, что въ случаѣ дѣлежа имъ приходилось поровну. Послѣ ихъ смерти все ихъ имущество переходило къ ихъ сыновьямъ. Допустимъ, что у перваго одинъ сынъ,

у второго — два. Если они вели хозяйство сообща, то одинъ получалъ половину всего продукта, а другая половина выпадала на долю двумъ остальнымъ, т.-е. по четверти на брата. И чѣмъ больше разросталась семья, тѣмъ больше дробились доли, тѣмъ сильнѣе доля одного отличалась отъ доли другого. Въ семьѣ возникало такимъ образомъ неравенство, родственныя чувства притуплялись, и для большинства ея членовъ становилось все равно, кто имѣетъ право на опредѣленную долю продукта,—свой или чужой. Бывало нерѣдко, что кто-нибудь изъ своихъ уходилъ на сторону и продавалъ свою долю чужому человѣку, который такимъ путемъ вступалъ въ семью. Вступали въ семью чужіе и инымъ способомъ: по завѣщанію, по даренію и по закладу. Такъ семейный, кровный союзъ превращался постепенно въ товарищество или артель, состоявшую не только изъ родственниковъ, но и изъ чужихъ другъ другу людей. Члены такой артели получали названіе складниковъ, сосѣдей или сябровъ. Они по прежнему не дѣлили земли, вели хозяйство сообща и дѣлились лишь продуктомъ совмѣстнаго труда. Такое складническое или сябринное хозяйство и преобладало среди крестьянъ Ростово-Суздальской земли въ теченіе 13 вѣка. На сѣверѣ отъ нея оно существовало еще нѣсколько столѣтій послѣ.

Но къ концу 13 в. складническое хозяйство въ земледѣліи стало быстро распадаться. Ужъ если близкіе люди, кровные родственники не могли дружно вести общее дѣло при неравенствѣ долей, то разладъ среди чужихъ другъ другу складниковъ былъ еще сильнѣе. Мало-по-малу на мѣстѣ складническаго хозяйства стало вырастать хозяйство единичное, которое велъ на свой страхъ и рискъ одинъ хозяинъ. Такое измѣненіе формы хозяйства происходило преимущественно въ земледѣліи.

За то въ нѣкоторыхъ промыслахъ, напр., при добываніи соли, старое складничество сохранялось во всей своей силѣ еще очень долгое время. Солевареніе требовало много всякихъ приборовъ и достаточнаго количества рабочихъ рукъ. Поэтому артельное веденіе дѣла здѣсь гораздо легче налаживалось, чѣмъ единичное.

Населеніе росло. Прежній земельный просторъ постепенно исчезалъ, жить становилось тѣснѣе. Звѣроловы и охотники все чаще и чаще натыкались на разныя стѣсненія: чѣмъ больше народу, тѣмъ меньше звѣря и птицы, тѣмъ труднѣе охотиться. А уходить съ насиженныхъ мѣстъ не хочется, да и все труднѣе становилось отыскивать болѣе удобныя мѣста. На югъ идти нельзя: тамъ свирѣпствовали кочевники, на востокѣ за Волгой начиналась булгарская земля, на сѣверѣ природа слишкомъ суровая, да и тамъ хорошія мѣста уже были заняты; на западѣ за Днѣпромъ (верховье) выростало въ то время чужое, Литовское государство. Приходилось оставаться на мѣстѣ и все сильнѣе и больше налегать на земледѣліе. Земледѣльцу требуется гораздо меньше земли, чѣмъ звѣролову, и на томъ же самомъ пространствѣ стало кормиться больше народу, чѣмъ раньше.

Но будучи охотникомъ и звѣроловомъ, житель Ростово-Суздальской земли былъ свободнымъ человѣкомъ; ставъ хлѣбопашцемъ, онъ все больше и больше терялъ свою прежнюю свободу. Что же случилось? Почему это такъ вышло? Причины этого лежатъ въ свойствахъ земледѣльческаго труда. Звѣролову или рыболову немного нужно для его дѣла и это немногое онъ могъ легко и скоро сдѣлать собственными руками: тенета, рогатину, сѣти. Но землепашцу требуется плугъ или соха, бороны, косы, серпы и проч. орудія, ему необходимы сѣмена для посѣва, постройки для скота и хлѣба и рабочій скотъ.

Обзавестись всѣмъ этимъ гораздо труднѣе и частенько даже совсѣмъ невозможно безъ посторонней помощи. Къ кому же прибѣгалъ крестьянинъ за помощью. Къ кому же другому, какъ не къ князю или боярину, къ монастырю или архіерею! Все это были крупные землевладѣльцы и несравненно богаче крестьянина. И вотъ съ конца 13 вѣка крестьяне попадаютъ во все бо̀льшую и бо̀льшую зависимость отъ князей и бояръ, монастырей и архіереевъ, т.-е. отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крестьянинъ либо отказывался отъ своей земли въ пользу землевладѣльца и получалъ за это скотъ, сѣмена, орудія и необходимыя постройки, либо же прямо садился на землю князя или боярина и обязывался отдавать ему половину (или другую долю) своего урожая, т.-е. платить извѣстный оброкъ.

Когда земля стала главнымъ источникомъ пропитанія, она получила большую цѣнность. А когда она получила цѣнность, ею стали дорожить. Раньше много было разныхъ пустошей и дикихъ мѣстъ, которыя никому не принадлежали. Теперь землю стали расхватывать всѣ тѣ, кто надѣялись извлечь изъ нея доходъ. Но земля приносила доходъ, если она обрабатывалась людьми. Мы видѣли, какъ старались Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій заселить свое княжество. То же дѣлали и бояре съ своей землей. А землю эту они либо получали за службу отъ князя, либо просто захватывали въ свою собственность. Какъ же распоряжались землевладѣльцы своей собственностью, какимъ способомъ получали они доходъ съ своей земли?

* * *

Все свое княжество, со всѣми городами и селами, лѣсами и полями, озерами и рѣками, князь считалъ своей полной собственностью и распоряжался имъ, какъ

помѣщикъ своимъ помѣстьемъ: дѣлилъ на части, продавалъ, закладывалъ, завѣщалъ, дарилъ.

Значительную часть своихъ владѣній князь отводилъ подъ собственное хозяйство, другую отдавалъ въ аренду. Правда, слова «аренды» тогда еще не употребляли, но это не мѣшало тому, что она была на дѣлѣ.

Собственное хозяйство князя — это дворцовыя земли. Съ нихъ получалъ князь муку, зерно и другіе припасы. Много народу, холоповъ подневольныхъ и свободныхъ крестьянъ, трудилось на княжескихъ пашняхъ. Разные ремесленники — плотники, столяры, маляры, мѣдники и проч., находились при княжескихъ хоромахъ, всегда готовые къ работѣ. Всей этой оравой трудового люда, а также множествомъ княжескихъ слугъ распоряжался дворецкій князя, или дворскій, какъ его тогда звали. Главной его заботой было снабженіе дворца зерномъ и мукой, крупой, масломъ, молокомъ. Онъ же наблюдалъ за порядкомъ и благоустройствомъ въ жилищѣ князя.

Овощи, медъ, рыбу, дичь, мѣха, соль, словомъ все, что можно было добыть въ лѣсу, въ рѣкѣ, въ полѣ и нѣдрахъ земли обязаны были доставлять жители множества селеній, раскинутыхъ по всему княжеству. Эта область княжескаго хозяйства распадалась на отдѣльныя отрасли и каждая такая отрасль носила названіе пути. Такъ, охотники за бобрами, бобровники, и псари принадлежали къ ловчему пути; сокольники и другіе служители птичей охоты входили въ сокольничій путь; конюшни съ конюхами и приписанными къ нимъ лугами составляли конюшенный путь. Чашничій путь вѣдалъ дворцовое пчеловодство и погреба съ напитками (главнымъ образомъ, медъ); сюда приписаны были многочисленныя села и деревни дворцовыхъ бортниковъ и бортные дворцовые лѣса. Къ стольничему пути припад-

лежали дворцовыя рыбныя ловли, дворцовые сады и огороды съ рыболовами, садовниками и огородниками. Всѣ эти угодья и селенія разбросаны были по всему княжеству, по всѣмъ его уголкамъ. Нерѣдко, встрѣчались округа, гдѣ въ самомъ пестромъ безпорядкѣ перемѣшаны были селенія бортниковъ, огородниковъ, рыболововъ, но несмотря на свою разбросанность такія селенія тянули каждое въ свою сторону: селенія бортниковъ составляли свои, селенія рыболововъ также свои волости и т. д. Во главѣ волости стоялъ княжій волостель, который и сбиралъ для княжаго двора продукты. Ему подчинялись выборные въ каждомъ такомъ селеніи старосты, черезъ нихъ онъ и дѣйствовалъ. Надъ волостями стояли управители путей, которые носили соотвѣтственныя своему пути званія: ловчаго, конюшеннаго, стольника, сокольничаго, чашника. По большей части это были бояре. Такимъ образомъ, дворскій «завѣдывалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, а управители путей дворцовыми промыслами» (Ключевскій).

Всѣ необходимыя работы справляли отчасти холопы, но, главнымъ образомъ, крестьяне; они жили на княжеской землѣ и обязаны были платить за это оброкъ; одни платили хлѣбомъ, другіе рыбой, третьи медомъ и т. д.; но въ другомъ отношеніи они были свободными людьми и вели собственное хозяйство. Только нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., псари и конюхи жили на княжескихъ харчахъ.

Такъ велось хозяйство князя. Конечно, оно было гораздо проще у князя бѣднаго и еще сложнѣе—у богатаго. Какъ уже сказано, другую—еще болѣе значительную — часть своихъ владѣній князь отдавалъ въ аренду, вѣрнѣе на откупъ. Это были земли тяглыхъ или черныхъ людей, городскихъ и сельскихъ, и земли частныхъ владѣльцевъ, церковныхъ и свѣтскихъ. Князь считалъ

себя верховнымъ собственникомъ всѣхъ этихъ земель и потому въ правѣ получать съ нихъ доходъ. Какъ же собиралъ онъ этотъ доходъ? Дѣлалъ онъ это при посредствѣ своихъ намѣстниковъ и волостелей. Княжество разбивалось на уѣзды, а уѣзды на волости; въ уѣздахъ правили намѣстники, въ волостяхъ — волостели. Главная забота князя заключалась въ томъ, чтобы получить съ нихъ побольше дохода. По тогдашнимъ условіямъ легче всего устроить это было при помощи намѣстниковъ и волостелей. Они сбирали подати и пошлины съ населенія и часть ихъ (половину или другую долю) отдавали князю. Другая часть оставалась въ ихъ рукахъ. До половины 15 вѣка власть этихъ лицъ была очень велика; въ своихъ областяхъ они какъ бы замѣняли князя.

Боярское и монастырское хозяйство велось по тому же образцу. Только далеко не всѣ бояре вели собственное хозяйство; большинство предпочитало всю свою землю сдавать въ аренду крестьянамъ. Такъ же поступали и монастыри и архіерейскіе дворы. Зачѣмъ заводить собственныя поля, когда съ меньшими хлопотами можно было имѣть и хлѣбъ и прочіе припасы въ видѣ оброка съ крестьянъ. Нѣкоторые крупные землевладѣльцы сдавали, подобно князю, въ аренду цѣлые участки своихъ земель, заселенные десятками деревень. Сохранилось много грамотъ того времени, изъ которыхъ видно, что обязаны были дѣлать крестьяне, сидѣвшіе на землѣ какого-нибудь владѣльца. Въ одной изъ такихъ грамотъ (уставная грамота 1391), данной митрополитомъ Кипріаномъ Константиновскому монастырю, сказано, что «лучшіе, т. е. зажиточные, изъ крестьянъ, живущихъ въ селахъ Константиновскаго монастыря, должны наряжать монастырь и монастырскій дворъ, по наряду пахать монастырскую землю и убирать хлѣбъ, дѣлать вешніе и

зимніе ѣзы и заколы для рыбной ловли, оплетать сады, прудить пруды, осенью ловить на монастырь бобровъ, на Пасху и на Петровъ день приносить игумену подарки, сколько кто хочетъ, на монастырскій праздникъ приводить изъ села по яловицѣ, молотить рожь, молоть солодъ и проч., а въ которое село пріѣдетъ игуменъ на братчину, то складчинники на братчинѣ даютъ игуменовымъ конямъ по зобнѣ овса» (Бѣляевъ). Приблизительно такого же рода обязанности несли крестьяне на всякой владѣльческой землѣ, только далеко не всюду существовала барщина, т. е. работа на барскомъ полѣ.

Боярское владѣніе было двухъ родовъ: вотчина и помѣстье. Вотчина—это полная собственность боярина. Она передавалась по наслѣдству отъ отца къ сыну, могла быть продана, заложена, подарена кому-нибудь. Вотчина возникала тамъ, гдѣ бояринъ захватывалъ пустую, никому не принадлежащую землю и разрабатывалъ ее своими холопами или зависимыми людьми. Впрочемъ, она возникала также путемъ скупки крестьянскихъ земель или путемъ ихъ отобранія за долги. Но съ конца 14 вѣка начинаетъ брать перевѣсъ другой видъ землевладѣнія—помѣстье. Князья не могли платить своимъ слугамъ деньгами, которыхъ водилось тогда немного; взамѣнъ денегъ они давали своимъ сподручнымъ землю, населенную крестьянами. Эта-то земля и составляла помѣстье. Оно находилось во владѣніи боярина лишь до тѣхъ поръ, пока онъ служилъ князю; но какъ только онъ уходилъ со службы, такъ лишался и помѣстья. Помѣстье, слѣдовательно, давалось въ видѣ жалованья, оно такъ и называлось: жалованная земля. Что же касается монастырей, то ихъ земельныя богатства выростали главнымъ образомъ путемъ вкладовъ «на спасеніе души». Жертвовали землю всѣ: князья и бояре, крестьяне и купцы.

Съ теченіемъ времени въ рукахъ монастырей скопились громадныя земельныя богатства. Богатые монастыри и извѣстные своей силой бояре увеличивали свои владѣнія и инымъ путемъ. Нерѣдко простой человѣкъ не находилъ защиты отъ притѣсненій и обидъ богатаго ни у князя, ни у намѣстника, ни у волостели. Тогда онъ отдавалъ свою землю монастырю или боярину съ условіемъ, чтобы тѣ не давали его никому въ обиду. Это называлась тогда «заложиться» за кого-нибудь, а такіе заложившіеся за монастырскую или боярскую спину получали названіе закладниковъ. Чѣмъ богаче и сильнѣе былъ землевладѣлецъ, тѣмъ больше было у него закладниковъ, тѣмъ обширнѣе становились его владѣнія.

Итакъ, земледѣліе служило въ то время главнѣйшимъ источникомъ пропитанія, а владѣніе землей составляло основу богатства и общественной силы. Но рабочее населеніе занималось не только обработкой земли, охотой, рыболовствомъ и пчеловодствомъ. Князья и бояре строили себѣ хоромы, воздвигали церкви, для всѣхъ требовалась разная домашняя утварь и всевозможныя вещи по хозяйству; была, слѣдовательно, потребность въ разнаго рода ремесленникахъ. По деревнямъ и городамъ ходили плотники, повсюду встрѣчались столяры, кузнецы, котельщики, ложечники, оловяничники, сѣдельники, сапожники; были кое-гдѣ даже золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера. Всѣми этими ремеслами занимались крестьяне иногда «между дѣломъ», иногда, посвящая ремеслу все свое время. Сбывали они издѣлія либо односельчанамъ, либо, кромѣ того, и въ сосѣднемъ городѣ, куда пріѣзжали на базары въ опредѣленные дни. Однако, князья и бояре, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, а также монастыри и архіерейскіе дворы имѣли своихъ ремесленниковъ, которые приготовляли все необходимое, такъ что

покупали только заграничныя издѣлія: вина, тонкія ткани, металлическія издѣлія. Вообще, покупали и продавали въ то время очень мало. Самое главное и необходимое готовили въ собственномъ хозяйствѣ. Вслѣдствіе этого и торговля велась въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ.

III.

Общественный и политическій строй Удѣльной Руси.

Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ тѣмъ, какъ обезпечивали себя люди того времени всѣмъ необходимымъ въ жизни, т.-е. съ экономическимъ строемъ Удѣльной Руси. Теперь намъ необходимо узнать, каковы были взаимныя отношенія князей, бояръ, духовенства и крестьянъ другъ къ другу по ихъ правамъ и обязанностямъ (общественный строй), а также, — какъ управлялась Русь того времени (политическій строй) и почему, собственно, она получила названіе Удѣльной.

Начнемъ съ князей. Княжеская власть получала въ ростово-суздальскомъ краю другое значеніе, чѣмъ въ Кіевской Руси. Тамъ они были людьми пришлыми, здѣсь столь же коренными, сколько и само населеніе. Мало того, край заселялся при ихъ помощи, и князья воображали даже, что именно они сдѣлали эти дикія мѣста населенными. Андрей Боголюбскій такъ и говорилъ: «Я всю Бѣлую (т.-е. Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ». Въ силу этого у князей Ростово-Суздальской земли возникала привязанность къ своему краю. И эта привязанность росла тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше укоренялось земледѣліе и росла цѣнность земли. Правда, первый устроитель

этого края, Юрій Долгорукій, еще всею душой устремлялся въ Кіевъ; ему хотѣлось сидѣть на кіевскомъ великокняжескомъ столѣ, и онъ не мало времени и силъ ухлопалъ на то, чтобы отбить этотъ столъ у своего соперника Изяслава Мстиславича. Но его сынъ Андрей поступалъ уже иначе. Онъ тоже, подобно отцу, который таки добился своего, предъявилъ права на великокняжескій столъ, но, овладѣвъ имъ, не поѣхалъ туда, а остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ, который сталъ столицей его княжества и который онъ, какъ столицу, всячески украшалъ. Кіевъ же онъ отдалъ своему брату, хотя власть великаго князя оставилъ за собой. Это былъ первый на Руси примѣръ пренебреженія къ городу, владѣть которымъ составляло завѣтное желаніе всѣхъ князей. Андрей и въ другихъ отношеніяхъ не походилъ на прочихъ князей. Онъ поселился во Владимірѣ, хотя старшими, т.-е. болѣе древними, городами считались Ростовъ и Суздаль; онъ не совѣтывался съ вѣчемъ и боярами, хотя это было въ обычаѣ того времени. Андрей хотѣлъ быть самодержцемъ и смотрѣлъ на остальныхъ князей не какъ на равныхъ себѣ, но какъ на своихъ подручныхъ, подданныхъ. Правда, затѣя этого князя стать самодержцемъ не удалась; бояре не любили его; нѣсколько изъ нихъ сговорились и однажды ночью ворвались въ спальню Андрея и убили его. Это произошло въ 1174 г.

Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго въ Ростово-Суздальской землѣ въ теченіе двухъ лѣтъ происходила междуусобная война. Боролись за обладаніе землей братья Андрея и его племянники. Братья Андрея нашли поддержку въ простомъ народѣ, а племянники среди бояръ, дружинниковъ и купцовъ. Богатые и знатные крѣпко держались старины. А по старинѣ князь не могъ управлять безъ ихъ помощи и совѣта. Простой народъ не

любилъ знати, которая его притѣсняла и потому поддерживалъ Андрея, а послѣ его смерти его братьевъ. Жители Ростова, который стоялъ за пляменниковъ, говорили про жителей Владиміра, который держался братьевъ Андрея: «это нашъ пригородъ, сожжемъ его, либо пошлемъ туда своего посадника; тамъ живутъ наши холопы и

Рис. 1. Рис. 2.
Русскіе воины въ удѣльное время.

каменьщики». Но угрозы своей они не исполнили: простой народъ въ союзѣ съ братьями Андрея побѣдилъ, и знати не удалось установить здѣсь порядковъ, отъ которыхъ люди бѣжали сюда съ юга. Правда, и простой народъ не смогъ, не сумѣлъ устроить новые порядки по своему

желанію. Съ 1176 г. во Владимірѣ усаживается Всеволодъ Юрьевичъ, прозванный Всеволодомъ Большое Гнѣздо, вѣроятно за многочисленное его семейство. Въ теченіе своего долголѣтняго княженія (умеръ въ 1212 г.) онъ сталъ самымъ сильнымъ княземъ на Руси и распо-

Рис. 3.

Рис. 4.

Русскіе воины въ удѣльное время.

ряжался Кіевомъ по своему произволу, оставаясь, подобно Андрею, жить во Владимірѣ. Князья рязанскіе, черниговскіе, смоленскіе и другіе, всѣ они боятся спорить съ могущественнымъ княземъ Владиміро-Суздальскимъ. Даже князь такой далекой отъ Владиміра земли,

какъ Галицкое княжество, Владиміръ Ярославичъ ищетъ защиты у Всеволода: «отецъ и господинъ,—говорилъ онъ устами своихъ пословъ,—удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ волѣ твоей всегда». При Всеволодѣ Ростово-Суздальскій край окончательно сталъ средоточіемъ русской земли, чѣмъ раньше была Кіевская область.

При сыновьяхъ и внукахъ Всеволода и установился тотъ порядокъ княженія, который назвали удѣльнымъ. Великое княжество Владимірское переходитъ изъ рукъ въ руки по праву старшинства. Сначала тамъ сидѣли по очереди сыновья Всеволода, а затѣмъ, такъ же по очереди старшинства, его внуки. Но Владимірское княжество—единственная область въ Суздальской землѣ, въ которой дѣйствовалъ этотъ старинный порядокъ. Когда-то всѣ князья старались держаться такого очередного порядка. Но теперь, какъ мы видимъ, онъ примѣняется только во Владимірскомъ княжествѣ. Здѣсь сидѣлъ великій князь.

Но въ Суздальской землѣ находилось еще много другихъ областей — младшихъ, гдѣ княжили родственники великаго князя. Здѣсь царилъ другой порядокъ. Князь смотрѣлъ на свою область, какъ на свою собственность, и передавалъ её по наслѣдству своему сыну. У него бывали братья, но о нихъ онъ не заботился. Каждый князь имѣлъ свой удѣлъ. А когда ему приходилось занять великокняжескій владимірскій столъ, его удѣлъ все равно оставался за нимъ. Во всей суздальской землѣ одно только Владимірское княжество не имѣло постояннаго, наслѣдственнаго князя. Всѣ другія княжества составляли удѣлы опредѣленныхъ княжескихъ семействъ. Теперь ясно, почему Русь того времени называютъ Удѣльной.

Не менѣе ясно и то, что княжескіе удѣлы должны были дробиться, становиться меньше, по мѣрѣ того, какъ разросталась княжеская семья. Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо правили всею Суздальской землей, но сыновья этого послѣдняго получили уже по нѣкоторой ея части. Иначе и быть не могло: вѣдь, князья смотрѣли на свое княжество, не какъ на государство, а какъ на имѣніе, на вотчину. Самое слово «государь» имѣло въ то время совершенно иной смыслъ, чѣмъ теперь. Холопъ называлъ своего господина государемъ, но свободный никогда не именовалъ такъ князя. Слѣдовательно, князь былъ государемъ только для своихъ холоповъ, но не для народа, жившаго въ предѣлахъ его вотчины. Такимъ же государемъ для своихъ холоповъ былъ и бояринъ, и вообще всякій рабовладѣлецъ.

Рис. 5. Русскій воинъ въ удѣльное время въ шишакѣ.

Умирая, князь дѣлилъ свой удѣлъ между своими наслѣдниками, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ меньше выпадало на долю каждаго. По смерти Всеволода Большое Гнѣздо его вотчина распалась на четыре удѣльныхъ и одно великое княжество: Ростовское, Пере-

яславское, Юрьевское, Стародубское и Владимірское (вел. кн.). При внукахъ Всеволода изъ Владимірскаго княжества выдѣлились еще слѣдующіе удѣлы: Суздальскій, Костромской, Московскій. Ростовское княжество то же выдѣлило изъ себя два новыхъ удѣла: Ярославское и Углицкое княжество. Въ Переяславскомъ удѣлѣ возникли затѣмъ тоже два новыхъ удѣла: Тверской и Дмитрово-галицкій. Итакъ, уже при внукахъ Всеволода единое Ростово-суздальское княжество распалось на 11 удѣловъ и одно великое княженіе. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ дробленіе пошло, конечно, еще дальше. Для примѣра укажемъ на Бѣлозерское княжество, выдѣлившееся изъ Ростовскаго уже послѣ отдѣленія отъ него Ярославскаго и Углицкаго княжествъ. Въ теченіе 14 и 15 вв. оно дало начало слѣдующимъ удѣламъ: Кемскому, Согорскому, Ухтомскому, Шелешпанскому, Андожскому, Вадбольскому и др. Та же участь постигла и многія другія княжества. Не мудрено, поэтому, что нѣкоторыя изъ удѣльныхъ княжествъ были величиной съ небольшое боярское имѣніе. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ ярославскихъ удѣловъ, княжество Заозерское. Въ началѣ 15 вѣка столица заозерскаго князя «состояла изъ одинокаго княжескаго двора, недалеко отъ впадѣнія рѣки Кубени въ озеро. Близъ этой княжеской усадьбы стояла церьковь во имя Димитрія Солунскаго, очевидно, этимъ же княземъ и построенная въ честь своего ангела [1]), а поодаль была «весь (деревня) Чиркова», которая служила приходомъ къ этой церкви (Ключевскій, Исторія). Не велики были владѣнія заозерскаго князя! Но не больше бывали и владѣнія многихъ другихъ князей.

Итакъ, князья были прежде всего землевладѣльцы.

---

[1]) Князя звали Дмитріемъ Васильевичемъ.

И чѣмъ крупнѣе земельныя владѣнія князя, чѣмъ больше и населеннѣе его удѣлъ, тѣмъ сильнѣе онъ былъ. Населить удѣлъ не легкое дѣло. Гораздо легче расширить его. И князья всячески старались объ этомъ, — они покупали землю, гдѣ только возможно было, отнимали ее силой у людей болѣе слабыхъ, заботились о томъ, чтобы родственные имъ князья другихъ удѣловъ оставляли имъ что-нибудь въ наслѣдство. Какъ помѣщикъ о своемъ имѣніи, такъ и князь о своемъ удѣлѣ заботился больше всего на свѣтѣ. О другомъ удѣлѣ онъ вспоминалъ «лишь тогда, когда тотъ угрожалъ ему, или когда представлялась возможность обобрать его».

Для удѣльнаго князя его отечество находилось въ его удѣлѣ. Остальной Руси для него какъ бы не существовало, и онъ вовсе не считалъ себя обязаннымъ охранять и защищать русскую землю вообще. Онъ не гнушался союза съ иноземцами, лишь бы побѣдить своего соперника. Московскіе князья не разъ водили татарскія рати на землю тверскихъ князей, а эти послѣдніе прибѣгали къ помощи литовцевъ и вмѣстѣ съ ними опустошали Московское княжество. Поэтому князья относились весьма подозрительно другъ къ другу, каждый изъ нихъ опасался обмана или насилія со стороны другого, и дѣйствительно, сильный князь всегда притѣснялъ князя слабаго. Только уступчивостью, или же прибѣгая къ защитѣ другого сильнаго князя, могъ слабый князь сохранять свой удѣлъ.

Постепенно на Руси возникло нѣсколько великихъ княжествъ. Выдѣляя изъ своей области удѣлы, ярославскій князь становился великимъ по отношенію къ своимъ удѣльнымъ князьямъ. Тоже происходило и въ другихъ крупныхъ княжествахъ. Такъ появились великіе князья тверскіе, рязанскіе, ярославскіе, костромскіе и

Рис. 6. На дворѣ удѣльнаго князя.

др. Вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе великаго князя владимірскаго все уменьшалось.

* * *

Но князья были, какъ мы знаемъ, не единственными земельными собственниками. Среди ихъ владѣній находились владѣнія бояръ и монастырей. Что касается бояръ, то они владѣли вотчинами и помѣстьями. Вотчина,—это владѣніе благопріобрѣтенное и переходящее по наслѣдству отъ отца къ сыну. Вотчиной своей бояринъ распоряжался по своему усмотрѣнію: продавалъ ее цѣликомъ или частями, дарилъ, завѣщалъ. Однако, верховнымъ собственникомъ земли все-таки считался тотъ князь, въ удѣлѣ котораго она находилась. Правда, князь не могъ продать вотчину боярина или взять ее у него себѣ. Но онъ требовалъ за нее себѣ отъ боярина службы. «Ты имѣешь вотчину на моей землѣ,—говорилъ онъ,—такъ мнѣ и служи». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь облагалъ вотчинника даже податью. Кромѣ вотчинъ бояре имѣли часто и помѣстья. Помѣстье—это земельное владѣніе, которое бояринъ получалъ за свою службу отъ князя вмѣсто денежнаго жалованья; оно часто такъ и называлось,—жалованной землей, или просто жалованьемъ. О правахъ и обязанностяхъ бояръ рѣчь пойдетъ дальше.

Князья и бояре составляли высшій слой въ удѣльномъ княжествѣ; крестьяне и горожане—его низы и основу. Сельчане и горожане мало отличались другъ отъ друга, такъ какъ одинаково занимались земледѣліемъ и города похожи были на большія деревни. Раньше, какъ мы знаемъ, крестьяне назывались смердами и самое слово «крестьянинъ» возникло только въ 13 или 14 вѣкѣ. Иначе ихъ называли тогда еще «черными людьми», а

земли, ими заселенныя, — черными землями. Черные люди были такъ же свободны, какъ и бояре, но не имѣли земли, и поэтому ихъ свобода на дѣлѣ нерѣдко превращалась въ кабалу. Земля, которую они обрабатывали изстари и которую считали своей, перешла въ руки князей, бояръ и монастырей. Разбросанные по лѣсамъ, среди болотъ небольшими селеніями, черные люди и думать не могли о томъ, чтобы отказать князю или боярину, когда тѣ требовали податей и оброковъ; напротивъ, нерѣдко они сами отдавали свою землю князю или боярину, чтобы получить отъ него военную защиту и хозяйственную помощь (закладывались). Но поселившись на боярской, княжеской или церковной землѣ, крестьянинъ обрекалъ себя на подневольную жизнь. Хозяину земли было выгодно имѣть у себя постоянныхъ работниковъ, поэтому онъ всячески старался затруднить уходъ крестьянъ. Крестьяне не могли уходить, когда вздумается. Былъ установленъ обычаемъ опредѣленный срокъ, одинъ въ году, когда крестьяне имѣли право покидать землевладѣльца, на землѣ котораго жили. Въ Поволжьѣ срокомъ этимъ былъ Юрьевъ день (24 ноября). Но далеко не всякій крестьянинъ имѣлъ возможность воспользоваться своимъ правомъ ухода. Часто крестьянинъ садился уже на застроенный участокъ, получалъ отъ хозяина избу и дворъ и всѣ вообще необходимыя въ хозяйствѣ постройки. При уходѣ съ него требовали уплатить «пожилое». Въ концѣ 15 вѣка эта плата достигала рубля въ полевыхъ и полтину въ лѣсныхъ мѣстахъ (около 94 и 47 на наши деньги) за 4 года. Хорошо, если у крестьянина были деньги, но это случалось не часто, даже весьма рѣдко. Когда же крестьянинъ садился на пустое мѣсто и самъ обстраивалъ его, то получалъ отъ хозяина облегченіе въ уплатѣ налоговъ, податей и отбываніи барщины. Это

облегченіе (льгота) давалось на долгій срокъ и, слѣдовательно, привязывало на это время крестьянина къ мѣсту. Нерѣдко крестьянинъ и инымъ способомъ одолживался землевладѣльцу и, такимъ образомъ, надолго лишалъ себя свободы ухода. Чтобы обезпечить себя рабочими руками, удѣльные князья 14 и 15 вв. договаривались другъ съ другомъ о томъ, чтобы черныхъ людей «промежъ себя не пріимать въ свои удѣлы» и «въ службу не пріимати». Это еще больше стѣсняло свободное передвиженіе крестьянъ. Такъ уже въ то время постепенно подготовлялось закрѣпощеніе крестьянъ, случившееся позднѣе. Лишенное земли, попавшее въ зависимость отъ землевладѣльца, крестьянство все больше и больше становилось тяглымъ, или податнымъ сословіемъ. Оно платило оброки землевладѣльцу, подати князю и справляло разныя повинности. Нерѣдко несли крестьяне и военную службу. Но составляя самое многочисленное и трудовое населеніе страны, крестьяне не принимали участія ни въ ея управленіи, ни въ ея устроеніи.

Когда пришли на Русь татары и овладѣли ею, они переписали всѣхъ крестьянъ и обложили ихъ данями. Каждый приписанъ былъ къ опредѣленной общинѣ. Дань брали съ земли, а не съ человѣка. Накладывали на всю общину цѣликомъ, а о разверсткѣ дани между домохозяевами заботилась уже сама община. Понятно, что чѣмъ больше народу было въ общинѣ, тѣмъ меньше дани приходилось на каждаго въ отдѣльности. Еще тяжелѣе стало крестьянину: и отъ помѣщика трудно уйти, и отъ своихъ не легче,—хочешь не хочешь живи тамъ, гдѣ приписанъ.

Князья переняли у татаръ обычай переписи, и время отъ времени по деревнямъ разъѣзжалъ писецъ и вписывалъ въ книгу всѣхъ, обязанныхъ платить. Съ тѣхъ поръ крестьянъ стали называть «данниками» или «письмен-

ными» людьми, а также «тяглыми», такъ какъ они несли на себѣ опредѣленное тягло.

Между боярами и крестьянами стояли купцы, но, при слабой торговлѣ, ихъ было немного и они не оказывали замѣтнаго вліянія на жизнь того времени.

Какъ и раньше, въ Удѣльной Руси тоже существовали холопы. Ихъ положеніе въ общемъ было тоже, что и въ Кіевской Руси.

* * *

Какъ же управлялось удѣльное княжество? Управленіе того времени было устроено совершенно иначе, чѣмъ теперь. Въ настоящее время управленіе страной имѣетъ въ виду общее благо; въ удѣльное время интересы князя-хозяина стояли на первомъ планѣ, а общее благо населенія на послѣднемъ. Князь-хозяинъ хотѣлъ имѣть возможно больше «прибытка», т.-е. доходу съ своихъ владѣній, соотвѣтственно съ этимъ онъ и устраивалъ управленіе своимъ княжествомъ. Первой его заботой было полученіе разнообразныхъ податей и повинностей съ населенія. Платили и несли повинности всѣ, но далеко не въ одинаковой степени; бояре и служилые люди обязаны были князю службой военной и по управленію; бояре, кромѣ того, вносили въ княжескую казну небольшую подать съ своихъ вотчинъ; но главными плательщиками были «черные люди», крестьяне. Они платили оброкъ за землю и разныя подати и дани, то въ пользу князя, то для его служилыхъ людей.

Платили за судъ судьѣ и его помощникамъ. Была установлена особая плата за каждое дѣло, за крупное—большая, за мелкое—менѣе значительная. Платили и за многое другое. Такъ существовала свадебная пошлина. Если невѣсту выдавали въ другую область, ея семья платила «вывод-

ную куницу»; если же женихъ и невѣста жили въ одномъ уѣздѣ или волости, то—«свадебное за убрусъ». Брали за провозъ товара. Къ проѣзжимъ пошлинамъ относились, во первыхъ, мыто—«сухое», при провозѣ товаровъ сухимъ путемъ, и «водяное»—при провозѣ ихъ водой.....; второй проѣзжей пошлиной была «головщина» или «костки» съ лицъ, сопровождавшихъ товары; при возвращеніи обратно тѣмъ же путемъ платили особую пошлину—«задніе калачи»; наконецъ, существовала еще мостовщина, собиравшаяся при переѣздѣ черезъ мосты, и перевозъ—при переправахъ черезъ рѣки. (Рожковъ, Обзоръ II). Помимо того, существовали разнообразныя торговыя пошлины: при наймѣ лавокъ, при вывозѣ тотовара изъ гостиннаго двора, при складѣ товара, при взвѣшиваніи и т. д.; продававшихся лошадей клеймили (ставили «пятно») и за это тоже брали. Словомъ, пошлины были самыя разнообразныя. Съ половины 13 вѣка населеніе, кромѣ того, было обложено еще татарской данью. Лишь часть даней, податей и пошлинъ уплачивало населеніе деньгами. По большей части платили натурой, т.-е. продуктами труда. Не мало было и натуральныхъ повинностей: подводная для князя и его чиновниковъ, дорожная для починки дорогъ, городовая ради постройки и обновленія городскихъ стѣнъ, мостовая—возведеніе и содержаніе въ порядкѣ мостовъ и т. д.

Мы уже знаемъ, что часть земель находилась въ дворцовомъ вѣдомствѣ, часть подъ управленіемъ намѣстниковъ и волостелей и часть—въ рукахъ бояръ и служилыхъ людей, а также во владѣніи церкви. Всѣ эти земли имѣли и особое управленіе. Мы уже знакомы съ устройствомъ дворцоваго управленія и путей. Всѣ люди, приписанные къ дворцу или путямъ, находились подъ управленіемъ дворецкаго и путныхъ бояръ (чашника, столь-

ника и др.) Дворцовое и путейское управленіе являлось какъ бы центральнымъ. Намѣстники и волостели были мѣстными управителями.

Все княжество разбивалось на рядъ уѣздовъ, съ городомъ во главѣ, а уѣздъ имѣлъ нѣсколько волостей. Въ уѣздномъ городѣ жилъ намѣстникъ. Въ его вѣдѣніи находился городъ и ближайшія его окрестности. Волостель управлялъ волостью, какъ намѣстникъ городомъ. Обязанности намѣстниковъ и волостелей были двоякаго рода. Они, во-первыхъ, доставляли князю «прибытокъ», являлись какъ бы его арендаторами; со всего, что они сбирали съ населенія, половину (или другую долю) отсылали они князю; во вторыхъ, на нихъ лежала обязанность «суда и расправы». Черные люди селъ и городовъ со всѣми своими обидами и жалобами шли къ намѣстнику и волостелю, который и разбиралъ ихъ жалобы, взимая за это судебную пошлину. Помимо всего этого, эти княжескіе чиновники слѣдили за отправленіемъ разныхъ повинностей: подводной, городовой и др. Волостель былъ во всемъ подобенъ намѣстнику, но не имѣлъ права разбирать дѣла по важнѣйшимъ преступленіямъ: «губнымъ» (отъ слова «губить»), т.-е. объ убійствѣ и разбоѣ и о татьбѣ съ поличнымъ (т.-е. о воровствѣ, когда воръ пойманъ съ поличнымъ). Эти дѣла вѣдалъ намѣстникъ. Ему помогали при исполненіи его обязанностей многочисленные его помощники, которыхъ онъ назначалъ преимущественно изъ среды своихъ холоповъ: доводчики и праветчики, пошлинники и пятинщики.

За свою службу намѣстникъ и волостель не получали денежнаго жалованья отъ князя; имъ полагался опредѣленный «кормъ» съ населенія: кромѣ половины всѣхъ пошлинъ, они брали еще въ свою пользу съ чернаго люда хлѣбъ, мясо, яйца, словомъ все, необходимое

въ хозяйствѣ: это и былъ «кормъ», часто и самая служба называлась просто «кормленіемъ». Это названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что эти лица были не только и даже не столько чиновниками, сколько прикащиками князя. А самъ князь былъ одновременно и помѣщикомъ, и государемъ; его удѣлъ былъ не только государствомъ, но въ то же самое время и помѣстьемъ. Онъ управлялъ удѣломъ, но въ то же время и «кормился» имъ.

Однако намѣстники и волостели имѣли власть только надъ черными людьми; бояре были имъ неподвластны. Мало того, эти княжескіе чиновники не имѣли права ни судить, ни собирать подати съ крестьянъ, жившихъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ боярскихъ. Поселившіеся здѣсь крестьяне подчинялись боярину, который былъ для нихъ не только хозяиномъ земли, но и начальникомъ; онъ судилъ и наказывалъ ихъ, собиралъ съ нихъ налоги и пошлины. Эти права бояръ князья подтверждали, выдавая имъ «жалованныя грамоты». Въ этихъ грамотахъ всегда находились такія строки: «а волостели мои въ околицу его не въѣзжаютъ» или «а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуны не въѣзжаютъ» во владѣнія боярина». Такимъ образомъ, княжій бояринъ былъ не только землевладѣльцемъ, но и человѣкомъ, обладавшимъ большей властью, какъ бы небольшимъ царькомъ въ своихъ имѣніяхъ. Онъ окружалъ себя дружиной и имѣлъ собственныхъ волостелей, которымъ передавалъ управленіе частью своихъ владѣній. Его служилые люди назывались дѣтьми боярскими. Словомъ, это былъ въ маломъ видѣ тотъ же удѣльный князь.

Долгое время указанныя въ «жалованныхъ грамотахъ» права боярина сохранились въ неприкосновенности, и только со второй половины 15 вѣка стали они подвергаться ограниченіямъ. Намѣстники получили права

«въѣзда» въ боярское владѣніе, если тамъ случалось важное преступленіе.

Пользуясь обширными правами, бояре должны были и нести службу князю. Она состояла въ томъ, что бояре, въ случаѣ надобности, приходили со своей дружиной къ князю и становились въ ряды его ополченія. На нихъ же лежала защита того города, въ уѣздѣ котораго они жили, такъ называемая «городняя осада». Бояре не считались подданными того удѣльнаго князя, во владѣніяхъ котораго имѣли свои вотчины. Они имѣли право переходить на службу къ другому князю. Бывало такъ, что бояринъ имѣетъ вотчину во владѣніяхъ ярославскаго князя, а служитъ московскому. Понятно, въ случаѣ войны между этими князьями онъ могъ легко потерять свою вотчину. И вотъ, чтобы не быть въ убыткѣ, бояре въ большинствѣ случаевъ переходили только къ тѣмъ князьямъ, которые могли щедро награждать ихъ службу помѣстьями и охранять ихъ интересы.

Бояре, служившіе удѣльному князю, были его правой рукой; во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ князь совѣтывался съ ними, и они помогали ему творить судъ и расправу, раздавать милости и льготы, вести переговоры съ другими князьями, собирать его доходы. Князь обращался за совѣтомъ и помощью чаще всего къ тѣмъ боярамъ, которые находились подъ рукой: къ чашнику, казначею, ловчему; бояринъ, постоянно находившійся при князѣ, около него, такъ и назывался окольничимъ. Бояре, призванные княземъ на совѣтъ, составляли боярскую думу. Но не надо думать, что дума правильно собиралась и имѣла опредѣленный составъ членовъ. Князь сегодня могъ позвать двухъ бояръ на совѣтъ, вчера онъ призвалъ трехъ, а завтра рѣшаетъ дѣло съ однимъ лишь бояриномъ. Опытные во всякаго рода дѣлахъ

бояре очень цѣнились княземъ, и онъ старался не только удержать ихъ при себѣ, но и при своихъ сыновьяхъ. Чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ щедрѣе оплачивалъ онъ службу себѣ, тѣмъ охотнѣе оставались бояре при немъ. Помощники князя зрѣлаго и опытнаго, бояре становились руководителями князя молодого. Умирая, князь упрашивалъ своихъ бояръ такъ же вѣрно служить его дѣтямъ, какъ они служили ему, а своимъ дѣтямъ наказывалъ жить съ боярами въ любви и согласіи.

Но если князь очень нуждался въ боярахъ, то и бояре сильно нуждались въ покровительствѣ князя, въ его защитѣ и «жалованьѣ». Раскинутые по разнымъ удѣламъ, они не составляли тѣсно сплоченнаго сословія. У нихъ еще не сложились общіе интересы; поэтому въ удѣльное время бояре не выступали какъ единое сословіе, а каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на свой страхъ, хлопоталъ о своихъ пользахъ и нуждахъ и не думалъ о правахъ всего боярства. Сплоченіе бояръ въ сословіе случилось позднѣе удѣльнаго времени.

Князь и его слуги—вотъ кто управлялъ Русью въ то время. О вѣчѣ уже почти совсѣмъ не слыхать: оно умерло на всемъ пространствѣ южной и сѣверо-восточной Руси. Да оно и не могло быть иначе. Въ Кіевской Руси вѣче состояло изъ свободныхъ смердовъ, а теперь масса крестьянъ попала въ зависимость отъ бояръ, разбросана была по деревушкамъ. Не владѣя землей, они не имѣли и политической силы.

* * *

Окинемъ еще разъ общимъ взглядомъ общественный и политическій строй Удѣльной Руси. Внизу мы видимъ огромную массу «чернаго» или «тяглаго» люда, крестьянъ. Они работаютъ, несутъ всякаго рода повинности и

платежи, своимъ трудомъ создаютъ все, въ чемъ нуждаются сами и что требуется для князей и бояръ, ихъ слугъ и духовенства. Земли своей у нихъ нѣтъ, но сами они свободны. Правда, на дѣлѣ эта свобода очень часто замѣняется прочной зависимостью отъ землевладѣльцевъ. Ими управляютъ, но сами они никакого вліянія на управленіе не имѣютъ.

Выше ихъ—бояре и служилые люди. Они живутъ отчасти въ своихъ имѣніяхъ, отчасти при княжескомъ дворѣ. Для простого народа, живущаго въ ихъ имѣніяхъ, они не только хозяева, но и начальники. Еще выше—мелкіе удѣльные князья. Многое множество ихъ на Руси, но каждый изъ нихъ считаетъ себя полновластнымъ властителемъ въ своемъ удѣлѣ; они служатъ великимъ князьямъ, исполняя обязанности намѣстника и волостеля, участвуя въ ихъ походахъ, но въ своей вотчинѣ они не терпятъ стѣсненій. Еще выше — два-три десятка великихъ и крупныхъ удѣльныхъ князей. Власть ихъ еще больше и они держатъ въ зависимости отъ себя мелкихъ удѣльныхъ князей и бояръ.

Источникъ силы и вліянія — земля, владѣніе ею. Князь не только правитель, но и хозяинъ, а его слуги по хозяйству въ то же время и его чиновники. Бояринъ тоже не только хозяинъ, но и правитель въ своей вотчинѣ или въ своемъ помѣстьѣ. Князья и бояре прежде всего заботились о доходахъ, о «прибыткѣ», попутно же и управляли страной.

Такъ Русь распалась на множество владѣній; одни изъ нихъ—великія княжества—были вполнѣ самостоятельны; другія—удѣльныя находились въ зависимости отъ великихъ князей; третьи—боярскія вотчины и помѣстья—зависили отъ великихъ и удѣльныхъ князей; нерѣдко боярская вотчина тоже распадалась на нѣсколько мел-

кихъ владѣній, во главѣ которыхъ стояли зависимые отъ боярина люди.

Князья и бояре входили между собой въ соглашеніе, въ договоръ о взаимныхъ отношеніяхъ. Мелкіе князья служили крупнымъ, получая взамѣнъ защиту и «кормленіе». Бояре на тѣхъ же основаніяхъ служили князьямъ. Они не считали себя подданными, но только слугами того князя, «подъ рукою» котораго жили. При случаѣ они переходили отъ одного князя къ другому, и это не считалось измѣной. Сами князья въ своихъ договорахъ другъ съ другомъ писали: «а боярамъ межи насъ и слугамъ вольнымъ воля», т. е. «боярамъ и вольнымъ слугамъ предоставляется свобода переходить отъ князя къ князю».

Такой общественный порядокъ во многомъ похожъ былъ на тотъ, который господствовалъ въ то же время въ Западной Европѣ и носилъ названіе феодальнаго.

IV.

Татарское нашествіе.

Въ то время, когда на Руси складывался только что описанный порядокъ, она подверглась страшному разгрому и на цѣлыхъ два столѣтія затѣмъ попала подъ власть дикаго полукочевого народа. Разгромили и покорили ее татары. Откуда и какъ пришли татары въ русскую землю? Родина татаръ лежала далеко отъ предѣловъ тогдашней Руси: въ Забайкальѣ, на притокахъ верхняго Амура и по склонамъ Алтайскихъ горъ, къ сѣверу отъ великой Китайской имперіи. Здѣсь простирались огромныя степи, по которымъ бродили различные кочевые народы тюркскаго племени; среди нихъ нахо-

дились и предки татаръ, завоевавшихъ Русь. Темна и неясна исторія этихъ народовъ, и только по сочиненіямъ китайскихъ историковъ знаемъ мы кое-что, правда, очень немногое, о ихъ судьбѣ. Дикіе и воинственные кочевники не разъ врывались въ предѣлы Китая, разоряли города и деревни, вытаптывали обработанныя поля, избивали и брали въ плѣнъ жителей, грабили сокровища. Китайцы принуждены были постоянно оборонять свою землю отъ хищныхъ набѣговъ монгольскихъ. Для этой цѣли за 200 лѣтъ до Р. Хр. они построили даже вдоль сѣверной своей границы стѣну съ укрѣпленіями, прозванную «великой стѣной», за ея прочность и необъятную длину. За столѣтіе передъ Р. Хр. китайцы рѣшились отъ обороны перейти въ наступленіе и въ 76 г. до Р. Хр. нанесли кочевникамъ такое страшное пораженіе въ ихъ собственной странѣ, что они отхлынули отъ предѣловъ Китая. Наиболѣе удобный путь лежалъ на западъ и юго-западъ, и монгольскія орды двинулись въ этомъ направленіи. Прошли вѣка, и они показались, наконецъ, въ Европѣ, явившись сюда изъ-за Уральскихъ горъ. Мы уже знаемъ ихъ подъ именемъ гунновъ, аваровъ, угровъ (венгровъ), печенѣговъ, половцевъ. Въ 4 в. по Р. Хр., го-

Рис. 7. Монгольскій воинъ.

воритъ одинъ историкъ, монголы явились въ Европѣ подъ именемъ гунновъ и поразили ужасомъ славянъ и германцевъ. Народное сказаніе приписывало гуннамъ особенное происхожденіе. «Готы (одно изъ германскихъ племенъ) говорили, что они прижиты блуждавшими въ пустынѣ нечистыми духами отъ готскихъ волшебницъ. До такой степени смутилъ европейцевъ безобразный обликъ этихъ сыновъ степи, ихъ дикій образъ жизни, ихъ нравы, ихъ безпощадная лютость» (Грановскій). Еще болѣе страшное впечатлѣніе производили татары своимъ нашествіемъ.

На пространствѣ между Китаемъ и Персіей зародилась и выросла ихъ грозная сила. Отдѣльныя татарскія племена объединялись и вновь распадались и, наконецъ, въ концѣ 12 в. возникло обширное военное государство, во главѣ котораго стоялъ талантливый и умный полководецъ Темучинъ, принявшій затѣмъ имя Чингисъ-хана (Великій ханъ). Онъ разорилъ и покорилъ Китай и овладѣлъ всѣми странами отъ Тихаго океана и до береговъ Каспійскаго моря. Многочисленныя войны выработали изъ татаръ искусныхъ воиновъ, а постоянныя побѣды сдѣлали ихъ гордыми и заносчивыми. Чингисъ-ханъ окружилъ себя рядомъ прекрасныхъ полководцевъ и съ ихъ помощью поддерживалъ цѣлость своего необъятнаго царства. Одинъ изъ такихъ полководцевъ, Субутай пробрался на Кавказъ, произвелъ здѣсь полный разгромъ нѣсколькихъ черкесскихъ племенъ, а отсюда двинулся въ южно-русскія степи, занятыя половцами. Половцы не сумѣли дать отпоръ, потерпѣли страшное пораженіе и, напуганные необузданной силой татарскаго натиска, обратились за помощью къ Мстиславу Удалому, княжившему въ Галичѣ. «Сегодня они одолѣютъ насъ, а завтра васъ»—говорили половецкіе князья,—не лучше

ли вмѣстѣ ударить на врага!» Мстиславъ сообразилъ, что, пожалуй, и правду говорятъ половцы. Были посланы гонцы къ другимъ русскимъ князьямъ съ предложеніемъ общими силами отразить невѣдомаго врага. Южнорусскіе князья устроили въ Кіевѣ съѣздъ и порѣшили весной итти навстрѣчу татарамъ. Но не дружно дѣйствовали князья. Одни не явились, другіе поступали черезъ-чуръ самостоятельно, и вообще въ княжескомъ войскѣ не было порядка, отсутствовалъ единый начальникъ, и вотъ въ такомъ-то состояніи встрѣтились русскіе съ татарами на рѣчкѣ Калкѣ. Произошла битва. Много храбрости и геройства проявили русскіе, но безпорядокъ, царившій въ ихъ рядахъ и неумѣніе князей согласовать свои дѣйствія, не могли содѣйствовать побѣдѣ. Татары на голову разбили соединенныя силы русскихъ и половцевъ и жестоко расправились съ плѣнными князьями и воинами. На этотъ разъ, однако, дѣло ограничилось только битвой на Калкѣ. Татары повернули назадъ и скрылись на востокъ: Субутай не имѣлъ приказа начинать покореніе новой страны и, какъ послушный воинъ, сдѣлавъ свое дѣло, пошелъ обратно.

Прошло 13 лѣтъ. Русскіе уже успокоились и начинали даже забывать о внезапномъ появленіи татаръ. А между тѣмъ готовилось новое и гораздо болѣе страшное бѣдствіе для русской земли, чѣмъ пораженіе на Калкѣ. Въ 1227 г. Чингисъ-ханъ умеръ и передалъ власть великаго хана одному изъ своихъ сыновей, Угедею. Другимъ сыновьямъ онъ роздалъ страны по окраинамъ своего царства, подчинивъ ихъ, однако, верховной власти великаго хана. Страны, лежавшія на сѣверъ и западъ отъ Каспійскаго моря достались малолѣтнему его внуку, Батыю. Въ 1236 г. молодой Батый двинулся въ свой удѣлъ. Не всѣ страны, въ немъ заключавшіяся, были

уже завоеваны. Батыю предстояла еще задача покорить

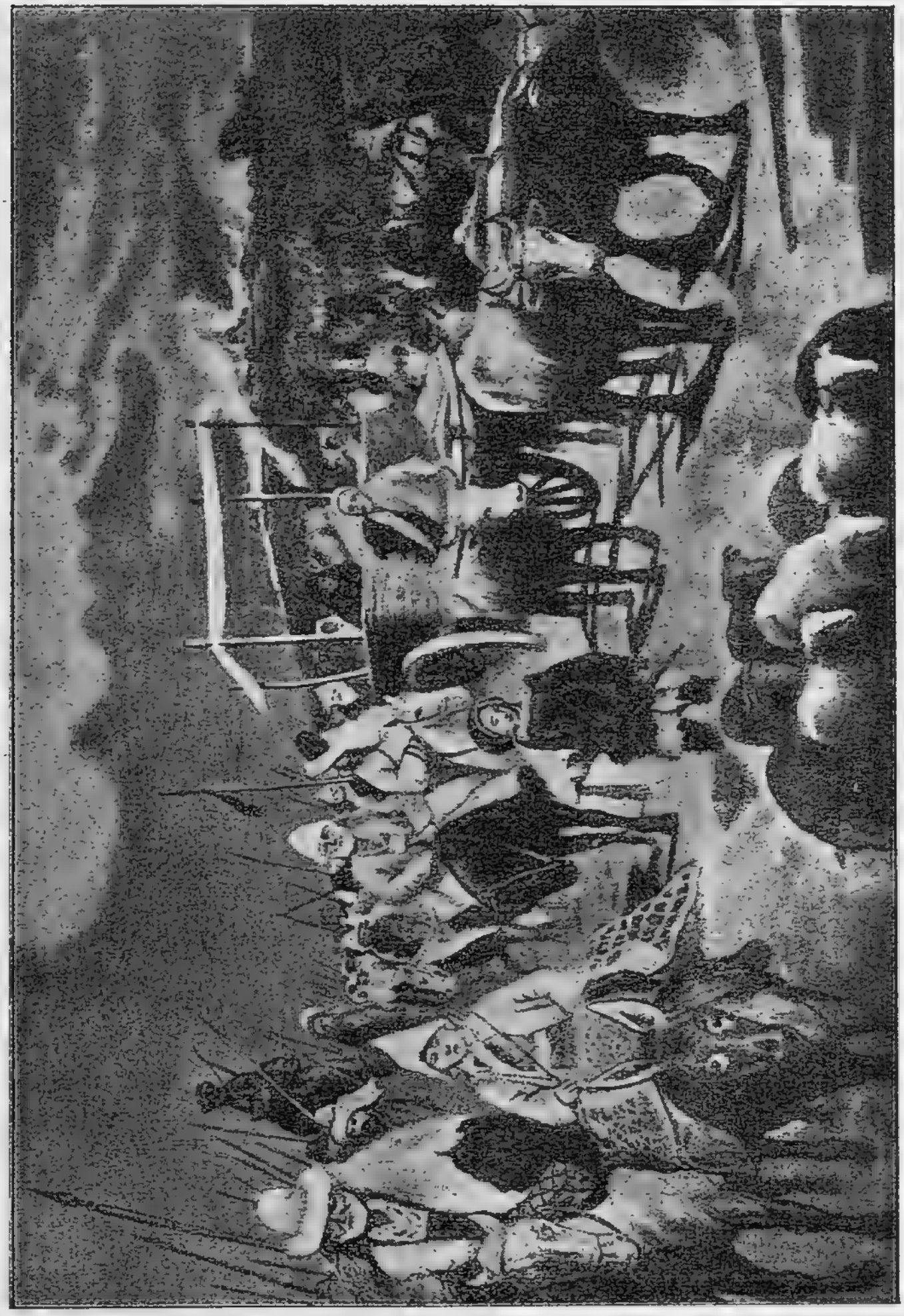


Рис. 8. Передвиженіе орды.

своей власти значительную часть своего удѣла. Однимъ изъ его помощниковъ былъ Субутай, уже знакомый нем-

ного съ новой страной и населявшими ее народами. Татары съ верховьемъ Иртыша черезъ Уральскія степи направились къ Волгѣ. По преданію, ихъ орда состояла изъ болѣе, чѣмъ 300 тысячъ человѣкъ. Но здѣсь были не только воины, но также и ихъ жены и дѣти. Скрипѣли повозки, стучали копытами многочисленныя стада скота, ржали лошади, и медленно, но неуклонно подвигалась татарская орда. Это было настоящее переселеніе на новое мѣсто.

Еще не доходя до русской земли, сильный татарскій отрядъ подъ начальствомъ Субутая разгромилъ Булгарское царство на Волгѣ, между тѣмъ какъ главное войско подъ начальствомъ самого Батыя подвигалось черезъ половецкія и мордовскія земли къ границамъ Рязанскаго, перваго на его пути русскаго княжества. Слухъ о нашествіи татаръ уже разнесся далеко за предѣлами Рязанской земли, но другіе князья и не думали итти на помощь Рязани; до насъ, молъ, не дойдутъ, а если и дойдутъ, такъ не скоро,—успѣемъ еще приготовиться къ встрѣчѣ. Но именно встрѣтить-то новыхъ враговъ князья и не сумѣли. Вступивъ въ русскую землю, Батый тотчасъ же потребовалъ полной покорности и дани. «Платите мнѣ со всего десятину — говорилъ онъ рязанскимъ князьямъ устами своихъ пословъ, — въ князьяхъ и простыхъ людяхъ отдавайте десятаго; десятину съ коней вашихъ бѣлыхъ и вороныхъ, съ бурыхъ и пѣгихъ и со всякаго скота— десятое; десятину же со всякаго богатства». Но князья на отрѣзъ отказались. Тогда татары открыли военныя дѣйствія Предварительно они основательно опустошили все княжество, разорили до тла множество селъ и деревень, взяли нѣсколько небольшихъ городовъ, избили много народу и навели своими звѣрствами такой ужасъ на жителей, что они прятались отъ врага въ лѣсныхъ

трущобахъ. Въ декабрѣ 1237 года татары обложили Рязань. Рязанскій князь Юрій Игоревичъ не успѣлъ собрать достаточно сильное ополченіе, и поэтому городъ продержался недолго—дней шесть; татары разорили его до тла, сожгли церкви, дома, вырѣзали оставшееся въ живыхъ населеніе и ограбили все, представлявшее цѣнность. Князь и его семья тоже погибли. Отъ Рязани Батый двинулся къ стольному городу Владиміру, разгромивъ по дорогѣ Коломну и Москву. Владиміръ былъ подготовленъ къ защитѣ такъ же плохо, какъ и Рязань. Великій князь Юрій Всеволодовичъ (сынъ Всеволода Большое Гнѣздо) совсѣмъ растерялся и ушелъ на сѣверъ своей земли собирать ополченіе. 2-го февраля 1237 г. татары уже окружили Владиміръ, основательно опустошивъ предварительно Суздальскую землю. Владиміръ тоже держался не болѣе шести дней. Его постигла та-же печальная судьба: полный разгромъ города и избіеніе оставшагося въ живыхъ населенія. Покончивъ съ Владиміромъ, Батый двинулся дальше, и въ теченіе февраля успѣлъ разорить около 14 городовъ въ Суздальской землѣ. Юрій между тѣмъ дожидался враговъ на рѣчкѣ Сити (впадаетъ въ Мологу, притокъ Волги). Здѣсь онъ и рѣшилъ дать сраженіе врагамъ; но наскоро собравшееся ополченіе не устояло передъ натискомъ хорошо обученныхъ татарскихъ воиновъ; Юрій былъ разбитъ и самъ палъ въ битвѣ. Отсюда Батый круто повернулъ на юго-западъ, разорилъ Тверь, взялъ послѣ долгой осады Торжокъ и направился на сѣверъ по направленію къ Новгороду, о богатствѣ котораго много наслышался. Но было весеннее время, болотистая мѣстность, обильная рѣками и озерами, страшно затрудняла путь татарскимъ полчищамъ. Снѣгъ быстро таялъ, рѣки и рѣчки разливались, подвигаться впередъ можно было

только съ большимъ трудомъ и опасностью. Батый, не дошедши 100 верстъ до Новгорода, повернулъ назадъ и быстро направился къ югу, западной стороною Суздальской земли, всюду внося опустошеніе и разореніе. На пути 7 недѣль задержала его осада маленькаго черниговскаго города Козельска, жители котораго отчаянно и искусно защищались отъ татаръ. Дойдя до низовьевъ Волги, татары остановились и почти съ годъ отдыхали, оставивъ пока Русь въ покоѣ.

Въ 1239 г. они разгромили Переяславль (южный) и Черниговъ, а зимою 1240 г. тронулись на Кіевъ. Южнорусское населеніе совсѣмъ не подготовилось къ встрѣчѣ грознаго врага, а князья вмѣсто того, чтобы взять на себя защиту городовъ, сочли за лучшее убѣжать за границу,— въ Венгрію и Польшу. Оставленные почти безъ защиты, города одинъ за другимъ попадали въ руки татаръ. Наконецъ, татарское войско подступило къ Кіеву. Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ событіи такъ: «Пришелъ Батый къ Кіеву съ большой силой, со многимъ множествомъ своей силы, и окружила городъ и остолпила сила татарская, и былъ городъ въ великомъ обдержаніи. И былъ Батый у города, и слуги его окружили городъ, и ничего не было слышно отъ скрипа его телѣгъ, отъ рева множества его верблюдовъ и отъ ржанія его конныхъ стадъ, и русская земля была наполонена врагами... И Батый поставилъ у города пороки (стѣнобитныя орудія) послѣ лядскихъ воротъ, потому что здѣсь подошелъ близко лѣсъ; эти пороки, не перестовая, били день и ночь и выбили стѣны, и горожане прошли къ пробитой стѣнѣ и тутъ можно было видѣть копейный бой». Но сила татаръ была велика, и мужество кіевлянъ не спасло города: овладѣвъ стѣной, татары на слѣдующій день овладѣли и всѣмъ городомъ. Скоро «мать городовъ русскихъ» лежала въ развалинахъ.

Это случилась 6 декабря. Батый не остановился въ Кіевѣ,

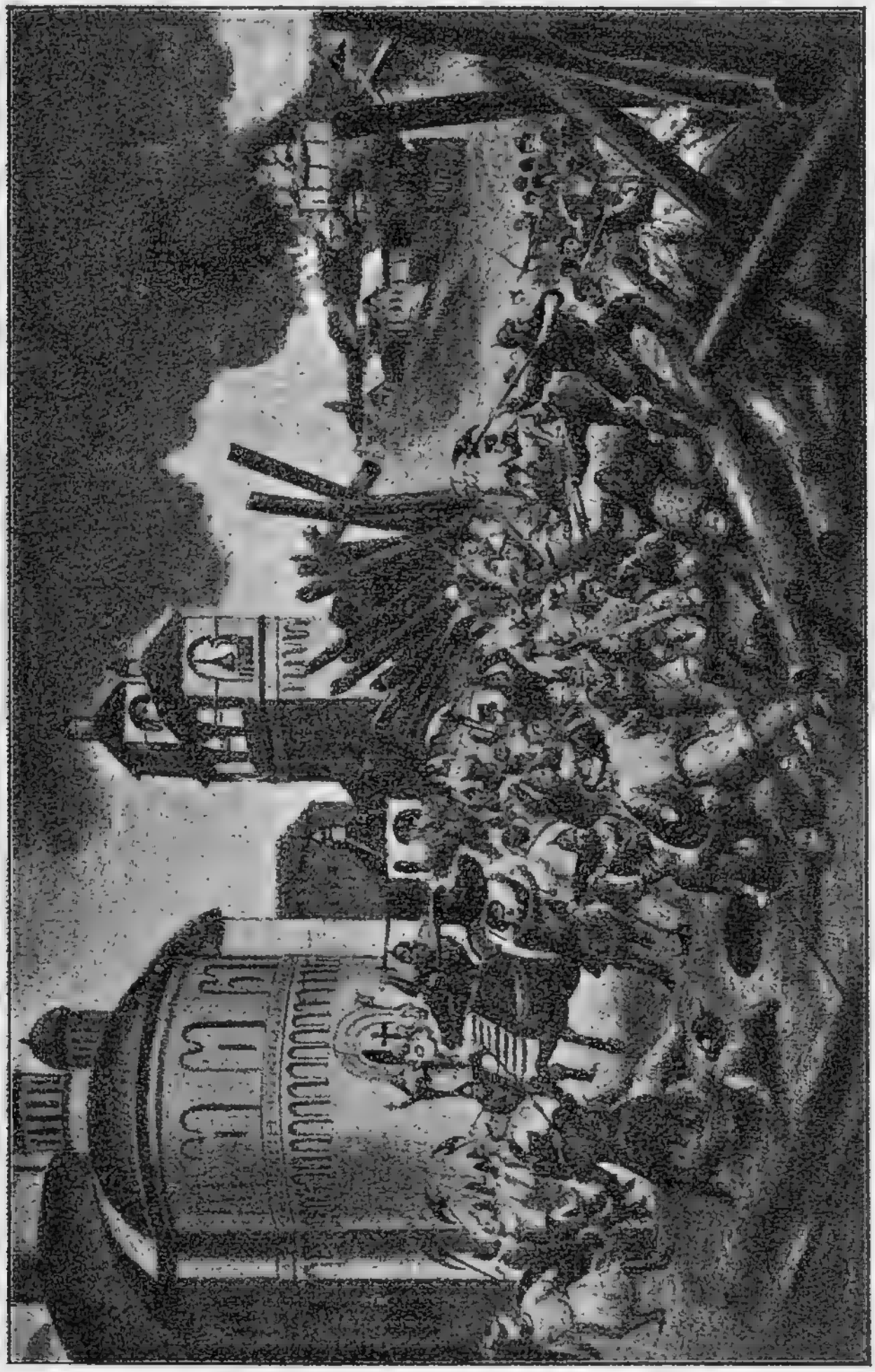


Рис. 9. Защита Десятинной церкви въ Кіевѣ отъ татаръ.

двинулся дальше на западъ и подвергъ опустошенію княжества Волынское и Галицкое. Въ 1241 г. татары вторг-

нулись въ Венгрію и, нанесши нѣсколько страшныхъ пораженій польскимъ князьямъ, грозили разгромить Западную Европу. Однако Чешскому королю удалось раза два разбить Батыя, и татары рѣшили повернуть назадъ. Европейскій западъ былъ спасенъ, но зато почти вся восточная половина Европы, отъ Днѣпра и до Урала на два столѣтія слишкомъ попала подъ иго татаръ.

Въ низовьяхъ Волги возникъ татарскій городъ Сарай, по имени котораго Батыево царство получило названіе Сарайской Орды. Но еще чаще эту орду именовали Золотой. Въ лѣтнее время татары кочевали на широкомъ степномъ просторѣ между Дономъ и Ураломъ, доходя до Кавказскихъ горъ, а зимой собирались въ Сараѣ. Сарай сдѣлался столицей татарскаго Хана.

Что же за народъ были побѣдители и властители Руси? Какъ они жили, каковы были ихъ нравы и обычаи?

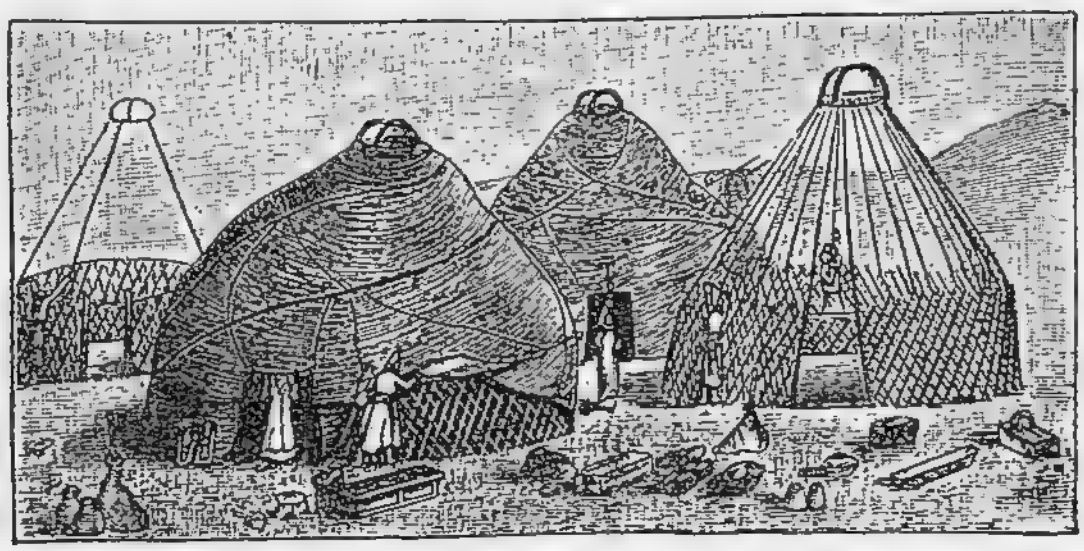
Китайскіе писатели 13 вѣка и папскій посланникъ, посѣтившій Батыя въ Сараѣ, сообщаютъ о татарахъ одно и то же. «Та-дзи или Да (такъ китайцы называли татаръ) исключительно занимаются своими стадами; они переходятъ теперь съ одного пастбища на другое, съ рѣки на рѣку, слѣдовательно кочуютъ и не имѣютъ ни городовъ, ни стѣнъ. Съ дѣтства упражняются въ верховой ѣздѣ и стрѣляютъ изъ лука въ птицъ и крысъ... и пріобрѣтаютъ такимъ образомъ мужество, необходимое для грабежа и войны... Обрядовъ религіи (вѣры) и судебныхъ учрежденій они не имѣютъ. Начиная отъ князя и до послѣдняго простолюдина, всѣ питаются мясомъ убитыхъ животныхъ, которыхъ обдираютъ, и одѣваются въ ихъ шкуры и мѣха... Уваженіе и почести отдаются у нихъ только храбрѣйшимъ; старость и слабость находятся въ презрѣніи». Папскій посолъ, священникъ Плано-Карпини, посѣтившій Батыя въ 1245 г.,

т. е. какъ разъ послѣ разгрома Руси, говоритъ о татарахъ, что «они имѣютъ широкое лицо съ большими скулами, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, рѣдкіе волосы на бородѣ. Они — невысокаго роста и сухи тѣломъ, а лицомъ смуглы и рябоваты... Живутъ они въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ войлокомъ; посрединѣ юрты разводятъ огонь, и дымъ отъ него уходитъ въ отверстіе на верху. Такія юрты татары легко разбираютъ, когда нужно, или и не разобравши возятъ съ собой на телѣгахъ. У нихъ множество скота, верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ и лошадей; ѣдятъ они всякое мясо и жидкую кашу изъ проса,

Рис. 10.

Ханъ Кубилай

Рис. 11.



Татарскія юрты.

хлѣба не знаютъ, ѣдятъ все нечистыми руками, обтирая ихъ о сапоги или о траву, не моютъ ни котловъ, ни одежды, упиваются до нельзя кумысомъ (кобыльимъ молокомъ)». О крайней неопрятности татаръ разсказываетъ

и китайскій историкъ: «Татары имѣютъ обыкновеніе не мыть рукъ и хватаются ими за рыбу и мясо; когда къ рукамъ пристаетъ жиръ, они обтираютъ ихъ о полы кафтана; платье у нихъ не снимается и не моется, покуда не износится». Плано-Карпини писалъ, что большая часть домашнихъ работъ исполнялась у татаръ женщинами, а мущины занимались только охотой и войной. Между собой татары не ссорились, но къ врагу относились крайне жестоко. Своего хана и начальниковъ они слушались безпрекословно. Пріѣзжавшихъ къ нимъ чужеземцевъ ханъ принималъ только тогда, когда они пройдутъ между двухъ огней, что очищаетъ, по ихъ мнѣнію, людей, и исполнятъ нѣкоторые другіе обряды.

Вотъ что замѣчали прежде всего иностранцы, встрѣчаясь съ татарами.

Каково же жилось русскимъ подъ ярмомъ татарской неволи? Въ первые годы послѣ разгрома Русь представляла жалкое зрѣлище: груды развалинъ на мѣстѣ городовъ и деревень, вытоптанныя и поросшія травою поля, по дорогамъ бѣлѣющія кости людей и животныхъ; спрятавшееся въ лѣсахъ населеніе. И лишь мало-по-малу проходилъ первый испугъ, города и деревни вновь возникали изъ развалинъ, хотя и долго еще носили печать разоренія; населеніе постепенно принималось за обычные свои труды. На всѣ завоеванныя земли татары смотрѣли, какъ на доходныя статьи; они не вмѣшивались въ управленіе, не притѣсняли вѣры, не преслѣдовали за обычаи; они требовали только аккуратнаго платежа дани. Русскіе платили десятину со всего, что имѣли; кромѣ того, татары брали еще особую пошлину со всѣхъ промысловъ и требовали подводъ и корма для ханскихъ гонцовъ и служителей. Они устроили почтовыя станціи — ямы (отсюда слово «ямщикъ») — куда въ слу-

чаѣ надобности доставлялись подводы окрестнымъ населеніямъ. Помимо этого русскіе обязаны были посылать хану вспомогательный отрядъ воиновъ, а князья не иначе получали княженіе, какъ по ханской грамотѣ, или ярлыку, за который платили. Дань, или, по татарски, ясакъ, получила названіе «ордынскаго выхода».

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій татары собирали свой ясакъ сами, а потомъ стали поручать его сборъ великимъ князьямъ. Для сбора дани изъ Орды посылались либо особые чиновники съ отрядомъ войска, либо откупщики, обычно бухарскіе и другіе азіатскіе купцы, которыхъ называли баскаками. Баскаки обдирали беззащитное населеніе безжалостно брали не только то, что полагалось, но и то, чего не полагалось. Съ толпой свирѣпыхъ татарскихъ воиновъ баскакъ наѣзжалъ на деревню, требовалъ старосту и приказывалъ приносить немедленно дань. Недоимщиковъ тутъ же жестоко били палкой по пятамъ. Обчистивъ одну деревню, баскакъ такимъ же образомъ обиралъ и другую. Нерѣдко женщины и дѣвушки подвергались насилію. Спасаясь отъ сборщиковъ, крестьяне прятались въ лѣсахъ; но нерѣдко и тамъ находили ихъ татары. Если же гдѣ-нибудь жители осмѣливались проявить ослушаніе или — чего Боже упаси! — сопротивленіе, вскорѣ же являлся туда большой татарскій отрядъ и производилъ полный разгромъ.

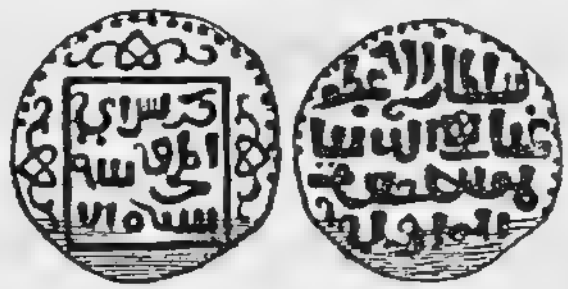


Рис. 12. Татарскія монеты.

Для подсчета населенія татары впервые ввели перепись. Два раза въ 13 вѣкѣ переписывали они населеніе. Было переписано все мужское населеніе, начиная съ десятилѣтняго возраста, и обложено данью. Баскаки

ѣздили, заранѣе зная, сколько полагается получить съ каждой данной мѣстности.

Основавшись въ Сараѣ, Батый потребовалъ отъ русскихъ князей, чтобы они ѣздили къ нему на поклонъ. Первымъ отправился туда братъ погибшаго на Сити великаго князя Юрія, Ярославъ, которому ханъ и далъ великое княженіе. Установился обычай полученія отъ хана ярлыковъ (грамоту) на княженіе. Ярлыкъ доставался не легко. Надо было щедро одарить самого хана, его женъ и приближенныхъ; надо было, кромѣ того, исполнять при дворѣ ханскомъ разные унизительные обычаи, много кланяться, заискивать передъ сильными придворными. Не всѣ князья въ состояніи были выполнять всѣ требованія татаръ и за это платили своею жизнью. Такъ погибъ въ Ордѣ черниговскій князь Михаилъ. Большинство, однако, быстро смирилось и ради своей пользы старались униженіемъ и подарками снискать къ себѣ благоволеніе побѣдителей.

Мы знаемъ уже, какіе нравы господствовали среди удѣльныхъ князей. Жадные и своекорыстные они мало печалились судьбою страны. Какъ только они увидали, что съ ханами можно ладить, то сейчасъ же постарались извлечь для себя пользу изъ новаго положенія вещей. «Князья входили въ дружескія сношенія съ завоевателями, женились на ханскихъ дочеряхъ, служили ханамъ противъ ихъ непріятелей и испрашивали татарской помощи въ своихъ междуусобіяхъ. Въ Ордѣ все можно было купить, иногда отъ всего и откупиться» (Костомаровъ). По смерти великаго князя Ярослава Всеволодовича, перваго ханскаго ставленника, между его сыновьями, Александромъ и Андреемъ, возникъ споръ о томъ, кому владѣть Владиміромъ. Отецъ передалъ этотъ городъ Андрею, но Александръ былъ старше и требовалъ,

чтобы братъ уступилъ ему великокняжескій столъ. И когда Андрей сталъ упорствовать, Александръ расположилъ Орду въ свою пользу, получилъ сильный отрядъ татарскаго войска и, опустошивъ Владимірскую землю, прогналъ брата. Это былъ тотъ самый Александръ, который извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ Невскаго (даннымъ ему за побѣду надъ шведами на Невѣ). Сыновья Невскаго, Дмитрій и Андрей, тоже повздорили послѣ смерти отца изъ-за великокняжескаго стола. Сначала ханъ утвердилъ старшаго Дмитрія, но затѣмъ передумалъ и отдалъ Владиміръ Андрею. Дмитрій вздумалъ было силой защищать свои права, но неудачно: Андрею помогали татары. Два раза опустошили они страшно окрестности Ростова, Торжка и Твери и ограбили Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Переяславль и еще 14 городовъ. Мы увидимъ еще, какъ часто прибѣгали къ татарской помощи князья московскіе.

Страдалъ болѣе всего простой народъ. И страданія его были такъ велики, что онъ благословлялъ тѣхъ князей, которые пользовались своимъ вліяніемъ въ Ордѣ не только затѣмъ, чтобы округлить свои владѣнія, но и затѣмъ, чтобы охранить Русь отъ новыхъ набѣговъ татаръ. Особенную признательность чувствовали къ Александру Невскому, который, сдѣлавшись великимъ княземъ, ладилъ съ татарами и не разъ отклонялъ отъ Руси погромную грозу. Такъ, однажды были перебиты татарскіе сборщики дани въ Ростовѣ, Суздали, Владимірѣ, Ярославлѣ и Переяславлѣ. Этимъ городамъ грозилъ новый разгромъ. Но вступился въ дѣло Невскій, и ему удалось склонить хана не разорять опять страну. Бунтовщиковъ онъ обѣщалъ наказать самъ.

Дольше всѣхъ крѣпился князь Галицкій Даніилъ Романовичъ, правившій тогда Галиціей, Волынью и Кі-

евской землей. Онъ былъ сильнѣе и богаче остальныхъ русскихъ князей и долго не являлся на поклонъ къ хану. Но въ 1250 году и онъ, по требованію Батыя, предсталъ предъ нимъ. Ханъ принялъ съ честью и, отпуская домой, далъ ему ярлыкъ на его княженіе. «Злѣе зла честь татарская,—писалъ по этому поводу лѣтописецъ,—великій князь Даніилъ Романовичъ, владѣвшій русской землей: Кіевомъ, Волынью и Галичемъ, стоитъ на колѣняхъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещетъ, угрозъ страшится!» Правда Даніилъ и послѣ того въ душѣ не смирился и втайнѣ готовился къ освобожденію отъ ига татаръ; но татары зорко слѣдили за нимъ, и мечтамъ его не суждено было сбыться: раздираемая междуусобіями, расколотая на множество отдѣльныхъ владѣній, плохо связанныхъ между собой, Русь не могла сопротивляться сплоченному и сильному врагу.

V.

Собираніе Руси Москвою.

Удѣльный порядокъ возникъ до татарскаго нашествія, но развился и принялъ опредѣленный видъ при господствѣ татаръ. Однако, уже въ 14 вѣкѣ становится замѣтнымъ ростъ того удѣльнаго княжества, которое впослѣдствіи овладѣло всей Русью и положило конецъ ея раздробленности. Это было удѣльное Московское княжество.

Мы уже знаемъ, что впервые о Москвѣ упоминается въ 1147 г., но возникла она немного раньше. Небольшой городишко, на границѣ Суздальской земли, въ малонаселенной тогда мѣстности не привлекалъ вниманія князей. Московскій удѣлъ считался бѣднымъ и доставался самымъ младшимъ сыновьямъ великаго князя. Въ послѣд-

ней четверти 13-го вѣка Москва попала въ руки младшему сыну Александра Невскаго, Данилѣ Александровичу, который и сдѣлался родоначальникомъ Московскихъ князей. Даніилу нечего было разсчитывать на то, что онъ станетъ когда-нибудь великимъ княземъ владимірскимъ. Поэтому онъ направилъ всѣ свои заботы на благоустройство и расширеніе своего удѣла. Счастье улыбнулось ему и его сыновьямъ: Москва оказалась такъ хорошо расположенной, что незначительный и бѣдный вначалѣ Московскій удѣлъ росъ и богатѣлъ съ каждымъ десятилѣтіемъ.

Московская земля была прикрыта отъ внѣшнихъ враговъ, безпокоившихъ тогда Русь, другими княжествами: отъ Литвы Смоленскимъ, отъ татаръ—Владимірскимъ и Рязанскимъ. Жить здѣсь было гораздо безопаснѣе, поэтому населеніе Московской земли быстро возростало; а чѣмъ больше оно росло, тѣмъ богаче становилась княжеская казна. Обогащался князь и другимъ способомъ. По Московскому княжеству протекала многоводная тогда рѣка Москва, притокъ Оки; она соединяла Новгородскій край съ Суздальской землей, служила наиболѣе удобнымъ путемъ съ Оки въ Новгородъ и на Днѣпръ. А Новгородъ издавна славился своей торговлей, и новгородскіе купцы построили даже на перевалѣ изъ верхней Волги въ Москву-рѣку городъ Волоколамскъ. Самое его названіе свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь волокли суда по сушѣ изъ Волги въ Москву-рѣку, и обратно. Проѣзжая мимо Москвы, купцы платили князю пошлину, которая обогощала его казну.

Сыновья Данилы, Юрій и Иванъ, княжившіе въ Москвѣ одинъ послѣ другого, не менѣе усердно хлопотали объ устроеніи и расширеніи своего удѣла. Особенно много хозяйственной сообразительности и изворотливости обнаружилъ Иванъ, прозванный современниками за его

скопидомство Калитой (что значитъ кошель, денежный мѣшокъ). Всюду, гдѣ только можно, покупалъ онъ деревни, села, угодья, даже цѣлые города (Бѣлозерскъ, Галичъ, Угличъ). Бѣднѣвшіе отъ татарскихъ погромовъ и междукняжескихъ потасовокъ удѣльные властители и бояре охотно продавали московскому князю по частямъ и цѣликомъ свои земли. Чтобы заселить свои владѣнія, Калита отовсюду сманивалъ къ себѣ людей и давалъ имъ большія льготы, помогая устроиться на новомъ мѣстѣ; съ этой же цѣлью выкупалъ онъ даже русскихъ плѣнниковъ въ Ордѣ. Не брезговалъ онъ и прямымъ захватомъ чужой земли, когда подвертывался удобный случай. Такъ росло и крѣпло Московское княжество.

Преемники Ивана Калиты дѣйствовали въ томъ же направленіи.

Лестью, угодливостью и богатыми приношеніями хану, его женамъ и вліятельнымъ лицамъ при ханскомъ дворѣ, московскіе князья сумѣли заручиться благорасположеніемъ татаръ. И татарская помощь очень имъ пригодилась, когда они заявили желаніе занять великокняжескій владимірскій столъ. Въ лицѣ тверскихъ князей передъ ними оказались могущественные соперники. Тверское княжество было въ то время обширнѣе, богаче и сильнѣе Московскаго, и тверской князь имѣлъ званіе великаго.

Послѣ смерти великаго князя владимірскаго Андрея (сына Александра Невскаго) владимірскій столъ переходилъ по старшинству къ Михаилу Тверскому. Однако Юрій Даниловичъ заявилъ, что и онъ имѣетъ не меньшія права на Владиміръ. Онъ былъ не правъ, но видно чувствовалъ за собой силу, если вздумалъ тягаться съ тверскимъ княземъ. Рѣшеніе спора зависѣло отъ хана. Михаилъ и Юрій съ богатыми подарками отправились

въ Орду. «Если дашь больше Михаила тверского, — сказали въ Ордѣ Юрію, — и мы тебѣ великое княженіе дадимъ». Но Михаилъ далъ больше, и Владиміръ ускользнулъ изъ рукъ Юрія. Но онъ не отказался отъ своей затѣи. У тверскихъ князей уже давно были непріязненныя отношенія съ Новгородомъ, и какъ разъ теперь они особенно обострились. Юрій сталъ на сторону Новгорода и доставилъ большія непріятности Твери. Въ то же время онъ гдѣ силой, а гдѣ хитростью расширялъ свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ удѣловъ. Между тѣмъ старый ханъ умеръ, его мѣсто занялъ новый, Узбекъ. Михаилъ поторопился въ Орду подкрѣпить свой ярлыкъ и кстати пожаловаться на Юрія. Московскаго князя вызвали къ отвѣту. Но ловкій и хитрый Юрій сумѣлъ склонить и хана, и его приближенныхъ въ свою пользу. Онъ даже женился на сестрѣ Узбека, Кончакѣ. Михаила онъ такъ очернилъ, что ханъ отправилъ одного изъ своихъ приближенныхъ вмѣстѣ съ Юріемъ для разбора его тяжбы съ тверскимъ княземъ. Пользуясь поддержкой хана, Юрій собралъ войско и напалъ на Михаила, но былъ разбитъ, а Кончака попала въ плѣнъ и въ плѣну неожиданно умерла. Юрій поспѣшилъ воспользоваться смертью жены и обвинилъ Михаила въ отравленіи Кончаки. Разгнѣванный Узбекъ потребовалъ Михаила къ отвѣту. При живѣйшемъ содѣйствіи Юрія, тверской князь былъ признанъ виновнымъ и звѣрски убитъ. Наконецъ-то желаніе Юрія сбылось, и онъ возвратился въ Москву великимъ княземъ. Но вскорѣ у него возникаетъ ссора съ сыномъ покойнаго тверского князя, Дмитріемъ Грозныя очи, и онъ отправился въ Орду жаловаться на него хану. Дмитрій тоже поѣхалъ туда и при первой же встрѣчѣ съ виновникомъ мученической смерти отца вспылилъ и убилъ Юрія. И хотя Узбекъ

велѣлъ казнить Дмитрія, однако далъ ярлыкъ на великое княженіе его брату Александру.

Тяжелой цѣной купилъ тверской князь это почетное званіе: населеніе Тверской земли было обложено двойною татарскою данью. Измученные непосильными поборами, тверичи не выдержали и однажды возстали и перебили татарскихъ сборщиковъ. Этого только, казалось, и ждалъ преемникъ Юрія въ Москвѣ, уже извѣстный намъ Иванъ Калита. Онъ поспѣшилъ въ Орду и предложилъ хану свои услуги для наказанія мятежниковъ. Ханъ далъ ему сильное татарское войско и потребовалъ отъ многихъ удѣльныхъ князей, чтобы они присоединили свои ополченія къ войску Ивана Калиты. Московская рать и татары такъ сильно опустошили Тверскую землю, что надолго сдѣлали ее почти безлюдной. Въ награду за хорошо исполненное порученіе ханъ возвелъ Ивана въ великокняжеское достоинство, которое съ этихъ поръ такъ и остается за московскими князьями. Возвращаясь домой, татары по пути сильно разгромили Ростовскую, Ярославскую и Рязанскую землю. Осталась нетронутой одна только Московская область.

Итакъ, борьба съ Тверью кончилась усиленіемъ Московскаго княжества. Народъ изъ опустошенныхъ областей толпами устремлялся въ Московскую землю; шли и черные люди, и бояре, одни находили здѣсь болѣе спокойную работу, другіе болѣе прибыльную службу.

Благоволеніе хана къ московскому князю пошло ему и въ другомъ отношеніи въ пользу. Въ Ордѣ возникли безпорядки, русскіе воспользовались этимъ и перестали аккуратно платить дань. Иванъ Калита предложилъ и тутъ свои услуги, и Узбекъ поручилъ ему собирать татарскую дань со многихъ удѣльныхъ князей. Иванъ Калита старался, конечно, не столько ради хана, сколько

ради себя. Хану онъ отсылалъ аккуратно все, что слѣдовало, но у него въ карманѣ оставался изрядный излишекъ, который обогощалъ его и безъ того довольно богатую казну. Узбекъ очень полюбилъ расторопнаго и, какъ ему казалось, всей душей преданнаго ему московскаго князя, и татары не трогали его владѣній. «Тишина установилась въ русской землѣ лѣтъ на сорокъ,— говоритъ объ этомъ времени лѣтописецъ,—и татары перестали воевать ее». Пользуясь своимъ вліяніемъ въ Ордѣ и своей силой, Иванъ Калита притѣснялъ своихъ сосѣдей и, подчиняя ихъ себѣ, урывалъ въ свою собственность кусочки ихъ владѣній.

Въ 1341 г. Калита умеръ, и его сыновья были приняты Узбекомъ очень ласково. Старшему сыну Семеону отданы были «подъ руку», т. е. въ подчиненіе всѣ русскіе князья; онъ первый изъ русскихъ князей сталъ именовать себя «великимъ княземъ всея Руси». Послѣ смерти Семеона Гордаго (такъ звали его современники) въ 1353 г. великимъ княземъ сталъ его братъ Иванъ, котораго ханъ сдѣлалъ судьею надъ всѣми русскими князьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширены были права великаго князя московскаго и по сбору ханской дани.

Такъ подъ покровомъ Орды разрозненная Русь собиралась постепенно вокругъ Москвы. И огромное большинство населенія сочувственно относилось къ ея усиленію. Раздоры князей разоряли народъ, и онъ ничего худого не видѣлъ въ томъ, что одинъ изъ нихъ подчиняетъ себѣ всѣхъ прочихъ. А помимо того, нигдѣ не жилось такъ спокойно, какъ въ Московской землѣ, «подъ рукою» московскаго князя. Духовенство тоже всячески поддерживало усиленіе Москвы: монастырямъ и архіереямъ выгоднѣе было имѣть дѣло съ однимъ княземъ, чѣмъ быть въ зависимости отъ многихъ, и они начали тянуть

въ сторону Москвы. Въ 1299 г. митрополитъ кіевскій Максимъ переѣхалъ во Владиміръ-на-Клязьмѣ, а его преемникъ,, митрополитъ Петръ, другъ Калиты, перебрался въ Москву, гдѣ жить было и безопаснѣе, и привольнѣе. Такъ Москва стала церковной столицей Руси. Здѣсь возникъ богатый митрополичій дворъ и сюда стали стекаться обширныя церковныя богатства. Въ сознаніи вѣрующаго народа московскій князь сталъ подъ защиту высшаго пастыря русской церкви.

Въ княженіе сына Ивана II, Дмитрія Донского, Русь впервые осмѣлилась поднять руку на своихъ паработителей, татаръ. И это стало возможнымъ только благодаря усиленію Московскаго княжества. Какъ разъ въ то время, когда на Руси усиливалось это княжество и подчиняло себѣ другія, уничтожая, такимъ образомъ, удѣльную неурядицу, въ Ордѣ происходили безпорядки, и отдѣльные татарскіе князья боролись другъ съ другомъ за обладаніемъ ханскимъ столомъ. Эта междуусобная борьба, конечно, ослабляла Орду, и нѣкоторое время Дмитрій прекратилъ даже взносъ дани и вообще уменьшилъ ея размѣры. Зато на татарской границѣ стало безпокойнѣе, отдѣльные татарскіе князья то и дѣло врывались въ русскую землю, и хотя всюду встрѣчали отпоръ, но нерѣдко раззоряли много деревень и городовъ. Однажды Дмитрій разбилъ сильное татарское войско на берегахъ рѣки Вожи (притокъ Оки) въ Рязанской землѣ. Это пораженіе страшно разсердило хана Мамая, только что утвердившагося въ Ордѣ, и онъ рѣшилъ напомнить Руси времена Батыя. Огромная татарская рать двинулась на Русь. Дмитрій тоже собралъ ополченіе въ 150 тысячъ человѣкъ, и 8 сентября 1380 г. два огромныхъ враждебныхъ войска встрѣтились на Куликовомъ полѣ при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ. Произошла оже-

сточенная битва, и татары на голову были разбиты.

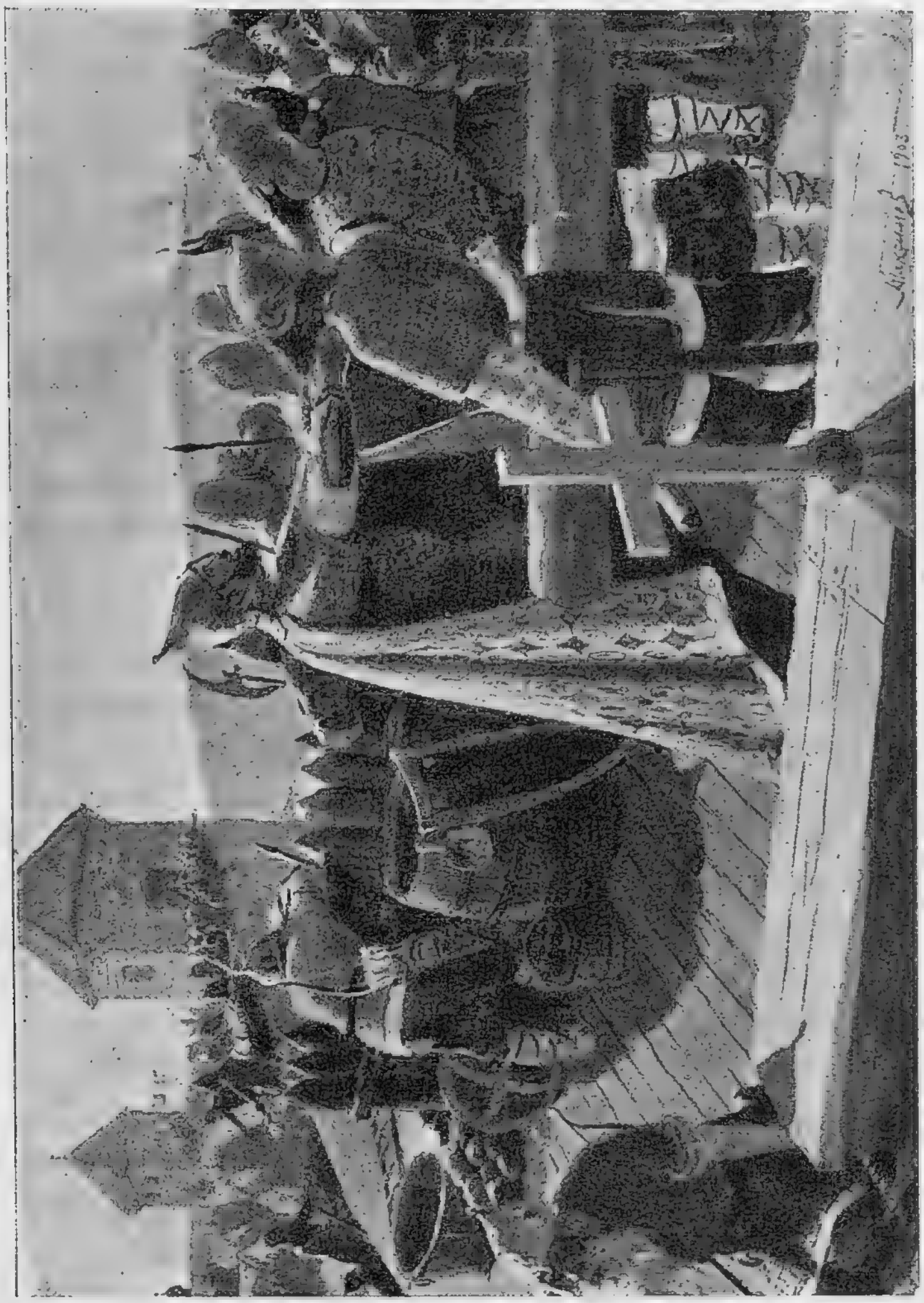


Рис. 13 Татары идутъ!

Здѣсь впервые русскіе убѣдились, что они могутъ бо-

роться съ татарской силой. Послѣ этой побѣды значеніе и вліяніе московскаго князя выросло еще больше.

Однако, Куликовская побѣда еще не избавила Русь отъ татаръ. Изъ глубинъ Азіи явился новый ханъ Тохтамышъ съ свѣжими татарскими силами; онъ свергнулъ Мамая и въ 1382 г. вторгнулся въ Московскую землю и страшно ее опустошилъ, но Москву, обнесенную крѣпкими каменными стѣнами взять силой не могъ; онъ взялъ ее обманомъ и ограбилъ. Дмитрій еще до появленія Тохтамыша бѣжалъ въ сѣверныя части своихъ владѣній и вернулся, когда татары ушли. Не желая еще разъ подвергнуться разгрому, онъ счелъ за лучшее принести хану покорность и вновь призналъ себя ханскимъ данникомъ. Только сто лѣтъ спустя раздѣлалась Русь окончательно съ татарскимъ владычествомъ.

Среди московскихъ князей установился обычай, въ силу котораго великій князь, умирая, завѣщалъ старшему своему сыну бо́льшую часть владѣній, чѣмъ младшимъ. Такъ, старшій изъ пяти сыновей Дмитрія Донского получилъ одну треть, а остальные четверо двѣ трети московскихъ земель, т. е. вдвое меньше, чѣмъ старшій. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ доля старшаго все возрастала и въ началѣ 16 вѣка дошла до трехъ четвертей всего княжества. Вмѣстѣ съ этимъ росла, конечно, и его власть. Такой порядокъ наслѣдованія препятствовалъ Московскому княжеству распасться на рядъ мелкихъ удѣловъ.

Ростъ силы и значенія московскихъ великихъ князей постепенно измѣнялъ положеніе удѣльныхъ князей и бояръ. Князья обыкновенно договаривались между собою о своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и свои права и обязанности по отношенію другъ къ другу записывали въ особыхъ грамотахъ, большее число которыхъ сохранилось до нашего времени. Входилъ въ договоры съ другими

князьями и московскій князь. Чѣмъ больше росла власть этого послѣдняго, тѣмъ больше стѣснялась по договорамъ власть удѣльныхъ князей. Московскіе князья требуютъ отъ нихъ обязательной военной службы: «сядетъ великій князь на коня (т. е. соберется въ походъ), то и удѣльнымъ садиться на коней; когда самъ онъ не пойдетъ, а ихъ пошлетъ, то имъ идти безъ ослушанія»; такъ пишется въ договорной грамотѣ. Они требуютъ, далѣе отъ удѣльныхъ князей быть всегда въ союзѣ съ Москвой: «кто великому князю другъ, тотъ и удѣльному другъ, а кто врагъ великому князю, тотъ и удѣльному врагъ.» Удѣльные князья, сверхъ того, обязываются не сноситься съ Ордой помимо великаго князя и не вносить самимъ туда дани: «Орды не знати», читаемъ мы въ договорахъ. Такъ, все болѣе и болѣе подчинялись удѣльные князья князю московскому. Начиная съ Дмитрія Донского московскіе удѣльные князья обязуются служить не только старшему своему брату, но и его сыновьямъ, а также не домогаться ихъ московской отчины и великаго княженія Владимірскаго.

Бояре тоже стѣсняются въ своемъ правѣ переѣзда отъ князя къ князю, попадая, такимъ образомъ, въ болѣе тѣсную зависимость отъ великаго князя московскаго. Въ это время въ Москвѣ жили бояре со всѣхъ концовъ Руси. Получая отъ князя большія помѣстья, они стали усердными его помощниками и много содѣйствовали усиленію Москвы. Имъ выгодно было поддерживать первенство московскаго князя и они противились переходу великокняжескаго стола во Владимірѣ въ другія руки. Такъ, послѣ смерти Ивана Ивановича суздальскій князь попытался было овладѣть Владиміромъ, но безуспѣшно: московскіе бояре, правившіе Москвой за малолѣтствомъ князя Дмитрія Ивановича, собрали большое и сильное опол-

ченіе и заняли Владиміръ, а затѣмъ осадили Суздаль и заставили его князя отказаться отъ своихъ притязаній на велико-княжескій столъ. Не даромъ, умирая, Дмитрій Донской просилъ своихъ дѣтей любить и жаловать своихъ бояръ и слушать ихъ совѣтовъ. Но въ то же время «отъѣзды» бояръ вызывали въ московскомъ князѣ все большее и большее неудовольствіе. Онъ сталъ приравнивать даже этотъ поступокъ къ измѣнѣ.

Послѣ Дмитрія Донского московское княжество продолжало неудержимо рости. Его сынъ и преемникъ, Василій Дмитріевичъ, или Василій I (съ 1389 по 1426 г.), присоединилъ къ Москвѣ покупками и силой Нижній-Новгородъ, Суздаль, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. При немъ Руси грозило новое нашествіе монголовъ, не менѣе опустошительное, чѣмъ нашествіе Батыя. Ханъ Тохтамышъ не поладилъ съ своимъ верховнымъ повелителемъ Тимуромъ, или Тамерланомъ, который и явился изъ Азіи съ огромнымъ войскомъ, чтобы наказать своего непокорнаго слугу. Тохтамышъ былъ разбитъ, и Тимуръ, преслѣдуя его, вступилъ въ предѣлы Руси. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это вторженіе, если бы Тимуръ вдругъ не повернулъ назадъ и не ушелъ въ средне-азіатскія степи (1395 г.). Лѣтъ 12 спустя новый ханъ Золотой Орды, Эдигей, тоже напомнилъ Руси о татарахъ. Неожиданно явился онъ подъ стѣнами Москвы (въ 1408 г.) и осадилъ ее, но взять не могъ и, ограничившись опустошеніемъ окрестностей и взятіемъ выкупа въ 300 тысячъ рублей на наши деньги, ушелъ обратно. Василій I, воспользовавшись неурядицами въ Ордѣ, пересталъ платить дань, и она цѣликомъ поступала въ его казну. Даже нашествіе Эдигея не заставило его дѣйствовать иначе. Такъ выросла сила московскаго князя. Сила эта росла одновременно съ обезсиленіемъ Орды.

Какъ велика стала сила московскаго великаго князя при Дмитріи Донскомъ, видно изъ его успѣшной борьбы съ княземъ Михаиломъ тверскимъ. Михаилу удалось получить отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, но Дмитрій рѣшительно заявилъ ханскому послу: «Михаила въ княженіе Владимірское не пущу.» Правда, вскорѣ же послѣ того онъ поѣхалъ въ Орду и щедрыми подарками расположилъ въ свою пользу хана и его приближенныхъ. Михаилъ тверской призвалъ на помощь литовцевъ, которые два раза жестоко опустошили Московскую область, но, наконецъ, въ третій разъ были разбиты и перестали поддерживать тверского князя. Михаилъ долженъ былъ уступить и заключить миръ «по всей волѣ» московскаго князя. Одновременно воевода Дмитрія Волынскій-Боброкъ совершилъ походъ въ Рязанскую землю и нанесъ жестокое пораженіе князю рязанскому, который сильно безпокоилъ Москву. Ни одинъ князь того времени не могъ бы сразу вести двѣ войны на двухъ противоположныхъ границахъ своего княжества. Только московскому было это подъ силу.

Но по мѣрѣ того, какъ Русь, объединяемая Москвой, переставала бояться татаръ, съ запада ей начиналъ угрожать новый врагъ въ лицѣ сильнаго Литовскаго государства. Литовскій князь овладѣлъ древнимъ Полоцкимъ княжествомъ и нѣкоторыми русскими областями по Днѣпру и Припети, угрожалъ Пскову, а при Василіи I захватилъ Смоленскъ и придвинулъ свою границу до рѣки Угры (притокъ Оки). Однако, Василій считалъ болѣе подходящимъ дружить съ Литвой, чѣмъ вступать съ ней въ открытую борьбу. Онъ даже женился на дочери литовскаго князя Витовта, Софьѣ. Серьезная борьба съ Литвою досталась преемникамъ Василія I.

При малолѣтнемъ сынѣ Василія, Василіи Василье-

вичѣ, котораго отецъ благословилъ на великое княженіе, въ Москвѣ впервые вспыхнула усобица. Дядя его, князь Юрій Галицкій, задумалъ самъ воспользоваться, по праву старшинства, великимъ княженіемъ и Москвой. Его поддержали нѣкоторые бояре, перешедшіе къ нему отъ Василія II, который ихъ чѣмъ-то обидѣлъ. При ихъ помощи Юрій захватилъ Москву, а Василія посадилъ въ Коломнѣ. До 1434 года сидѣлъ Юрій въ Москвѣ, гдѣ и умеръ великимъ княземъ. Теперь возникъ вопросъ, кому долженъ перейти великокняжескій столъ: Василію Васильевичу, или сыну Юрія, Василію Юрьевичу. Большинство князей, въ томъ числѣ даже родной братъ Василія Юрьевича, Дмитрій Шемяка, и все духовенство стояли за Василія Васильевича. Но споръ рѣшило оружіе: сынъ Юрія былъ разбитъ, захваченъ въ плѣнъ и ослѣпленъ, почему и получилъ прозвище Косого. Раздѣлавшись съ Василіемъ Косымъ, Василій II не могъ, однако, считать свое положеніе прочнымъ: противъ него втайнѣ точили зубы Дмитрій Шемяка и его друзья, князья верейскій и можайскій.

Въ Ордѣ въ это время происходила взаимная борьба князей и князьковъ. Одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ Золотой Орды, захватилъ обширную мѣстность близь Нижняго Новгорода и положилъ начало особому татарскому государству, которое впослѣдствіи получило названіе Казанскаго царства. Василій вздумалъ было выгнать татаръ отсюда, но потерпѣлъ пораженіе и самъ попалъ въ плѣнъ (1445 г.). Тяжкимъ выкупомъ получивъ свободу, Василій Васильевичъ вернулся въ Москву въ сопровожденіи многихъ татарскихъ князей, которымъ сталъ раздавать города и помѣстья «на кормленіе». Это вызвало всеобщее неудовольствіе, которымъ и воспользовался Шемяка. Онъ врасплохъ захватилъ Василія, посадилъ его въ тюрьму

и велѣлъ ослѣпить (отсюда кличка Василій—Темный). Послѣ того онъ поселилъ его въ Угличѣ, а самъ сталъ великимъ княземъ. Но тутъ онъ встрѣтилъ сопротивленіе сначала со стороны духовенства, къ которому присоединились затѣмъ многіе удѣльные князья и бояре. Къ роду Ивана Калиты уже привыкли и не захотѣли заводить новыхъ порядковъ во владѣніи великимъ княжествомъ; къ тому же боялись возобновленія старинныхъ княжескихъ усобицъ, раздиравшихъ Русь на части. Василій Темный, при дружной поддержкѣ своихъ многочисленныхъ сторонниковъ, выгналъ Шемяку изъ Москвы и возстановилъ свои права. Но еще года три продолжалась борьба съ Шемякой, котораго поддерживали нѣкоторые удѣльные князья и вольный городъ Новгородъ. Въ 1450 г. Шемяка потерпѣлъ окончательное пораженіе, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ три года спустя и умеръ. Василій Темный отобралъ у союзниковъ Шемяки ихъ удѣлы и взялъ съ Новгорода огромную дань. Эта была послѣдняя попытка удѣльныхъ князей пріостановить ростъ Москвы.

Между тѣмъ вдалекѣ отъ Москвы происходили событія, которыя неожиданнымъ образомъ еще сильнѣе укрѣпили власть князя московскаго. Чингисъ-Ханъ, внукъ котораго Батый завоевалъ Русь, сдвинулъ, между прочимъ, съ мѣста кочевыя племена турокъ. Изъ Туркестана (въ Азіи), гдѣ они сперва жили, турки перешли въ Малую Азію, приняли магометанскую вѣру, многому научились отъ арабовъ и образовали сильное военное государство. Захвативъ всю Малую Азію, турки неоднократно пытались пробраться въ Европу, прежде всего въ Византію. Во второй половинѣ XIV в. одинъ изъ греческихъ князей, желая завладѣть императорской короной, призвалъ на помощь турокъ и впустилъ ихъ въ Грецію, куда они раньше не могли проникнуть. Турки восполь-

зовались этимъ и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ завоевали большую часть Балканскаго полуострова; сербы и болгары потеряли свою самостоятельность, а въ 1430 году отъ прежней Греціи оставался только Константинополь и его окрестности. Еще нѣсколько лѣтъ, и отъ великаго когда-то государства осталось одно лишь воспоминаніе.

Ища помощи, константинопольскій императоръ обратился къ римскому папѣ съ просьбой устроить Крестовый походъ на невѣрныхъ. Папа согласился, но съ условіемъ, если восточная православная церковь признаетъ власть римскаго архіепископа. Для переговоровъ въ итальянскомъ городѣ Флоренціи устроили церковный соборъ, куда поѣхали и греческіе архіереи. Константинопольскій патріархъ желалъ привлечь къ соединенію (или къ уніи) съ римской церковью и русское духовенство; для этого онъ сдѣлалъ русскимъ митрополитомъ сторонника уніи, грека Исидора. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Исидоръ отпросился за-границу, куда и поѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ архіереевъ и архимандритовъ. Не одинъ годъ длились споры, но, наконецъ, унія состоялась, и папа объявленъ былъ высшей духовной властью также и въ православныхъ странахъ. Возвратившись въ Москву, Исидоръ послѣ первой же литургіи, на которой онъ объявилъ о состоявшемся соединеніи церквей, былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу. Духовенство обвинило его въ отступленіи отъ православія и осудило унію съ Римомъ, а на греческое духовенство пало подозрѣніе въ измѣнѣ православію. Въ 1447 г. впервые избранъ былъ на соборѣ русскихъ епископовъ русскій митрополитъ, который не поѣхалъ въ Константинополь за утвержденіемъ въ санѣ, какъ это бывало раньше.

Между тѣмъ Крестовый походъ, объявленный папой, не удался, и турки обложили столицу Греціи. Въ 1453

Карта II. Великое княжество Московское въ началѣ 15 вѣка.

году Константинополь палъ, и Греція перестала существовать. Событіе это произвело огромное впечатлѣніе на москвичей. Дѣло въ томъ, что сами греки неоднократно внушали русскимъ мысль, что греческій императоръ есть глава православныхъ. Теперь этого главы не стало. Въ то же время, греческій императоръ, желая получить отъ Василія Темнаго помощь, называлъ его въ письмахъ: «Государь, братъ мой». Но если греки измѣнили православію, если не стало греческаго императора, то единственными представителями православія, думали въ Москвѣ, являются русскіе, а на московскихъ князей переходятъ обязанности императора, т.-е. они становятся верховными защитниками и покровителями православной церкви и вѣры. Такая мысль все сильнѣе и сильнѣе распространялась среди русскаго духовенства послѣ паденія Константинополя. Митрополитъ Іона именовалъ уже Василія Темнаго «великимъ государемъ, царемъ русскимъ, благочестивымъ и благороднымъ великимъ княземъ». Такъ высоко поднялось значеніе когда-то мелкаго и незначительнаго московскаго удѣльнаго князя. Онъ начинаетъ выступать теперь все чаще и чаще, какъ государь «всея Руси».

VI.

Церковь въ Удѣльной Руси.

Устройство русской церкви и положеніе духовенства осталось въ общихъ чертахъ то же самое, что и въ Кіевской Руси. Оно измѣнилось лишь постольку, поскольку измѣнился экономическій и полититическій бытъ удѣльнаго времени. По прежнему во главѣ русской церкви стоялъ митрополитъ, назначавшійся константинопольскимъ патріархомъ. Это былъ, по большей части, грекъ, плохо

понимавшій русскую рѣчь. Но постепенно на митрополичьемъ мѣстѣ стали все чаще и чаще появляться русскіе. Съ половины 15 в. русская церковь окончательно освободилась отъ подчиненія греческой, и митрополитъ сталъ выбираться на соборѣ русскихъ епископовъ. Правда, зависимость отъ патріарха смѣнилась зависимостью отъ великаго князя московскаго. Но мы уже знаемъ, что и вообще епископы всегда находились въ сильной зависимости отъ князей.

Въ серединѣ 13 в. на Руси было 16 епархій, впослѣдствіи число ихъ увеличилось до 18. Епископскій и митрополичій дворъ былъ устроенъ по образцу княжескаго. Владыки имѣли обширныя земельныя владѣнія, со многими селами, деревнями и даже городами. Доходы съ этихъ селеній обогощали ихъ казну. У нихъ были свои бояре, стольники, чашники и проч. чины; своя дружина съ воеводой во главѣ. Владѣнія дѣлились на волости, округа (десятины) и села, во главѣ которыхъ стояли волостели, десятинники и посельскіе. Они собирали владычніе доходы, творили судъ и расправу надъ подчиненными имъ людьми. Словомъ передъ нами тотъ же княжескій удѣлъ или боярская вотчина, только съ духовнымъ владѣльцемъ во главѣ.

Татары очень терпимо относились къ духовенству. Они уважали всякую вѣру и не обижали ея представителей, духовныхъ лицъ. Но, чтобы обезпечить себя отъ баскаковъ и неожиданныхъ татарскихъ наѣздовъ, епископы заручались особыми ханскими ярлыками, въ которыхъ точно перечислялись права духовенства. Права эти были велики. Прежде всего ханы строго запрещали татарамъ нападать на вѣру русскихъ: «а кто вѣру ихъ похулитъ,— говорится въ одномъ ярлыкѣ,—или ругается, тотъ ничѣмъ не оправдывается и умретъ злою смертію;—

или что въ законѣ ихъ—иконы и книги или иное что, почему Бога молятъ, того да не емлютъ, не издерутъ, не испортятъ.» Духовенство освобождалось отъ дани въ Орду: «не надобѣ съ нихъ дань и шамга (пошлина съ товаровъ) и поплужное; ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ, не надобѣ съ нихъ никакихъ пошлинъ...., а кто возьметъ—баскаки наши, княжіи писцы, поплужники, таможники—тотъ не оправдается и смертію да умретъ». Церковное имущество и церковные люди объявлялись неприкосновенными: «церковныя земли, воды, огороды, виноградники, мельницы, зимовища, лѣтовища, да не трогаютъ ихъ, а что будетъ взяли, то отдадутъ безпосульно; а что церковные люди: маскира, сокольники, пардусники (звѣроловы) или и слуги работники и кто не будетъ ихъ люди, тѣхъ не трогаютъ ни на что,—ни на работу, ни на сторожу.» Такимъ образомъ, церковное землевладѣніе менѣе пострадало отъ татаръ, чѣмъ княжеское и боярское

Выборъ священниковъ производился самими прихожанами. Архіереи только утверждали ихъ. Такъ гласили церковныя правила; на дѣлѣ же было иначе. Большинство церквей были сельскія; прихожане—крестьяне и бояре. Но первые находились въ зависимости отъ вторыхъ, поэтому дѣйствительными выборщиками священниковъ были бояре. Нерѣдко они добивались отъ епископа утвержденія въ священническомъ чинѣ своихъ холоповъ; черезъ нихъ они увеличивали свои доходы. Утверждая діакона или священника въ чинѣ, архіерей бралъ за это деньги, особую плату, и нерѣдки бывали случаи, когда утверждался тотъ, кто давалъ больше. Зло это (въ Западной Европѣ оно носило названіе симоніи, торговли церковными должностями) такъ усилилось, что на церковномъ соборѣ во Владимірѣ (1274 г.) постановили, чтобы плата за посвященіе не превышала семи гривенъ.

Положеніе священника, поставленнаго землевладѣльцемъ, было незавиднымъ; онъ не могъ и думать о свободномъ служеніи своему долгу; напротивъ, вся его дѣятельность находилась подъ присмотромъ его господина. Но не были свободными и высшіе чины церкви, архіереи и митрополиты. Вотъ какъ, напр., дѣйствовалъ Дмитрій Донской. При немъ умеръ уважаемый имъ митрополитъ Алексѣй; константинопольскій патріархъ назначилъ на его мѣсто епископа Галицкаго (въ южной Руси) Кипріана, но Дмитрій не принялъ его, а самовольно поставилъ Митяя. Митяй началъ править безъ посвященія, но затѣмъ отправился въ Константинополь; по дорогѣ онъ умеръ и нѣкто Пименъ, бывшій въ его свитѣ, заявилъ патріарху, что князь велѣлъ посвятить его, Пимена. Патріархъ такъ и сдѣлалъ, но Дмитрій не принялъ его и призналъ митрополитомъ Кипріана. Однако вскорѣ князь разсердился на владыку за то, что тотъ уѣхалъ въ Тверь во время нашествія Тохтамыша, прогналъ его и призвалъ Пимена. Понятно, что епископы и митрополиты чутко прислушивались къ волѣ великихъ князей и дѣйствовали сообразно ихъ указаніямъ. Въ Москвѣ интересы митрополита и князя надолго сливаются вмѣстѣ, но митрополитъ употребляетъ свою власть гораздо чаще въ интересахъ князя, чѣмъ князь свою власть въ интересахъ митрополита. Во время борьбы Калиты съ Тверью, князь тверской Александръ бѣжалъ въ Псковъ, думая найти тамъ защиту и убѣжище. Но, по настоянію Ивана Калиты, митрополитъ Петръ велѣлъ запереть во Псковѣ всѣ церкви, и Александръ ушелъ въ Литву. Такая же исторія случилась при Димитріи Донскомъ. Суздальскіе князья Борисъ и Димитрій боролись изъ-за обладанія Нижнимъ-Новгородомъ. Московскій князь взялъ сторону Димитрія, а митрополитъ Алексѣй приказалъ закрыть въ Нижнемъ церк-

ви и прекратить богослуженія и церковныя требы, пока тамъ находится Борисъ. Въ виду народнаго волненія тому пришлось смириться.

Когда стало возвышаться Московское княжество и постепенно вбирать въ себя другіе удѣлы, духовенство стало на сторону московскаго князя. Духовенство дѣйствовало не по врожденной любви къ единовластію, а въ силу своихъ имущественныхъ выгодъ. Церковныя и монастырскія земли были разсѣяны по разнымъ удѣламъ. Всякая война между удѣльными князьями отражалась и на этихъ земляхъ; бывали случаи, когда онѣ совсѣмъ ускользали изъ рукъ духовныхъ владѣльцевъ. Удѣльный князь прижималъ архіерея и монастырскаго игумена гораздо сильнѣе, нежели великій, чаще требовалъ помощи и чаще производилъ поборы. Въ войнѣ между двумя удѣльными князьями, во владѣніяхъ которыхъ находились земли какого-нибудь монастыря или владыки, эти послѣдніе часто не знали на чью сторону стать, кому помогать; уклониться отъ участія въ борьбѣ было нельзя, а принять участіе опасно. Поэтому-то духовенство (главнымъ образомъ, высшее) такъ ревностно и стояло за московскаго князя, что онъ устранялъ тѣ неудобства, которыя мѣшали ему спокойно пользоваться своимъ достояніемъ.

Мы уже знаемъ, что во время княженія Ивана Калиты Москва стала церковной столицей Руси. Сначала митрополиты жили въ Кіевѣ, но послѣ его разгрома татарами они переселились во Владиміръ на Клязьмѣ. На первыхъ порахъ они переѣзжали изъ Кіева во Владиміръ и обратно, большую часть времени проживая однако во Владимірѣ. Съ 1300 г. этотъ городъ окончательно становится резиденціей (мѣстопребываніемъ) митрополита. Въ 1305 г. умеръ митрополитъ Михаилъ, и константинопольскому патріарху пришлось выбирать между ста-

влепникомъ князя Михаила тверского и князя галицкаго (на югѣ) Юрія, который просилъ особаго митрополита

Рис. 14. Успенскій соборъ во Владимірѣ.

для Галича. Патріархъ рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что ставленника Юрія онъ дѣлалъ митрополитомъ всея Руси. Тверской князь, которому принадлежалъ тогда

Владиміръ, былъ недоволенъ, и Петру не особенно хорошо жилось въ этомъ городѣ. На его счастье, Тверь имѣла сильнаго врага въ лицѣ Москвы, и Петръ, путешествуя по дѣламъ церкви съ юга на сѣверъ, часто останавливался на перепутьи въ Москвѣ и подружился съ Иваномъ Калитой. Въ немъ-то онъ и нашелъ могущественнаго покровителя. Умирая, Петръ завѣщалъ похоронить себя въ Москвѣ, а его преемникъ Ѳеогностъ окончательно переселился сюда въ 1328 году. Мы уже знаемъ, что, ставъ подъ защиту Москвы, духовенство оказывало ей всяческую помощь въ ея борьбѣ съ другими удѣлами.

Въ Кіевской Руси число монастырей было невелико; къ концу 15 в. число ихъ возросло до 200. Измѣнился и самый строй монастырской жизни. Въ большинствѣ господствовалъ общежительный уставъ, т.-е. монахи не имѣли собственности и жили по строгимъ правиламъ. Въ пустынныхъ и дикихъ мѣстахъ, чаще всего за Волгой, возникали уединенные скиты, гдѣ спасались по нѣскольку монаховъ. Нѣкоторые изъ такихъ скитовъ выростали впослѣдствіи въ монастыри, которые обогащались землями и заводили большое хозяйство. Игуменъ монастыря превращался въ вотчинника-землевладѣльца, хозяина и правителя большой округой, куда не «въѣзжали» княжескіе волостели и намѣстники. Самымъ знаменитымъ монастыремъ сдѣлался монастырь, основанный Сергіемъ Радонежскимъ, Троицкая лавра, близъ Москвы.

Въ удѣльную эпоху (время) христіанство стало распространяться между инородцами Руси. Въ концѣ 14 в. св. Стефанъ Пермскій крестилъ зырянъ. Отсюда постепенно христіанство стало распространяться и дальше къ сѣверу и востоку, на другія инородческія племена.

VII.

Нравы и просвѣщеніе.

Мы видѣли, какая тяжкая жизнь выпала на долю русскаго народа въ 13, 14 и 15 вѣкахъ: наибольшая его часть, крестьянство, лишилось земли и попало въ крѣпкую зависимость отъ землевладѣльцевъ. Княжескія усобицы не прерывались, и князья усердно разоряли владѣнія другъ друга, отъ чего прежде всего страдали тѣ же крестьяне. Съ половины 13-го вѣка надъ Русью нависло татарское иго, особенно мучительное въ первые 25 — 30 лѣтъ своего существованія. Татары затруднили сношенія съ образованной Византіей (Греціей), которая, впрочемъ, и сама переживала тяжкія времена. Съ запада Руси угрожали литовцы, поляки и нѣмцы, и она мало имѣла мирныхъ сношеній съ болѣе образованными западно-европейскими народами. Изъ всѣхъ иностранныхъ народовъ русскіе ближе всего соприкоснулись съ татарами. Но что хорошаго могло принести это невольное, нежданное и нежелательное знакомство? Грубые, невѣжественные и жестокіе татары могли только усилить ту грубость нравовъ и то отсутствіе просвѣщенія, которыя и раньше царили въ русской жизни.

Хозяйственныя заботы человѣка того времени не только не требовали научныхъ знаній, но и простой грамоты. Воздѣлывать землю, выжигать лѣсъ, охотиться на звѣрей, добывать соль, собирать дани и подати, — все это такія занятія, которыя лишь изрѣдка, да и то въ самой незначительной мѣрѣ, требуютъ знакомства съ грамотой. Не только простые люди, но и большинство бояръ и князей не умѣли ни читать, ни писать. Такъ напр., Дмитрій Донской и Василій Темный были, по сло-

вамъ лѣтописца, не очень «горазды грамотѣ». Грамотные люди находились преимущественно среди духовенства, но люди начитанные и хоть немного просвѣщенные и здѣсь составляли рѣдкое явленіе. Еще кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, знали свою собственную страну, но о чужихъ странахъ и народахъ имѣли самыя туманныя понятія. Когда явились впервые татары и нанесли русскимъ пораженіе на рѣкѣ Калкѣ, лѣтописецъ только и могъ написать: «явился народъ, котораго никто не знаетъ, кто они и откуда вышли, и какой ихъ языкъ, и какого племени, и какая ихъ вѣра, а зовутъ ихъ татары, а иные говорятъ таурмены, а другіе — печенѣги, а иные говорятъ, что это тотъ народъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Меѳодій, Патарскій епископъ». Вотъ что разсказываетъ этотъ Меѳодій, грекъ, сказаніе котораго уже давно было извѣстно русскимъ книжникамъ. Въ глубокой древности жили два поганыхъ народа, Гогъ и Магогъ. Великій царь Александръ Македонскій загналъ ихъ въ полуночныя страны, въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами, и заперъ ихъ здѣсь. Только въ одномъ мѣстѣ горы имѣютъ проходъ, и здѣсь устроены были мѣдныя ворота, крѣпко затворены и замазаны сунклитомъ, особымъ составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Эти нечистые народы выйдутъ, по приказанію Бога, изъ своего заключенія только предъ концомъ міра. По мнѣнію лѣтописца, татары и есть эти народы, Гогъ и Магогъ, и появленіе ихъ знаменуетъ скорую кончину міра. На этомъ объясненіи лѣтописецъ и успокоился, и никто не полюбопытствовалъ поближе познакомиться съ невѣдомымъ народомъ, пока онъ вновь не явился и не опустошилъ русскую землю.

Невѣжественное населеніе тогдашней Руси было совершенно безпомощно предъ лицомъ такихъ бѣдствій,

какъ голодъ и повальныя болѣзни. Оно не умѣло ни предупредить ихъ, ни бороться съ ними. Поэтому такого рода бѣдствія особенно часто посѣщали страну, и то вспыхивали въ одной какой-либо мѣстности, то охватывали цѣлый рядъ городовъ и селеній, то распространялись по всей русской землѣ. Впрочемъ, и западная Европа не въ меньшей мѣрѣ подвергалась тогда всѣмъ напастямъ голода и заразительныхъ болѣзней. Въ 1230 году надъ Русью, за исключеніемъ Кіева, разразился страшный голодъ, такъ какъ сентябрьскіе морозы погубили весь хлѣбъ на корню. Въ 1309 г. опять страшный голодъ разразился надъ Русью. Вѣроятно, голода неоднократно посѣщали страну и въ теченіе длиннаго промежутка времени между этими двумя годами; только нѣтъ о нихъ упоминанія въ лѣтописяхъ. За-то мы имѣемъ длинный перечень мѣстныхъ и общихъ голодовокъ въ теченіе 14 и 15 вв. То какой-то «крылатый червь»,—вѣроятно, саранча—съѣдаетъ хлѣбъ, то онъ гибнетъ отъ морозовъ, то ему навредили лѣсные и торфяные пожары, принимавшіе въ тѣ времена чудовищные размѣры. Подъ 1284 г. лѣтопись повѣствуетъ о сильномъ морѣ на животныхъ: погибло много лошадей и рогатаго скота на Руси, въ Польшѣ и у татаръ. О томъ же разсказывается въ 1298 и 1341 годахъ. Но гораздо ужаснѣе были повальныя болѣзни, жертвой которыхъ становились люди. Въ 1341 году страшный моръ (вѣроятно, моровая язва или «черная смерть», свирѣпствовавшая въ 14 в. и въ Западной Европѣ) на людей случился въ Псковѣ; въ 1351 г. онъ повторился здѣсь и одновременно свирѣпствовалъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздали и многихъ другихъ городахъ; въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Въ 1353 году «черная смерть» свирѣпствовала въ Москвѣ и погубила,

между прочимъ, митрополита Ѳеогноста, великаго князя Семеона Гордаго, его брата Андрея и двухъ сыновей. Въ 1360 г. Псковъ опять становится жертвой этой страшной болѣзни. Въ 1363 г. «черная смерть» проникла въ Русь съ низовьевъ Волги, охватила прежде всего Нижній Новгородъ, затѣмъ перешла въ Рязань, Коломну, Переяславль, Москву, Тверь, Владиміръ, Суздаль и многіе другіе города; умирало въ день человѣкъ по 50 и болѣе. И послѣ того «моръ» неоднократно посѣщалъ то тотъ, то другой городъ, то цѣлую мѣстность, всегда производя страшное опустошеніе среди населенія и наводя на людей ужасъ.

Рис. 15. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Невѣжественный человѣкъ всегда склоненъ къ суе-

вѣрію и дикимъ выходкамъ. Бѣдствія же только усиливаютъ старыя и порождаютъ новыя суевѣрія. Немудрено, слѣдовательно, что русскіе люди того времени были до крайности суевѣрны. Вѣрили въ близкую кончину міра, въ скорое свѣтопреставленіе; вѣрили въ колдовство, наговоръ и всякое чародѣйство. Во всякой бѣдѣ видѣли козни злыхъ людей. Нерѣдко бывали случаи, когда хва-

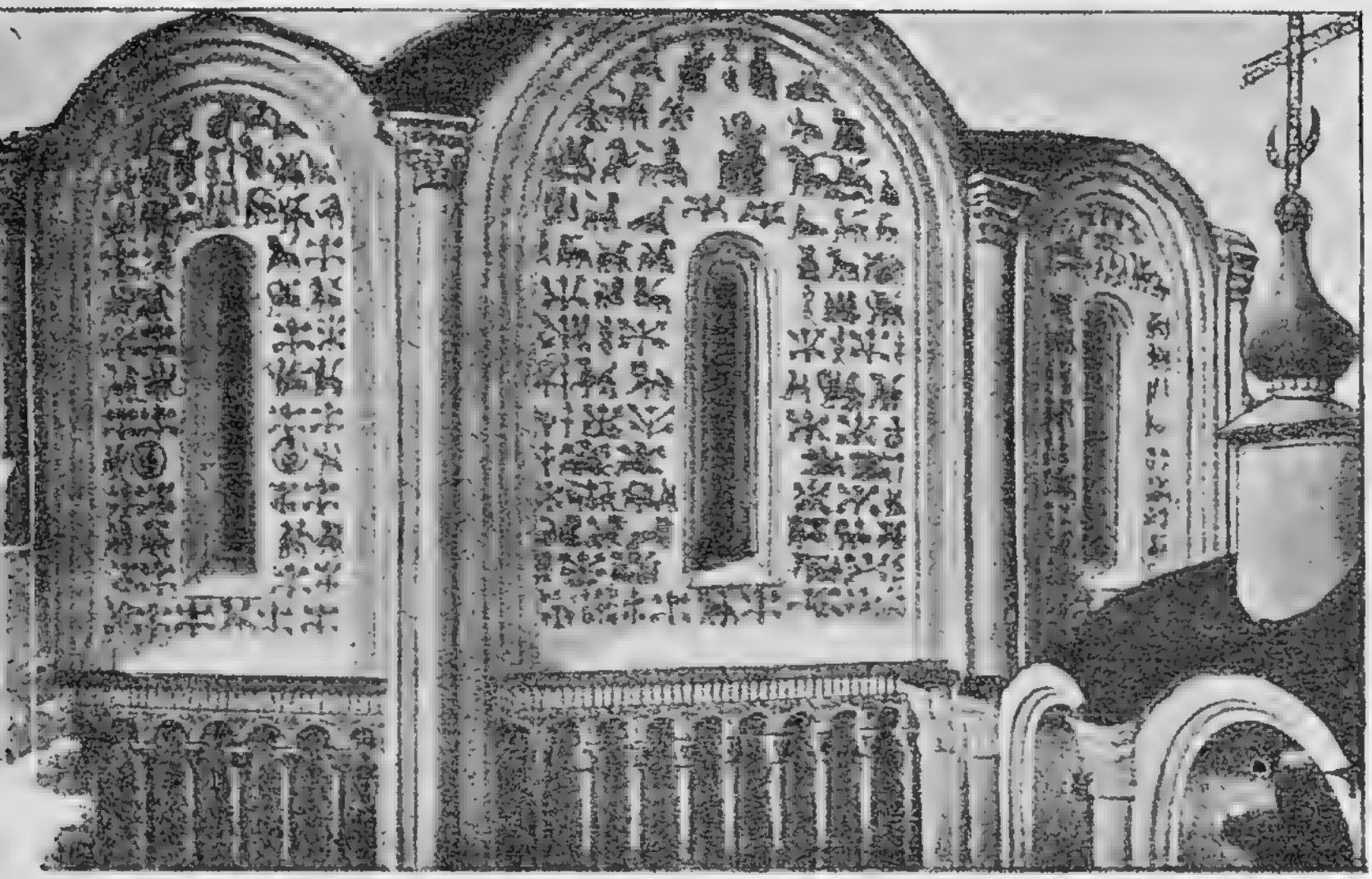


Рис. 16. Наружныя украшенія на стѣнѣ Дмитріевскаго собора.

тали совершенно невинныхъ дѣвушекъ и женщинъ, обвиняли ихъ въ колдовствѣ и сжигали на кострѣ. Особенно часто бывало это въ годины голодовокъ и мора. Суевѣрія такого рода были такъ распространены, что наиболѣе просвѣщенные представители церкви считали необходимымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться съ этимъ зломъ. Одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ

конца 13 вѣка, епископъ владимірскій Серапіонъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ: «Я было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе..., я сталъ было думать, вы утвердились и съ радостью принимаете божественное писаніе. Но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сонмѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца: ибо, если кто могъ помочь, да не помогъ,—все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бываютъ на землѣ отъ волхвованія и, наоборотъ, волхвованіемъ же хлѣбъ умножается?... Скорблю о вашемъ безуміи, умоляю васъ, отступитесь отъ дѣлъ поганскихъ».

Одновременно съ укрѣпленіемъ христіанства въ странѣ въ народѣ усилилась религіозность (приверженность къ правиламъ вѣры). Этому содѣйствовали и тѣ бѣдствія, которыя обрушились на народъ съ нашествіемъ татаръ, и тѣ опустошенія, которыя производили въ немъ болѣзни и голодовки. Духовенство призывало къ покаянію и смиренію, предсказывало близкую кончину міра, и въ народѣ находилось не мало людей, которые охотно слѣдовали этимъ призывамъ. Но какъ и въ Кіевской Руси, народъ плохо разбирался въ сути ученія Христа и привыкалъ лишь къ формамъ и обрядамъ вѣры. Больше и усерднѣе соблюдали посты, чаще посѣщали церкви, больше молились, но въ жизни оставались тѣми же грубыми людьми, какими были и раньше. Однако, по сравненію съ 11 и 12 вв. религіозность несомнѣнно охватила болѣе широкій кругъ лицъ. Это видно хотя бы изъ того, что въ теченіе трехъ вѣковъ возникло болѣе полутораста новыхъ монастырей. Многіе изъ нихъ возникли такимъ образомъ.

Какой-нибудь искренно и глубоко вѣрующій человѣкъ уходилъ изъ міра и поселялся гдѣ-нибудь вдали отъ людей, среди лѣсной чащи, въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Здѣсь онъ молился и каялся въ своихъ грѣхахъ, питаясь ягодами и кореньями растеній. Случайно о немъ узнавали жители близъ лежавшихъ селеній, и молва о подвижникѣ разносилась далеко по округѣ. Къ «божьему человѣку» начинали приходить за совѣтомъ, приносили ему хлѣбъ, а нѣкоторые, увлеченные его примѣромъ, селились вмѣстѣ съ нимъ. Возникалъ цѣлый скитъ, состоявшій изъ келій и часовни. Молва о подвижникахъ распространялась дальше и дальше; узнавали о нихъ князья и бояре и, радѣя о спасеніи своей души, приносили въ даръ скиту близъ лежавшія земли, дѣлали денежные вклады. Вскорѣ скитъ обстраивался, возводились деревянныя или каменныя стѣны; выросталъ монастырь. Бывали случаи, когда основатель монастыря покидалъ его и опять уходилъ «въ пустыню», вдаль отъ людской суеты, поближе къ природѣ и Богу.

Для пустынножителя мірская жизнь была противна не только вслѣдствіе ея бѣдствій, но и вслѣдствіе ея грубости и жестокости. Что такое жизнь мірянъ? «Всегда наслажденіе и упитаніе,—говоритъ одинъ проповѣдникъ того времени,—всегда игры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистыя». Пьянство процвѣтало такъ же пышно, какъ и во времена князя Владиміра Красное-Солнышко. Въ 1453 г. князь Василій Васильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и приказнымъ: «Говорилъ мнѣ отецъ мой, Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ, незваны и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воровство и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, князь великій, далъ ми-

трополиту грамоту, что въ его села на праздникахъ по пирамъ и братчинамъ никому незваны не ѣздить». Изъ этого приказа видно, до чего доходило нерѣдко пьяное веселье. Воровство, разбой и озорство всякаго рода выросли до огромныхъ размѣровъ; дикъ становился человѣкъ. Мужья и отцы все чаще и чаще стали опасаться за своихъ женъ и дочерей. Именно въ это время сталъ распространяться обычай держать женщинъ особо отъ мужчинъ.

На войнѣ и въ наказаніяхъ воцарилась страшная жестокость. Нижегородцы, воюя съ финскимъ племенемъ, мордвой, взяли однажды много ихъ въ плѣнъ и затравили собаками. Смольняне во время похода въ Литву, сажали литовскихъ младенцевъ на колъ, либо вѣшали ихъ внизъ головой на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами и т. п. Нерѣдко въ походѣ на татаръ ратники по пути грабили и избивали своихъ же, русскихъ. Митрополитъ Іона говоритъ, что вятичи, которыхъ привелъ съ собою Дмитрій-Шемяка, много православныхъ перемучили, переморили, иныхъ въ воду бросали, другихъ въ избахъ пожгли, коимъ глаза выжгли, младенцевъ на колъ сажали, взяли въ плѣнъ болѣе полуторы тысячи москвичей и продали ихъ татарамъ. Въ наказаніяхъ нерѣдко примѣняли такія мѣры, какъ обрѣзаніе носа, ушей, выкалываніе глазъ, отсѣченіе рукъ, битье кнутомъ и т. п. Вотъ какъ, напр., расправился Василій Темный съ нѣсколькими дружинниками князя серпуховскаго, котораго они задумали освободить изъ московской тюрьмы: онъ велѣлъ ихъ сначала бить кнутомъ, затѣмъ отсѣчь руки, отрѣзать носы, а нѣкоторымъ подъ конецъ отрубить и головы.

Въ отношеніяхъ другъ къ другу не было простоты, сердечности и доброты. Сильный давилъ слабаго, а сла-

бый хитрилъ, чтобы не быть совсѣмъ раздавленнымъ. Татарское иго только усиливало такія отношенія. «Бояре опирались на князя,—говоритъ одинъ историкъ, — какъ князь на Орду; какъ князь получалъ свое княженіе отъ хана, такъ и владѣніе имѣніемъ бояръ обезпечивалось милостью князя; бояринъ пріучался въ случаѣ нужды ползать передъ княземъ, какъ князь передъ ханомъ, и за то онъ могъ распоряжаться съ произволомъ надъ низшимъ, или чернымъ людомъ» (Костомаровъ). Болѣе слабый могъ удержаться и даже взять верхъ надъ болѣе сильнымъ только коварствомъ, хитростью, двоедушіемъ, и эти скверныя душевныя качества вызывали въ то время похвалу. Такъ, лѣтописецъ хвалитъ тверского князя за то, что тотъ, будучи слабымъ, сумѣлъ извернуться и не погибнуть въ борьбѣ двухъ сильныхъ, князя московскаго и Эдигея, хана Золотой Орды. «Исчезло мужество князей и воеводъ нашихъ», жалуется уже извѣстный намъ Серапіонъ и, обличая пороки своихъ современниковъ, ставитъ имъ въ примѣръ даже татаръ: «поганые, хоть и не

Рис. 17. Золотыя ворота во Владимірѣ.

знаютъ Закона Божія, однако не убиваютъ своихъ единовѣрцевъ, не грабятъ, не съѣдаютъ завистью, не возводятъ клеветы, не крадутъ, не запираются въ чужомъ; никто изъ поганыхъ не продастъ брата своего».

Не мудрено, что грубый и невѣжественный народъ не создалъ ничего замѣчательнаго ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ. Научныя знанія остались тѣ же, что и въ Кіевской Руси. Литература была незначительна и ютилась въ монастыряхъ, такъ какъ только здѣсь находились люди, способные писать и переписывать. Были тутъ лѣтописцы, которые описывали главнѣйшія событія своего времени, были переписчики книгъ св. писанія и другихъ произведеній, были переводчики съ греческаго. Одинъ составлялъ житіе какого-нибудь мѣстнаго святого, другіе писали и переписывали поученія отцовъ церкви и нѣкоторыхъ тогдашнихъ проповѣдниковъ. Словомъ, литература была по преимуществу церковной. Были кое-какія повѣствованія и не церковнаго свойства, но такихъ было немного. Это по большей части — переводы сказочныхъ разсказовъ съ греческаго языка. Невѣроятныя происшествія и приключенія — вотъ что составляло содержаніе этихъ разсказовъ. Легковѣрный читатель съ наслажденіемъ садился за «Сказаніе объ Индіи богатой», или «Повѣсть о Соломонѣ», или «Притчу царя Соломона о царѣ Китоврасѣ» и нѣкоторыя другія.

Но вся эта литература вращалась въ небольшомъ кругу лицъ не только грамотныхъ, но и склонныхъ къ чтенію. Неграмотная народная масса ничего не знала о ней. Народъ по-прежнему пробавлялся своими сказками, пѣснями и былями. Онъ любилъ слушать сказки о бабѣ Ягѣ, лѣшемъ, водяномъ, русалкахъ, домовомъ, пѣсни и были о древнихъ русскихъ богатыряхъ и о томъ, почему и какъ перевелись они въ русской землѣ; складывали

пѣсни и были о татарской неволѣ, о тяжкой долѣ русскихъ людей, о борьбѣ съ татарами. Скоморохи и пѣсенники доставляли развлеченіе и давали умственную пищу народу.

Господство церковности отразилось и на искусствѣ,— оно было церковнымъ по преимуществу. Свои жилища люди того времени строили изъ дерева и мало заботились о ихъ красотѣ. Но за то много старались объ украшеніи церквей. Хорошо построенная и красивая церковь составляла гордость и славу того города, гдѣ она стояла. Особенной красотой церквей отличался въ удѣльное время Владиміръ на Клязьмѣ. И замѣчательно, что этотъ городъ украсился церквами до нашествія татаръ: потомъ ужъ было не до украшенія городовъ. Андрей Боголюбскій построилъ чудесный Успенскій соборъ, сохранившійся почти неизмѣннымъ и понынѣ. Прочныя его стѣны выдержали всѣ невзгоды семивѣкового существованія. Лѣтописецъ, говоря, что Андрей Боголюбскій «доспѣ въ Володимірѣ церковь камену соборную святыя Богородицы, пречудну вельми», расхваливаетъ ее: «всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра, — пишетъ онъ,—и

Рис. 18. Лоно Авраамово.

пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ украси, каменьемъ дорогимъ и золотомъ украси ю многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю и всѣми виды и устроеніемъ подобна бысть удивленію Соломонови святая святыхъ». До нашего времени сохранилась во многихъ мѣстахъ этого храма стѣнная живопись. Стѣны расписывались нѣсколько разъ, и тѣ рисунки, которые теперь можно видѣть въ соборѣ, сдѣланы въ 1408 году, слѣдовательно, въ самомъ началѣ 15 в. знаменитымъ въ то время чисто русскимъ художникомъ Андреемъ Рублевымъ. Вообще же строили храмы и украшали ихъ лѣпкой и рисунками иностранцы, преимущественно греки. Здѣсь мы приводимъ, для примѣра, одинъ изъ стѣнныхъ рисунковъ Рублева. Онъ изображаетъ лоно Авраамово. Посреди райской зелени сидятъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; у Авраама за пазухой праведная душа человѣка въ видѣ младенца. Другимъ замѣчательнымъ по красотѣ храмомъ является Дмитровскій соборъ, построенный въ концѣ 12 в. Всеволодомъ Большое Гнѣздо. Его стѣны изъ бѣлаго известняка украшены рѣзаными въ камнѣ фигурами святыхъ, животныхъ, птицъ и растеній. Сохранились въ качествѣ памятника старины и «Золотыя ворота», построенныя Андреемъ Боголюбскимъ, въ подражаніе такимъ же воротамъ въ Кіевѣ. Только исчезла старинная церковь подъ воротами, а на ея мѣстѣ построена новая въ 18 вѣкѣ.

Владимірскія церкви славились по всей Руси. И только въ концѣ 15 вѣка возвысившаяся Москва украсилась не менѣе пышными храмами.

Могив
Магазин 9
Б р.

5 –
35 м/ї 50.